

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 5 | № 1
Volume 5 | 2019

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИОЛОГИЯ
И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULTS.
SOCIOLOGY
AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

Том 5, №1. 2019

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 5, № 1. 2019

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Шаповалова И. С.*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Лебедев С. Д.*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *Кисиленко А. В.*, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: *Ляшенко И. В.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское сотрудничество», Россия.

Вишневецкий Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мchedlova E. M., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мchedlova M. M., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сасунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухман Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черный М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарин Ю.В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: *Inna Shapovalova*, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Sergey Lebedev*, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasey Kisilenko*, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Chernysh M.F. Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Cvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevič, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University, Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkiewicz, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Yuri Shmarin, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4/year

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИSOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE

Бакрач В. Религия, плюрализм, диалог	3	Bakrac Vladimir Religion, pluralism, dialogue	3
Атанасова А.А. Трансформация ценностей социального предпринимателя в природоохранной деятельности	12	Anna A. Atanasova Value transformation of the social entrepreneur in environmental activity	12

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫSOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES
AND PROCESSES

Беляев В.А., Мингазова А.М. Отношение разных поколений населения Татарстана к экстремизму как фактор снижения межконфессиональной напряженности	25	Vladimir Al. Belyaev, Aliya M. Mingazova Attitude of different generations of the population of Tatarstan to extremism as a factor in reducing interfaith tension	25
Мастикова Н.С. Восприятие социальной справедливости россиянами на основе данных европейского исследования	39	Natalia S. Mastikova Perception of social justice by Russians according to the data of a European survey	39
Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Стиль жизни городской общности как ресурс адаптации к неопределенности среды	52	Alla V. Mozgovaya, Elena V. Shlykova Urban community lifestyle as a resource for adaptation to uncertainty of the environment	52
Трифуневич В.С. Некоторые тенденции подготовленности учителей к работе с детьми атипичного развития в республике Сербия	70	Vesna S. Trifunović Some tendencies in teachers' preparation for work with children of atypical development in the Republic of Serbia	70
Яницкий О.Н. Методология анализа динамики социальных систем	82	Oleg N. Yanitsky Methodology of the Analysis of the Social Systems Dynamics	82

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИSOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Ермолаева Ю.В. Zero-waste мегаполисы в России: реализация эффективной схемы управления отходами в России по данным экспертного опроса на примере Москвы и Казани	96	Yulia V. Ermolaeva Zero-waste megacities in Russia: implementing an effective waste management scheme in Russia according to the expert survey on the example of Moscow and Kazan	96
Московкин В. М., Явэй Л. Иноязычные сайты и социальные сети университетов: факторы повышения их конкурентоспособности	109	Vladimir M. Moskovkin, Liu Yavei Foreign-language websites and social media networks of universities: factors for increasing their competitiveness	109

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-1

Vladimir Bakrac

Religion, pluralism, dialogue

The Faculty of Philosophy – The University of Montenegro
bvladimir@t-com.me

*Received on October 13, 2018; Accepted on March 13, 2019;
Published March 30, 2019*

Abstract. This paper is focused on two very important factors when discussing religious pluralism. At first, we would like to remind you that one should distinguish between the terms *plurality* and *pluralism* and emphasize the importance and significance of dialogue and tolerance in multiconfessional and multicultural societies, therefore in societies with developed religious pluralism, including Montenegrin society. We start with the belief that it is difficult to speak about religious pluralism in the societies that have no tradition of dialogue and tolerance towards other religions. The paper is intended to be a modest contribution to dialogue and tolerance in the modern world where religion and religious ideas have a very important role. In such a social context, we should not forget that dialogue is the only way to discover the truth, beautiful personality, and a wise thought. Nowadays, dialogue and tolerance are requirements of the time, because the world is divided into all possible ways, and yet we must live together and search for what unites us. No social group can rely on a unique view of the world, just because it is a group. Dialogue and tolerance are powerful barriers to the rule of unilateralism.

Keywords: dialogue; tolerance; plurality; pluralism; religion; violence in the name of religion; religious ideology

Information for citation: Bakrac, V. (2019), "Religion, pluralism, dialogue", *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 3-11, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-1

Бакрач В.

Религия, плюрализм, диалог

кафедра социологии, философский факультет, Университет Черногории
ул. Данила Бойовича, Никшич, 81400, Черногория
bvladimir@t-com.me

Статья поступила 13 октября 2018 г.; Принята 13 марта 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.

Аннотация. В основе данной статьи лежат два важных фактора, касающиеся религиозного плюрализма. Во-первых, хотелось подчеркнуть разницу между понятиями «плюральность» и «плюрализм», а во-вторых, указать на значение и

значимость диалога и толеранции в мультиконфессиональных и мультикультуральных обществах, а значит, в обществах с развитым религиозным плюрализмом, за которыми не отстает и черногорское общество. В обществах без традиций диалога и толерантности к другим религиям сложно говорить о религиозном плюрализме. Статья представляет собой скромный вклад в создание диалога и толерантности в современном мире, в котором религия и религиозные идеи имеют очень важную роль. В данном общественном контексте мы не можем забыть, что диалог является единственным способом осознать истину, красоту и мудрость. Современный мир нуждается в диалоге и толерантности, так как мир разделен по самым разным принципам, но жить надо совместно и обнаруживать то, что нас объединяет. Ни одна общественная группа не может рассчитывать на единый взгляд на мир, так как речь идет о группе. Диалог и толерантность являются мощным препятствием власти односторонности.

Ключевые слова: диалог; толерантность; плюральность; плюрализм; религия; насилие во имя религии; религиозная идеология.

Информация для цитирования: Бакрач В. Религия, плюрализм, диалог // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 1. С. 3-11. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-1

Introduction. *Religion and/or Religious Ideology.* From time immemorial, religion besides science, represents a way of explaining the world, it gives meaning to life and universe in which we live. Therefore, it is undeniable sociological function of religion, and on that basis religion today has a very important role in everyday life. Although the majority of the countries have secular system, religion has a very strong influence on many segments of social and political life. Believers, as people who belong to different religions, almost always have quite different explanations for many questions of metaphysical character, although the essence of most religions is the same. Most religions are same or similar in its essence, but they differ in their function, belief and orthopraxy (religious practice, customs, etc.).

It is enough to remind of a wise principle “do not do to others what you would not want them to do to you”, which is incorporated in all religions and their teachings. It is called the principle because it is set opposite the historical experience in order to modify the course of history. All of this is, of course, a challenge for believers. The challenges that believers face are certainly different but I think that priority should be on the dialogue

and tolerance, as a kind of prerequisite in the societies with developed religious pluralism. It is difficult to imagine and practically justify a religiously pluralistic society where there is no tolerance towards the other and different beliefs. Also, we are not aware of the fact that there is a society with only one religion and uniform religious conviction. Multiconfessional society, where various religions intersect, where the impact of different religious cultures is felt, where different religious beliefs and religious practice mix, is almost a rule. If environment with uniform or unique religious belief, conviction and action existed, that society would be poor and disabled, because it is not directed to the entire array of other religious beliefs, thoughts and feelings.

The fact is that in these multireligious and multiconfessional societies comes to violence for religion and in the name of religion. None of religion can be amnestied by the fact that they overemphasize its primacy in possession of rights to eternal truth, while they disparage other religions. Why do we emphasize religious ideology and not religion *per se*? The answer is simple and unambiguous to some extent. If we consider universal dimension of all religions and carefully analyze their catechism, then we must realize that it is

completely unnecessary and logically unjustified to talk about violence in the name of religion. The true religion has no contact with that. It is about idolized religion and belief, when that what is universal and transcendent, metaphysical and metalogical is reduced to secular and worldly. We are dealing with religious ideology when religion (church) begins to take an interest in secular things and interests. Now, I think, it is clear why it is necessary to clean religion from ideological residue. When the concept of religion gets in the hands of ideological preferences, then it becomes a weapon for gaining secular interests rather than a tool in spiritual realization. If we closely get to know the dogma of all religions, then we will assure ourselves that values of understanding, cooperation and love, not only towards the members of our own faith but also towards the believers of different faiths, prevail in them. By knowing and understanding of what is said, the question "Where do intolerance, hatred and conflicts for faith and in the name of faith come from?" is logically imposed. Bigotry and intolerance do not come from the faith, but from the lack of real and true faith. The answer is, therefore, in religious ideology, when religion is associated with the secular sphere of interest. It is now clear why it comes to interreligious bigotry and intolerance. Believers approach the faith laicly, often adopting religious knowledge from the clergy that is quite religiously ideologized and often driven by national and other secular interests.

Methodology and methods. Christianity is by its nature a peaceful religion that requires unity despite all the differences. All nations are called "to be one", as it is said in the Holy Scripture and "to love their brother as themselves". Jesus said: "This is my commandment, that you love one another as I have loved you" (John 15/12). If someone chooses ideology, he chose not to be a true Christian. Therefore, the logical conclusion is that it is not and it cannot be a conflict between the faiths but it is the conflict between religious ideologies. Religious ideology represents a serious obstacle to tolerance and in-

terreligious dialogue! If the church ties less for its original principles then it becomes more the subject in the service of ideology. It cannot be for and against, but it can be above and beyond any ideology. It is now clear that we cannot talk about the conflict of religions, but about the conflict of ideologies. When the church and church dignitaries involve in ideological core, they drift away from Christianity. „To represent ecclesiastical disputes and conflicts as disputes and conflicts of faiths, means to hide the truth and conceal the true culprits. The extent to which churches drift away from original faith is the extent to which they have become a source of disputes and conflicts, because they increasingly received characteristics of the world, instead of preserving the characteristic of the sacred" (Šušnjić, 1998: 452; Šušnjić, 2015: 443).

Assuming the ideological outlines and objectives, the church by default creates individuals prone to violence and intolerant individuals who think that they contribute to preservation of their own faith with intolerance and aggressiveness. In fact, it is about the unknown and irrational person, who is not aware that his (mis)deeds are directed by the wishes of religious ideologies and to the detriment of his own original faith. Unfortunately, there are many similar examples, both in the recent and distant history and in the modern world. We will remind of recent example in France since January 2015, when 12 people were killed, at least 10 of them were journalists of a French newspaper (Charlie Hebdo), and the motive was a caricature of the Prophet Muhammad. This is the example where extreme individuals killed for their own faith. Someone will say that they had a "legitimate" reason to commit violence in the name of religion, they felt hurt, and their religion was attacked and threatened, even if it was in the style of offensive caricature. But who can give oneself the right to assume the role of an arbitrator? Is it about a true believer, if he gives himself the right to be God on the earth? We are not sure whether it is a greater sin to make a satirical excess with the Prophet Muhammad, or to take the role which is solely

God's providence and role on the earth. The true believer will not kill in the name of religion, no religion considers that favourably. It is well said in the Holy Scripture, "You shall not kill!" Now the question arises, whether an individual who killed in the name of religion is saint or the most terrible sinner? There is no injustice and crime that is committed against faith and that can be redeemed by new injustice and new crime. Trying to take revenge for the injustice done to his own faith, the individual consciously or unconsciously commits a new sin, which cannot be justified by any religion. Assuming God's role of arbitrator on the earth, the believer takes on a new sin towards his own religion. Now we come to ask ourselves whether this is actually about the true believer. Can a believer who commits a crime in the name of his faith, and that faith considers the crime as a sin, be considered a true believer? We think that this is not about the true believer and not about the true religious persons, but rather about the true unbeliever and unreasonable persons who have no idea about their own religion. If it is about the true believer, then he would have to know the dogma and essence of his own faith, and thus he would know that crime does not justify crime. Every crime committed towards a member of another religion, is in fact a crime towards own faith. Not only religions, but also great and profound thinkers talk about non-resistance to evil. Socrates reminds us that it is better to suffer and tolerate injustice than to do it. This wise man begins and ends his life with conversation. For him, thinking is a kind of conversation with himself or with the other and conversation is the same as searching for a man – *hominem quero*. Christ interpreted the thesis "an eye for an eye, a tooth for a tooth" by preaching that we should not defend ourselves from crime, but if someone slaps us on one cheek, we should turn to him the other cheek. Gandhi did not defend himself when they attacked him.

We will not find any proof that justifies violence, especially the aggressive violence whose terrorism is example *par excellence*, by adequate access to content analysis of the ho-

ly written authorities of any religion of the world. All religions of the world, without exception, essentially reject violence and call for peace or non-violence, as one of the supreme moral principles. Each religious tradition teaches its believers to respect life, especially the life of people, and then the life of other living creatures, and emphasize virtues such as honesty, gratefulness, cooperation, and neo symphony with other people. The word peace is mentioned 155 times in the Hebrew Bible, ninety-six times in the New Testament and we can find in the Koran 140 terms that denote peace, security and tranquillity when translated from Arabic language.

There are religious traditions that absolutize pacifism, such as Sikhism or Jainism, but also there are religions that do not have pacifist ambitions, and when there is a situation where the violence is necessary, what is understandable, but it is still used as a last resort. Actually, this is about violence in self-defence. Therefore, we find the imperative of defence in the Koran, but we shall not find a command that propagates violence which represents a purpose to itself. Also, in the New Testament is said that "...everything has its time (...), a time to love and a time to hate; a time of war and a time of peace" (Ecclesiastes 3/8).

In the end, it can be concluded that all religions, without exception, advocate peace and nonviolence, and as such they do not deserve the label of violent or terrorist religion. The committer of that crime is the only one who can be labelled, because peace, love, and tolerance towards all living beings are the basis of every true believer of any religion or confession.

Violence in the name of religion creates a solid base for fundamentalist tendencies, which are by definition angry opponents of the religious pluralism, tolerance towards other religions in multireligious societies, not to speak about science, technology, feminist movements and similar. If we remind of historical memories, even the Balkans cannot be amnestied from similar responsibilities. Nowadays, this region does not have an ear for

otherness and differences, the Balkans are unmusical area for accepting the other faiths and cultures and the area where prejudices still have firmly positioned shelter.

Research results and discussion. Dialogue and Tolerance (*Highlighting the Differences or Finding the Similarities*). From so far said, I think that we can conclude that highlighting the differences, not similarities, is on the scene. By turning the head from the same or similar, we understand and respect each other less and that is increasingly emphasized in the religious pluralism. Therefore, I will lapidary and compendiously keep on the dialogue and tolerance, which is a key prerequisite to religious pluralistic societies. In such societies, inevitably comes to meeting of the people with different beliefs, whether it is about national, religious or similar beliefs. The differences emerge in the foreground, while the similarities are almost unnoticeable. The sociologist of religion Đuro Šušnjić noted that no matter how much the individuals differ in their opinions, beliefs, nationalities, religion, etc., they always have something in common, which, in our opinion, represents a good basis for coexistence and cooperation. If a person is aware of this truth, of "this anthropological journey" he is almost aware of his own humanity. "A man is a man because of his common humanity, not only because of his diversity and uniqueness: common meanings enable understanding, special meanings hinder it. First you have to be a man and then a member of your faith, nation, class, party, etc. Believer and unbeliever, worker and employer, the member of both parties – they all think logically, because logic goes beyond these narrow definitions. Therefore, patriotism is not contrary to the philanthropy. Before each nation there is a nation of people" (Šušnjić, 1997: 197).

Although every man is different and unique, he also has some characteristics by which he is similar to all the others. Searching for what we have in common with all the others is not just a theory about better understanding, but also it is a practical desire to build the bridges among us which are neces-

sary in this time where bigotry and intolerance have the last word.

Every religion thinks that it is the only and true carrier of the real truth. All religions believe that there are two truths: theirs and nobody's. The Apostle Paul says: "world has, God knows, how many different voices, but none is without meaning" (Cor. 1.14 to 10). The dialogue is, by definition, a conversation about the common theme among several persons, who, as a rule, have different views, where actors are trying to present and explain their views and then, from that conversation, they modify, enrich and adapt not only their views but also themselves, knowledge, habits and prejudices about others. The aim of the dialogue is not in outsmarting the other; a participant in the dialogue must have a heart that knows how to listen, as Daničić said.

Interreligious dialogue is a special form of conversation. Partners in that dialogue are persons who belong to certain religious traditions and religions in an immediate sense. The basic assumption of religious dialogue is that there are traditional, cultural, historical and confessional boundaries between the participants in the dialogue. It is assumed that each participant has a picture of himself, his religious roots, about what it means to be a representative of the Jewish, Buddhist, Christian or Islamic religion.¹ In the second decade of the 21st century, many people are losing confidence in traditional religious answers that had the canonical value for the generations of their ancestors (Vukomanović, 2001). On the other hand, I think, excessive closeness within traditional borders of their own religions produces another form of danger embodied in unwillingness to dialogue with others and intolerance. All of this leads to religious, racial, national and similar antagonism. This form of communication is often present between some religions.

Willingly or unwillingly, today we have to live in a global, economic, cultural and political environment. In that global communication, meeting people of different religions,

¹ More about Islam in Riven, 2017.

nations and cultures is quite normal. That is the truth for which Christ and all the other drivers of the world's religions warn us, but we cannot or do not want to understand and accept that. We can establish interreligious dialogue only if we talk to them, not only about them. A compromise can be reached only if we put other religions and religions different from ourselves on an equal footing – from the standpoint of equal participants. Religion is one of the most original human experiences; therefore, interreligious dialogue is linked with a particular kind of consciousness: participants in the dialogue must be prepared to uncover the roots of their own convictions and beliefs, but also to accept other people's beliefs as equally true, intimate and profound. Partners in the dialogue must be ready to critically approach their doctrinal beliefs. It is necessary to be aware of our own limitations, prejudices and beliefs about the other. Therefore, no one has the right to retain primacy over the possession of whole truth, and the Christian Church should admit that it has no primacy over the possession of the Holy Spirit and that the Holy Spirit is outside the yard of the Christian Church, i.e. everywhere where people live and where they pray. To be tolerant towards someone who believes and thinks differently from us does not mean to be tolerant towards his religion or his God, but towards himself and to accept his faith as equal to ours. There is no place for dialogue and tolerance if everyone sticks to his side of the truth. It is not possible to enter into religious dialogue if each party stubbornly believes that it has primacy over the eternal truth. Ontologically speaking, if we believe that I and You are exactly the same, then it nothing happens to us. Everything that I am not and that is different for me should have a special significance because it is different from me. The result of the dialogue should be the one to complete ourselves by becoming more integrative. Therefore, the essence of the dialogue should be expanding of the Self in connection with others (Šušnjić, 1997). Partners in dialogue must critically approach their doctrines and they must be aware of

their own imperfections. Only the one, who knows the essence of all religions, can accept different answers to the same questions and he can clearly and objectively judge his own religion. A true partner in the dialogue is a “man of the third culture” who is deeply aware of advantages and disadvantages of his own culture, as well as advantages and disadvantages of the other culture or tradition in which he lives or which he studies. Today, we are aware of the fact that the truth is increasingly becoming relative and dynamic rather than absolute and static concept. Religious truths are subject to ideological, cultural, linguistic, and similar relativization. Did not the truths set in the Bible and the Koran about position of a woman – to obey and serve husband as Lord and similar, cease to be important in the civilized world a long time ago? These and similar truths should be understood and accepted in the context of time.

In order that interreligious dialogue, which we believe is essential in religious pluralistic societies, should be successful, it must be based on mutual trust. Of course, we should not forget the fact that every religion has fundamental metaphysical, theological and ethical assumptions so the one who represents that religion can be prone to different interpretations of these standards. Our religious principle must not be the point from which we start the dialogue. The Christian cannot enter into dialogue with a Buddhist if he strongly defends the view that there is one God, and he cannot enter into dialogue with the Jew if he strongly defends the view about the Holy Trinity or God-man. I think that we should start the interreligious dialogue with less complicated issues, where there is more than one basis for synthesis and accordance. In the next stage, each of the parties should be introduced with the meaning and values of other religion. During that exchange of symbolic, metaphysical, cultural and other values, each of the parties could distinguish a new road and new horizons that they have not been aware of and which could potentially be a guide for a new common journey. I consider dialogue and tolerance not only as a prerequi-

site to societies with developed religious pluralism, but also as the only way religions should approach one another.

From the previous discussion we have tried to apodictically prove that, the religion understood and accepted by ideological point of view, is a serious threat to religious pluralism. In societies that are religiously pluralistic, where influences of different faiths and cultures mix, dialogue and tolerance represent a key to mutual coexistence. We will briefly explain the terminological distinctions of the terms *plurality* and *pluralism*. Let me remind you that the term pluralism is often used imprecisely not only in laic but also in scientific sphere of interest, especially when it comes to the religious pluralism! I remind you that the religious pluralism includes heritage of Enlightenment and modern liberal democratic state. Therefore, I think that we should point out the difference between *plurality* as a state of things and *pluralism* as “an attitude that supports such state of things or idea that normatively justifies it” as Christian Moe names it (Moe, 2004). The main idea of this Islamologist is that we should make difference between theological context of religious pluralism concerning views about the truth, the validity of theological views of other religions on the one hand and the religious pluralism in the social and public sphere on the other hand. It is about relationship between society and politics towards the religious pluralism in the public sphere. Therefore, Moe points out that there are plural societies, in religious sense, in which the religious pluralism does not have major support in the society itself. There are plural societies that do not have problems with theological and social aspects of pluralism, although the state imposes some legal restrictions in the scope of legal regulation. Those restrictions are usually manifested in the terms of registration or division of *traditional* (historical) and *non-traditional* religion. Here is the place to explain all of this by the example of Montenegro. The Constitution of Montenegro since 2007 guarantees its citizens the right to freedom of thought and religion, the right to change religion and express

their religious beliefs publicly and privately. No one is obliged to declare religion publicly as well as the right to freedom of thought and conscience (Džomić, 2013). Montenegro is a secular state by its regulation. Generally speaking, we can say that Montenegro agreed to some extent its Constitution with Article 9 of the European Convention on Human Rights. However, this Constitution only accepts so-called historical or traditional religions: Metropolitanate of Montenegro and the Littoral, the Montenegrin Orthodox Church, the Roman Catholic Church - Archbishopric of Bar and Bishopric of Kotor and Islamic religious community, all the others have the status of non-traditional religious communities in Montenegro. As far as we know, today in Montenegro, there are more than 20 religious communities. The Montenegrin Roman Catholic Church, which is not recognized by the Holy See in the Vatican, was established recently. In the Constitution of Macedonia, for example, only Macedonian Orthodox Church is legitimized by the Constitution (Article 19), while other churches, for example Serbian Orthodox Church is in a constitutional vacuum. Montenegro is a kind of specificity, because after the dissolution of Socialist Federal Republic of Yugoslavia, religion in all the republics acted in integrative way, examples are Roman Catholic Church in Croatia and Slovenia, as well as Serbian Orthodox Church in Serbia. These churches acted in a very integrative way, protecting identity and national subjectivity in those societies.² However, there are two Orthodox churches in Montenegro (Metropolitanate of Montenegro and the Littoral and the Montenegrin Orthodox Church) that cannot be amnestied from disintegrative responsibility in Montenegrin society. The Montenegrin Orthodox Church is presented as a key factor in shaping the Montenegrin national peculiarities, and on the other hand Metropolitanate of Montenegro and the Littoral is presented as only canonically recognized Orthodox church in Montenegro that is trying to marginalize Montenegrin na-

² More in, Castells, 2000.

tional peculiarity, considering it as a product of communist rule as well as to preserve the unity of Serbian Orthodox Church that was restored in 1920. In all these events, the church acts in a disintegrative way, it often comes out of the bounds of spirituality and tolerance. If we add to this the fact that today in Montenegro there are over twenty religious communities, then we can say that here, in fact, it is about quite religiously diverse area. The Orthodox Church, although it is the most dominant in the number of believers (according to the census of 2011, 72.0% of the respondents identified themselves as Orthodox), is slowly losing its monopoly. When a religious organization loses its monopoly, then we can talk about a pluralistic society where besides two Orthodox churches we also have the Roman Catholic Church (about 3.5%) and the Muslim religious community (18.0%). The remaining population consists of members of other religious communities: agnostics, atheists and "undeclared" persons. According to the data of the Ministry of Internal Affairs of 4 November 2013, Montenegro previously reported 19 religious communities with a tendency of further growth. In any case, it is a multiconfessional and multireligious environment, where dialogue and tolerance should have a crucial significance if we want to maintain a harmonious community life, despite the differences. We must organize the coexistence guided by the idea that if we cannot live with each other, we can at least live next to each other, of course, respecting all the differences in faith and religious practice.

Montenegro can be proud of the fact that it has a very rich experience of religious tolerance throughout the history. One particularly interesting example is bringing of St. Vladimir's cross in front of the church near Bar, where traditionally Orthodox, Roman Catholic and Muslim believers participate together. It often happens that Orthodox and Roman Catholic Church perform ceremony in the same church. A similar example is in Kotor, a town in the south of Montenegro, where on the day of St. Tripun, Orthodox and Ro-

man Catholic churches and their believers perform ceremony in honour of the mentioned saint. Unfortunately, the burning issue is a conflict between two Orthodox churches, because here, in fact, it is not just about dogmatic issue, but it is also deeply about national and political paradigms.

In the previous part of the text we talked about the great misunderstandings between religions in interreligious and intercultural communication as well as about insufficient knowledge of other and different from ourselves, our own religion and culture. Now we ask ourselves what we actually need to understand. We note that in popular and media discourse, little attention is paid to the basic concepts, not to speak about fundamental distinctions of religious, cultural and political aspects of particular phenomena. In the modern world it is necessary to distinguish global, regional and local varieties. For example, according to the researches of the powerful BBC World Service from 2007, most people in the world consider that the main motives for conflicts are interest and political power but not religion. Therefore, according to the researches of GlobeScan and the University of Maryland from 2006/2007, which included 27 countries and 28,000 respondents, about 56% of respondents see the common basis between Islam and the West, and only 28% see the inevitability of the conflict

(http://www.globescan.com/news_archives/bbciswest).

There is a number of quite different interpretations and varieties among religions in pluralistic societies. Relationship between religion and politics is not one-sided. If we take the relationship between Islam and Islamism as an example, we will see that Islamism is not as homogeneous as it can be noticed in a superficial analysis. Milan Vukomanović in his book *Homo viator* makes difference between three aspects of Islamism: a) Islamism as a political and national movement that is aimed at governing the state, establishment of "social justice" or taking the power at democratic elections, but not much more than that;

b) missionary Islamism that is aimed at governing the society; c) jihadist Islamism, as a subvariety of the missionary movement, but also the subvariety of the national and political movement (Vukomanović, 2008: 74).

The phenomena that marked the religious events in modern world in the late twentieth century were certainly strengthening of Islamism and Islamic revivalism, strengthening of the Christian Right in the USA, as well as the return of classical religiosity in former socialist countries (Tanasković, 2011; Tanasković, 2010). All these events seriously shook the theories of secularization which were especially popular in the sixties and seventies of the twentieth century and they also intensified the need for glorification and deification of dialogue and tolerance that are essential need for religiously pluralistic societies, as we have tried to prove in this paper. The theory of secularization is not an accidental theory because in that period in the USA and the Western Europe it came to erosion of traditional religiosity and greater openness to new religious movements, and withdrawal of religion from the public into the private sphere, too. One of the most important modern sociologists Peter Berger was a great supporter and an advocate of the theory of secularization³ in the sixties, but nowadays he completely changed his own theoretical beliefs regarding this issue because empirical evidence indicates desecularization that has tendencies to properly monitor the process of modernization everywhere in the world except in the Western Europe, that is defined as "the exception that proves the rule" by Grace (Davie, 2002; 2005, 65-83). Because of that, Berger abandoned his previous ideas about the secularization, emphasizing that the assumption that we live in a secularized world is wrong (Berger, 2005: 2). The theory that the process of modernization leads to the weakening of religion has no support in the modern theory. The examples in the USA explicitly indicate that. Extremely secular

view of the world is still present in countries of the Western Europe as well as within the educated and humanistic elite which in that meaning makes a distinct subculture. Having in mind the above, the religion is no longer possible to ignore, especially if we take into account the consequences that can cause religious beliefs, which we briefly referred to at the beginning of this work. Finally, religious beliefs, that border on fanaticism, indicate that religion and religious beliefs have a very important role in the modern world, especially the consequences they involve and which can be tragic, as we have seen. The rise of religiousness and the weakening of the secularization paradigm also comes in Eastern Europe (Лебедев и Благоевич, 2014: 107-111). All these events about revival of religion and religious ideas can be a serious threat to interreligious tolerance in pluralistic societies, especially if we consider the revitalization of religion of the nineties of the twentieth century in almost all parts of the world, most frequently through the New Age, fundamentalist and extremist forms.

Conclusions. We can draw certain conclusions from so far said. In religiously pluralistic societies, where it comes to mixing of different beliefs, dialogue and tolerance should be the starting point. Tolerance is the ability to listen to a man who has different opinion about the same thing, in order to discover contents in his opinion, which could contribute to connection, approach, correction, complement and expression of opinions in a form that would satisfy both sides. We should respect the person who has different opinions, beliefs and religious beliefs even if we are convinced, that what he believes in, seems completely pointless to us.

The extent to which both sides are enriched with knowledge of the religious heritages of other traditions, beliefs and cultures, is the extent to which they could bring out common spiritual paths and realities in the dialogue, which they have not even been aware of before that encounter. Although interconfessional and interreligious encounters are not so often, such a dialogue could be

³Wilson, 1966; Berger, 1967, 1997; Chaves, 1994, Bruce, 2003.

come an instrument for new insights and revelations. After such a dialogue, a Christian will feel more like a Christian, a Jew like a Jew, a Muslim like a Muslim, a Buddhists like a Buddhists, etc. All of them would recognize in themselves the ability to become spiritual lighthouses of humanity, the bearers of some fundamental and religious values on which human society lies and survives for thousands of years. In the world, when we can less speak of secularization and more of desecularization and return of religion on the world scene, tolerance should be of crucial importance for coexistence with other faiths and cultures. Especially, we should keep this in mind, if we know the fact that religion returns on the world stage in its quite radical forms that border on fanaticism.

References

Lebedev, S. D. and Blagojević, M. (2014), Institutional and personal identification of Orthodoxy in Russia and Serbia, *Chelovek*, (3), 107-111. (in Russia).

Berger, P. L. (1967), *The Sacred Canopy*, Anchor Books, New York, USA.

Berger, P. L. (1997), *Epistemological modesty: An Interview with Peter Berger*, Christian Century, USA.

Berger, P. L. (2005), "The Desecularization of the World: A Global Overview", in Berger, P. (ed.), *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics Grand Rapids*, USA.

Bruce, S. (2003), "Predicting Religion, Christian, Secular and Alternative Futures", in *Theology and Religion in Interdisciplinary Perspective Series, On the Demise of Christianity in Britain*, Ashgate Press, Aldershot, USA.

Castells, M. (2000), *Power of Identity*, Golden marketing, Zagreb, Croatia.

Chaves, M. (1994), *Social Forces*, Secularization as Declining Religious Authority, USA.

Davie, G. (2002), *Europe: The Exceptional Case*, Darton, Longman and Todd, London, UK.

Davie, G. (2005), "Europe: The Exception that Proves the Rule?", in Berger, P. (ed.), *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics Grand Rapids*, USA.

Moe, C. (2004), *Senses of Religious Pluralism: With Particular Reference to Bosniak Islam* [Online], available at: <http://www.kotor-network.info/articles>. (Accessed 9 November 2017).

Dzhomich, V. (2013), *Church and State in Montenegro*, Svetigora – Oktoih, Cetinje, Podgorica, Belgrade, Montenegro, Serbia. (in Serbian).

The Old and New Testament of the Holy Bible (2004), The Holy Synod of the Serbian Orthodox Church, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Riven, M. (2017), *Islam*, Laguna, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Susnjich, Dj. (1997), *Dialogue and tolerance*, Chigoja Press, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Susnjich, Dj. (1998), *Religion I and II*, Chigoja Press, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Susnjich, Dj. (2015), *Theory of Culture*, Chigoja press, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Tanaskovic, D. (2010), *Islam – dogm and life*, Srpska knjizevna zadruga, Novi Sad, Serbia. (in Serbian).

Tanaskovic, D. (2011), *Neoosmanism*, Sluzhbeni glasnik, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Vukomanovich, M. (2001), *The Sacred and the Multitude – Challenges of Religious Pluralism*, Chigoja Press, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Vukomanovich, M. (2008), *Homo viator – religion and new age*, Chigoja Press, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Wilson, B. R. (1966), *Religion in Secular Society*, C.A. Watts, London, UK.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Бакрач Владимир, доктор социологических наук, профессор философского факультета Университета Черногории.

Vladimir Bakrac, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro.

УДК 316.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-2

Атанасова А.А.

**Трансформация ценностей социального предпринимателя
в природоохранной деятельности**

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
atanasova.a.a@gmail.com

*Статья поступила 10 октября 2018 г.; Принята 12 февраля 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. Ценности определяют социальное поведение и могут служить разному направлению развития общества, его инволюции или эволюции. В зависимости от череды осознанных выборов, волевых решений, протяженных во времени, и трансформации ценностей происходит становление и развитие социальных предпринимателей как особой группы, трансформирующей общество. В данной статье рассматриваются теоретические основания для рассмотрения ценностей как эгоистических и альтруистических. Эгоистические ценности эволюционируют в альтруистические ценности с течением времени, привнося в жизнедеятельность личности (лидера, будущего социального предпринимателя) элементы социальной активности (участие в волонтерской деятельности, экологический активизм, социальная помощь другому). Социальные предприниматели в природоохранной деятельности своим организованным существованием сглаживают парадокс эколого-экономического противоречия, находя новые пути для функционирования зеленой экономики. Найти решение для по крайней мере двух социально-значимых интересов (благоприятной окружающей среды и экономической сферы) является весомым достижением феномена социального предпринимательства и личности каждого отдельно взятого социального предпринимателя. Говорить о нахождении равновесия в трех сегментах концепции устойчивого развития нужно постоянно, ведь именно в их сочетании кроется баланс мира. Место социального предпринимателя в достижении целей устойчивого развития в РФ может быть ключевым.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; природоохранная деятельность; альтруистические ценности; эгоистические ценности; эколого-экономическое противоречие; устойчивое развитие; гражданское общество; сострадательное сознание.

Информация для цитирования: Атанасова А.А. Трансформация ценностей социального предпринимателя в природоохранной деятельности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 1. С. 12-24
DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-2

Anna A. Atanasova

Value transformation of the social entrepreneur in environmental activity

Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia

atanasova.a.a@gmail.com

Received on October 10, 2018; Accepted on February 12, 2019;

Published March 30, 2019

Abstract. Values define social behavior and can serve different directions in the development of society, its involution or evolution. Depending on the sequence of deliberate choices and volitional decisions extended over time, the emergence and development of social entrepreneurs as a special group that transforms society is taking place. This article discusses the theoretical basis for considering values as egoistic and altruistic. Selfish values evolve into altruistic values over time, introducing into the life of the individual (leader, future social entrepreneur) elements of social activity (participation in volunteerism, environmental activism, social assistance). Social entrepreneurs in environmental activities smooth with their organized existence the paradox of eco-economic contradiction, finding new ways for the functioning of the green economy. Finding a solution for at least two socially important interests (favorable environmental and economic sphere) is a significant achievement of the phenomenon of social entrepreneurship and the personality of each individual social entrepreneur. It is always necessary to talk about finding an equilibrium in the three segments of the concept of sustainable development, because it is in their combination that the balance of the world is produced. The place of a social entrepreneur may be the key in achieving the goals of sustainable development in the Russian Federation.

Keywords: social entrepreneurship; nature protection activity; altruistic values; selfish values; eco-economic contradiction; sustainable development; civil society; compassionate consciousness.

Information for citation: Atanasova, A. A. (2019), "Value transformation of the social entrepreneur in environmental activity", *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 12-24, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-2

«Если эволюция – это борьба за выживание, то почему она безжалостно не уничтожила альтруистов, которые, похоже, увеличивают перспективы выживания другого человека ценой своих собственных возможностей?», – Питер Сингер. Глава 1, Истоки альтруизма, С. 5.

Введение (Introduction). Одна из проблем, социальная и экологическая – возрастание риска ухудшения здоровья и существования человека на планете. Социальные предприниматели в природоохранной деятельности выступают в роли взявших на себя часть коллективной ответственности за разрушение окружающей среды, то есть они выступают в роли приводящих хаос в порядок и восстанавливающих, регенерирующих окружающую среду. Но социальных предпринимателей в природоохранной деятельности мало, и их ценности следует

изучить для того, чтобы взрастить и воспитать больше социальных предпринимателей в природоохранной деятельности, у которых преобладают альтруистические ценности и запал создавать общественно-полезный вклад. Решать проблему стоит через исследование практик социальных предпринимателей, обучение и воспитание новых социальных предпринимателей, социальную рекламу и пропаганду зеленых практик в ежедневной рутине жизни.

Методология и методы (Methodology and methods). Несмотря на то, что феномен

социального предпринимательства уже узнаваем в нашей стране, все еще на карте этого понятия остались белые пятна. Существуют разные определения социального предпринимательства, а также разные подходы к его изучению, рассмотрим некоторые из них. Согласно одному из множества определений социального предпринимательства, данного Биллом Дрейтоном, основателем фонда «Ашока: инновации для общества», «социальное предпринимательство – это сообщества лидирующих социальных предпринимателей, работающих вместе» (Michelman, 2009). Это определение подчеркивает важность совместной работы социальных предпринимателей, то есть именно того процесса формирования сообществ социальных предпринимателей, который происходит в современной России.

Другое определение дала Ким Альтер (Alter, 2007: 12), исследователя социального предпринимательства: «социальное предпринимательство – это новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости. В его основе лежит функционирование так называемых социальных предприятий – предприятий, созданных с целью решения определенной социальной проблемы или проблем, действующих на основе инноваций, финансовой дисциплины и порядка ведения дел, принятого в частном секторе». Данное определение подчеркивает способ анализа социального предпринимательства через рассмотрение специфики самих социальных предприятий.

Еще одно определение, данное группой исследователей во главе с Шейкер А. Зара (Zahra, et al., 2009: 519-532) звучит так: «социальное предпринимательство включает в себя деятельность и процессы, предпринимаемые для открытия, определения и пользования возможностями для того, чтобы увеличить социальное богатство путем создания новых предприятий или управления существующими организациями в инновационной манере». Это определение показывает соци-

альное предпринимательство сквозь призму социальных процессов.

«Социальное предпринимательство существует там, куда частный сектор не пойдет, и там, куда государство не может пойти. Социальное предпринимательство целесообразно рассматривать как механизм, решающий «проблемы государственного и частного сектора, которым в данный момент не уделяют внимания» (Haber, 2016: xi).

Немаловажным является и то, как исследователи определяют действующее лицо, социального предпринимателя. Бринкерхофф (Brinckerhoff, 2009: 37) считает, что «социальный предприниматель – это кто-то, кто берет на себя разумный риск от имени тех людей, кому служит его организация».

А Лидбитер (Leadbeater, 1997: 3) пишет, что «социальные предприниматели – предприимчивые, инновационные и трансформирующие индивиды, которые также являются лидерами, рассказчиками историй, менеджерами людей, визионерами-оппортунистами и строителями альянсов. Они распознают социальную проблему и организуют, создают или управляют предприятием для того, чтобы произвести изменение».

В тематическом сборнике научных статей, посвященных анализу подходов к пониманию социального предпринимательства, изданном в 2009-ом году под редакцией Р. Циглера, утверждается, что «своей деятельностью социальные предприниматели напрямую влияют на государственную политику, разница в их опыте лишь в том, насколько власти в каждом случае готовы идти им навстречу. Одновременно почти все социальные предприниматели оценивают важность обучения для развития и распространения своего начинания» (Атанасова, 2015: 154-155).

Как видно из приведенных выше определений как феномена социального предпринимательства, так и самого социального предпринимателя исследователи оперируют разными аспектами этих явлений, но практически всегда сходятся в следующих составляющих: а. наличие социальной и/или экологической проблемы; б. бизнес-подход к ее

решению; в. новаторство; г. роль сообществ в деятельности социального предприятия; д. социальный вклад; е. положение социальных предпринимателей как медиаторов решения проблем, которым государство и частный сектор не уделяют внимания.

«Все социальные движения начинаются с чувства недовольства существующим социальным устройством. Это чувство обусловлено двумя причинами: во-первых, объективными событиями и ситуациями, во-вторых, критериями, эталонами, на основе которых люди их оценивают. Помимо общего чувства недовольства, люди должны обрести сознание несправедливости существующего положения вещей, его несоответствия нормам и ценностям общества. Они видят, что не принимаются никакие меры, чтобы изменить ситуацию; их вдохновляет представление о том, как должно быть. Чтобы это осуществить, надо создать какую-то организацию. Идеология придает значимость социальной проблеме, четко определяет ее с точки зрения понятий о добре и зле и предлагает руководство к действиям для исправления зла» (Смелзер, 1994).

Социальное предпринимательство как феномен не является социальным движением, однако социальные предприниматели, испытывая недовольство существующим социальным устройством в какой-то определенной сфере, выделяют социальную проблему, которую им бы хотелось решить, как и при функционировании движения в гражданском обществе. Создание вокруг социальных предпринимателей сообществ, их поддерживающих, помогает мягко трансформировать социальную среду, без нужды для революционных действий. Представим, что на всей территории страны пожар, социальные предприниматели и их предприятия, организовали бы огонь вокруг себя, являясь поглощающим его очагом нейтральности.

Социальный предприниматель оперирует без страха провала, под девизом: «А давай попробуем?», возможно, присутствует даже некая доля авантюризма, которая позволяет регулярно и дисциплинированно перешагивать через черту страха провала.

Сообщества социальных предпринимателей, харизма и сила социального предпринимателя, альтруистические ценности социального предпринимателя – рецепт успеха социального предприятия.

Ценностные ориентации социальных предпринимателей в природоохранной деятельности на данный момент являются неизученной областью исследования феномена социального предпринимательства. Целью данной статьи является определение понимания трансформационных процессов ценностных установок социальных предпринимателей в природоохранной деятельности.

Методологическая база исследования основана на фундаментальных общесоциологических представлениях о социальной сущности явлений и процессов, на новейших разработках относительно специфики трансформационных процессов (М.К. Горшков, П.М. Козырева), инноваций в социальной структуре современного российского общества (З.Т. Голенкова, М.Ф. Черныш, О.И. Шкаратан), на разделяемых научным сообществом принципах концепции устойчивого развития, на разработках сущности эколого-экономического противоречия (А.В. Мозговая), разработках относительно сущности социального предпринимательства (А.А. Московская), концепции ценностей и диспозиционной регуляции социального поведения личности (В.А. Ядов).

В совокупность методического обеспечения включены метод и техника сбора первичной социологической информации, инструментарий, разрабатываемый для реализации измерения соответствующих признаков выбранным методом и техникой, способ анализа и интерпретации полученных данных.

Поскольку феномен социального предпринимательства находится в стадии становления, и представителей совокупности социальных предпринимателей в целом и в природоохранной сфере в частности очень мало, методы количественного анализа не представляются адекватными в задуманном исследовании. Методология и методы качественной социологии как раз подходят для

исследований формирующихся сообществ, отличающихся специфической субкультурой, своеобразной картиной мира, набором практик взаимодействия друг с другом и с социумом.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). *Общие концепции определения ценностей.* «Ценности – социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, романтическая любовь, дружба и т.п. Ценности выражают то, как должен быть устроен мир и каким должен быть человек. Они не подвергаются сомнению, служат эталоном и идеалом для всех людей. Если верность является ценностью, то отступление от нее осуждается как предательство. Для описания того, на какие ценности ориентируются люди, в науке применяются ценностные ориентации. Ценности представляют собой разделяемые многими людьми убеждения относительно целей, к которым следует стремиться.

Ценностные ориентации описывают индивидуальные отношения или выбор конкретных ценностей в качестве нормы своего поведения. Если ценности выражают некоторые абсолютные нормы, цели, идеалы, которым следует все общество и которые оно свято чтит, то ценностные ориентации относительноны и индивидуальны. Они проистекают от того, что индивид может свободно следовать идеалам, а может им не следовать. Ориентация на одни ценности и отвержение других называется ценностной ориентацией. Одни люди привержены ценностям коллективизма, а другие – ценностям индивидуализма. Честь и достоинство семьи – одна из важнейших ценностей человеческого сообщества с древнейших времен. Проявляя заботу о семье, мужчина демонстрирует свою силу, храбрость, добродетельность и все то, что высоко оценивается окружающими. В качестве руководства к своему поведению он выбрал высокочтимые ценности. Они стали его культурной нормой, а психологическая

установка на их соблюдение – ценностной ориентацией» (Кравченко, 2015: 340).

Ценности определяют социальное поведение, по Рокичу, «ценностные приоритеты индивидов могут выступать в роли целей, а также предпочитаемых способов их достижения, определяя поведенческие практики, распространенные в обществе» (Рокеач, 1973).

Ценности могут служить разному направлению развития общества, его инволюции или эволюции. В зависимости от череды осознанных выборов и волевых решений, протяженных во времени, происходит становление и развитие социальных предпринимателей как особой группы, трансформирующей общество.

Владимир Александрович Ядов разделял ценности на терминальные ценности или ценности-цели и инструментальные или ценности-средства. Если у Владимира Александровича Ядова ценности-цели достигаются посредством ценностей-средств и дополняют друг друга, то в классификации, предложенной автором данной статьи, эгоистические ценности противопоставлены альтруистическим во времени, трансформируясь из одного в другое.

В работе «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности» очертил «приблизительный ценностно-ориентационный портрет инженеров СССР: «Семья и интересная работа – это главное в жизни если, конечно будет сохранен мир и не подведет здоровье. Общение с друзьями и любовь украшают мою жизнь. Разумеется, очень важно материальное благополучие, но оно – не самое главное в жизни. Что касается творчества, познания и достижений, достойных общественного признания, – это не всем удастся, но было бы очень желательно. В чем я совершенно уверен, так это в том, что люди, живущие ради собственных удовольствий, ничего не стоят. Удовольствия приятны, но делать из этого цель существования недостойно» (Ядов, 2013: 74). Этот портрет вполне подходит для начинающего волонтера, который только встал на путь служения надындивидуальному.

Важно разделение на эгоистические (направленные на благо себя) и альтруистические ценности (направленные на благо другого), которые определяют становление социального предпринимателя. Альтруистические – основополагающие, на них строится дальнейшая работа.

Эгоистические ценности эволюционируют в альтруистические ценности с течением времени, привнося в жизнедеятельность личности (лидера, будущего социального предпринимателя) элементы социальной активности (участие в волонтерской деятельности, экологический активизм, социальная помощь другому). Именно с течением времени и ростом осознанности происходит смена ценностных ориентаций у человека.

Не все социальные предприниматели подвижны в начале деятельности альтруистическими ценностями, некоторые авторы считают (Моисеев, 2017), что для социальных предпринимателей первичным является материальная выгода и бизнес-составляющая процесса. И здесь не могу согласиться полностью, так как первичным с моей точки зрения является социальная миссия социального предприятия при условии устойчивой бизнес-модели функционирования дела. Согласно проведенному исследованию, даже те социальные предприниматели, кто начал строить бизнес, а лишь потом узнал, что они подпадают под определение социальных предпринимателей, признают важность социальной миссии и держаться своего вновь обретенного статуса и именованию социальным предпринимателем, не отказываясь от того, что они строят настоящий бизнес.

Ценности СП в природоохранной деятельности. «Только благо может считаться ценностью ... Ценностные приоритеты всегда носят противоречивый характер» (Асонов, 2012: 14), благо не всегда легко достижимо. С чем и работают социальные предприниматели, склеивая разные заинтересованные стороны в рамках своего дела.

Ряд авторов, в том числе психолог, изучающий окружающую среду, Тациано Мил-

фонт, из университета Виктории в Веллингтоне, Новая Зеландия, пишет о том (Hauley, 2018), что, с одной стороны, существуют люди, которые придерживаются альтруистических ценностей, те, кто хочет достигнуть равенства в обществе, и они скорее склонны быть про-экологичными. С другой стороны, люди, которые сфокусированы на ценностях самосовершенствования и социальном доминировании склонны меньше волноваться о состоянии окружающей среды.

Ценности ведут к экологически-направленному поведению, угроза или риск экологической катастрофы представляется объектом внутреннего внимания респондента, что ведет к действию, направленному на защиту окружающей среды. И «альтруистические ценности», и «ценности самосовершенствования» в подходе Тациано Милфонта и его коллег (Milfont et al., 2010: 2791-2813), (в понимании автора статьи: альтруистические ценности и эгоистические ценности) ведут к про-экологичному поведению.

Альтруистические и эгоистические ценности преобладают в человеке, заботящемся о природе, в зависимости от уровня развития общества. В развивающихся обществах про-экологичное поведение вызвано ценностями самосовершенствования или эгоистическими ценностями, в развитых обществах – ценностями альтруистическими или направленными на развитие сообщества.

Социальные предприниматели в природоохранной деятельности выбрали такую сферу профессиональной деятельности потому, что относятся к новой формирующейся группе заботящихся о природе людей, осознающих экологическую угрозу и риск экологической катастрофы. Они выступают в роли трансформирующих традиционное понимание бизнеса только ради прибыли, в бизнес с обязательной социальной и экологической направленностью. Понимая реалии ведения бизнеса в России, они не боятся коммуникации с властью и ежедневной деятельности предпринимателя в условиях неопределенности, получают позитивную обратную связь от сообществ, в которых функционируют. Группа социальных предприни-

мателей в природоохранной деятельности пока не многочисленна, но растет, и можно в скором времени будет говорить о возникновении конкуренции между социальными предпринимателями в природоохранной деятельности. Есть даже такая концепция «сооретition»: в условиях рыночной экономики приходится иногда соревноваться с коллегами по цеху, особенно, если ресурсов мало. Однако чаще всего им имеет смысл сотрудничать, поскольку это делает их проекты более эффективными, устойчивыми и конкурентоспособными» (Кикал, Лайонс, 2014: 22).

Личность социального предпринимателя, эколого-экономическое противоречие и устойчивое развитие. «Расширение возможностей управления собственным сознанием – это путь утверждения в нем высших человеческих ценностей. Чтобы преодолеть глобальный кризис земной цивилизации, ведущий к деградации и гибели, надо преодолеть такие негативные свойства массового сознания, как неумное потребление, агрессивность, крайний эгоизм». Главная, жизненно необходимая задача нашего времени, по словам Его Святейшества, Далай-Ламы, состоит в том, чтобы изменить наше сознание.

Высшие ценности реально существуют. Не у всех и не всегда, но у некоторых людей они выполняют важную функцию организации организма, поддержания его энергии, его воли, его целеустремленности.

«Напрашивается вопрос: откуда брать высшие ценности? Из религии? Необязательно. Человек может быть атеистом, но иметь высокий духовный потенциал. В глазах атеиста религия пытается приватизировать понятие духовности. Духовность – это приверженность высшим ценностям, но ее мы встречаем у многих атеистов. Многие атеисты были в высшей степени духовными людьми» (Дубровский, 2017).

Не могу судить о распределении социальных предпринимателей по религиозной принадлежности в России и, тем более, в мире, но то, что духовность в деятельности социальных предпринимателей на этапе эволюции ценностей в альтруистические при-

сутствует. Наблюдая за жизнью нескольких социальных предпринимателей в социальных сетях, можно сделать вывод, что высшие ценности – они же альтруистические – на самом деле поддерживают энергию, волю и целеустремленность социального предпринимателя, выполняя важные функции организации организмов социальных предпринимателей. В цитируемой статье шла речь о нейронауке, возможно, социальные предприниматели открывают новые нейропути для всего «мозга общества»? А, если брать во внимание то, что природа является основой существования всех видов на планете, возможно, социальные предприниматели в природоохранной деятельности восстанавливают утраченные связи между погрязшим в потребительстве массовым сознанием и сознанием сострадательным и тяготеющим к помощи ближнему и планете?

Социальные предприниматели в природоохранной деятельности оперируют в условиях эколого-экономического противоречия, которое во многом и отражает столкновение сознания сострадательного и сознания потребительского. «Эколого-экономическое противоречие формируется вследствие несовпадения логики развития экономической сферы и интересов сохранения здоровой окружающей среды. Проявляется оно через конфликт таких базисных ценностей, как право граждан на благоприятную окружающую среду и охрану здоровья, и стремление отдельных лиц и групп населения к экономической выгоде любой ценой. Сущность противоречия состоит в столкновении по крайней мере двух социально-значимых интересов, причем если субъект экономических интересов, как правило, очевиден, то носитель экологического интереса, будучи даже очевидным, зачастую неорганизован и, соответственно, не заявляет свою позицию» (Мозговая, 2004: 143-156).

Социальные предприниматели в природоохранной деятельности своим организованным существованием сглаживают парадокс эколого-экономического противоречия, находя новые пути для функционирования зеленой экономики. Найти решение для по-

крайней мере двух социально-значимых интересов (благоприятной окружающей среды и экономической сферы) является весомым достижением феномена социального предпринимательства и личности каждого отдельно взятого социального предпринимателя. Говорить о нахождении равновесия в трех сегментах концепции устойчивого развития нужно постоянно, ведь именно в их сочетании кроется баланс мира.

Эколого-экономическое противоречие может быть преодолено благодаря функцио-

нированию социальных предпринимателей в природоохранной деятельности, ценности которых эволюционировали от эгоистических к альтруистическим.

Защита окружающей среды, а также инвестирование времени в помощь другим с дисциплинированностью и проявлением силы воли ведет социального предпринимателя в природоохранной деятельности к позитивной трансформации реальности и продвижению к решению социальной и/или экологической проблемы.

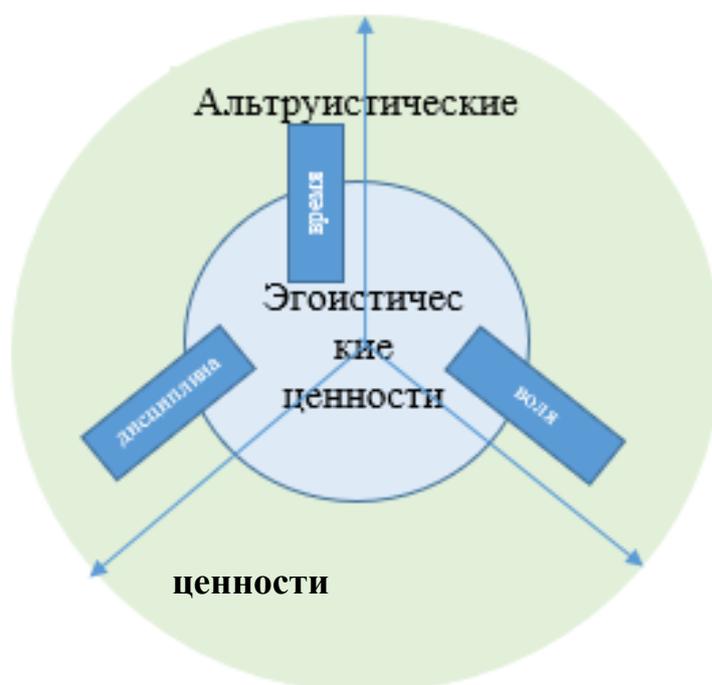

Рис. Эгоистические и альтруистические ценности социального предпринимателя
Fig. Egoistic and altruistic values of a social entrepreneur

Воля, время, дисциплина – постоянное воспроизведение практик осознанных альтруистических действий в рамках работы социального предпринимателя в природоохранной деятельности. Трансформация социальных процессов происходит благодаря деятельности социальных предпринимателей в природоохранной деятельности и следованию ими целям устойчивого развития. Терпение играет также большую

роль в успехе деятельности социальных предприятий.

«Люди, общности, их потребности, интересы, нормы, ценностные ориентации, традиции, родственные и социальные связи, – вот реальные двигатели социального и экономического развития, а вовсе не гиганты индустрии и мифические государственные интересы. Важнейшим социальным субъектом, от которого зависит направленность разрешения эколого-экономического противоречия

являются гражданские движения и общественные организации, составляющие суть гражданского общества» (Мозговая, 2017: 103-115).

Трансформация ценностей социального предпринимателя в природоохранной деятельности как харизматичного лидера, фасилитатора, трансформирующего гражданское общество, достойный внимания феномен для дальнейшего изучения.

Из опрошенных 24-х социальных предпринимателей в природоохранной деятельности 1 респондент воздержался и назвал свои ценности, черты личности и понятия, связанные с гражданской позицией. Респондентам было предложено выбрать 3 наиболее важных с их точки зрения ценности в жизни человека, далее – 3 наиболее важных в человеке черты личности, и – 3 наиболее важных понятия для них как социальных предпринимателей, связанных с их гражданской позицией.

К наиболее популярным ценностям социальных предпринимателей в природоохранной деятельности относятся: активная, деятельная жизнь (альтруистическая); общая хорошая обстановка в стране, в нашем обществе, сохранение мира между народами (как условие благополучия каждого) (альтруистическая); жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом) (эгоистическая); здоровье (физическое и психическое здоровье) (эгоистическая).

К чертам личности социальных предпринимателей в природоохранной деятельности относятся: ответственность (чувство долга, умение держать слово) (альтруистическая); широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки) (альтруистическая); эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе) (альтруистическая); жизнерадостность (чувство юмора) (альтруистическая); честность (правдивость, искренность) (альтруистическая).

Социальные предприниматели в природоохранной деятельности отметили в

понятиях, связанных с гражданской позицией социальных предпринимателей такие понятия, как: свобода (эгоистическое); патриотизм (альтруистическое); демократия (эгоистическое/альтруистическое).

В инструментарии исследования предусматривался открытый вопрос, который дополнительно задавался социальным предпринимателям, чтобы прояснить их позиции и ценностные ориентации. Следующие группы ценностей были выявлены в ответах социальных предпринимателей:

- семья, дети, родители, семейные ценности (эгоистическая);

- финансовое обеспечение, финансовая стабильность, стабильность, материальное благополучие (эгоистическая);

- экологические и этические ценности; экология как гармония и чистота, в гигиеническом, социальном и ментальном плане; осознанность, гуманизм; право на здоровую, чистую окружающую среду, уменьшение вреда, наносимого окружающей среде, сохранение природных ресурсов, баланс в жизни всех людей, с точки зрения социального, экологического, биологического, при бережном отношении к окружающей среде (альтруистическая);

- обучаемость (общепредпринимательская задача); самообразование; развитие; саморазвитие (эгоистическая);

- миссия, то, что в личностной картине мира имеет смысл; право на самореализацию; то, что во мне созревает, необходимо вынести и сделать (внутренняя потребность), доносить до другого свою позицию, понимание; внесение вклада, возможность менять мир к лучшему (альтруистическая/эгоистическая);

- бизнес, который захватывает; человечески среагировал «сердечной мышцей»; баланс интересов бизнеса, природы и клиента, социальная справедливость, социально-ответственный бизнес; гармония – устойчивое развитие (альтруистическая/эгоистическая);

- честность; искренность (альтруистическая);

- внутренний судья, внутренняя работа, интуиция, душевный комфорт, независимая позиция, свой путь; согласие со своим внутренним миром, перенос внутренней позиции во внешнюю (эгоистическая);

- ответственность за предлагаемую технологию и производимый продукт; ответственность (альтруистическая);

- «не могу иначе» (альтруистическая);

- образность мышления; креативность (альтруистическая);

- любовь (альтруистическая).

Среди неповторяющихся, но все же важных ценностей социального предпринимателя в природоохранной деятельности можно назвать: смелость, принципиальность, настойчивость, доброту, сопереживание, свободу выбора, жизнь в согласии со своей совестью, жизнелюбие, окружение людьми «с большой буквы», локальную идентичность («чувствовать себя везде, как дома, вписываться в то место, где ты есть»), коллективную работу, коллективный консенсус в принятии решений, здоровье, взаимоуважение, порядочность, увлеченность. Высказывалось мнение, что не нужно «запечатывать социального предпринимателя в списки», что его душа шире и проявляется иначе, не по спискам.

Заключение (Conclusions). В рамках исследования изучены и типологизированы подходы к определению понятия и исследованию феномена социального предпринимательства; обоснована специфика социального предпринимательства в природоохранной деятельности на основе методологических положений концепции устойчивого развития и представления об эколого-экономическом противоречии; обоснован метод, сформирована совокупность респондентов и разработан инструментарий глубинного полуструктурированного интервью социальных предпринимателей в природоохранной деятельности; выявлена и проанализирована специфика ценностных ориентаций формирующейся группы социальных предпринимателей

в природоохранной деятельности; обоснованы факторы успешного становления и развития социального предпринимательства в природоохранной деятельности.

Основываясь на базовом принципе концепции устойчивого развития о единстве экономической, экологической, социальной сфер, пространство деятельности социальных предпринимателей в природоохранной деятельности предлагаю определять в границах допустимого состояния экологической сферы, приемлемого состояния экономической и справедливого состояния социальной сферы.

Информационно-аналитический анализ источников, включенное наблюдение внутри сообщества социальных предпринимателей привело к обоснованию специфической типологии ценностей: альтруистические и эгоистические ценности. Эгоистические ценности противопоставлены альтруистическим во времени, трансформируясь из одного в другое. Как методологическое основание такое разделение на альтруистические и эгоистические ценности позволяет проанализировать специфику становления и процесс функционирования социального предпринимателя, в том числе в природоохранной деятельности.

Инвестирование времени, самодисциплинированности и силы воли в защиту окружающей среды на благо общества ведет социального предпринимателя в природоохранной деятельности к позитивной трансформации реальности и продвижению к решению социальной или экологической проблемы на базе расширения пространства альтруистических ценностей и сужения пространства эгоистических ценностей.

В рамках исследования выявлен быстрый темп развития феномена социального предпринимательства, в том числе в природоохранной деятельности, при отсутствии четкого определения, что ведет к размыванию понятия. В связи с этим исследования существующих практик, специфики институционализации социальных предпринимателей, факторов, способ-

ствующих и препятствующих становлению и развитию этой деятельности актуальны и значимы.

Анализ практики социального предпринимательства показывает, что для мягких перемен по защите окружающей среды действенны: личный пример, работа с сетями друзей и знакомых, создание государственных программ социальной рекламы в социальных сетях для формирования эталона ответственного гражданина, заботящегося об окружающей среде; поощрение малого и среднего предпринимательства, социального и экологического предпринимательства, развитие предпринимательских проектов по природоохранной деятельности на базе школ среднего и высшего образования, популяризация экодобровольчества, создание экологических юношеских кружков и групп (по выращиванию овощей и других культур совместно на базе школ, уборке территорий...), введение в образовательную программу профессионального обучения (в том числе с природоохранной направленностью), поддержка уже существующих НКО и лидеров мнений, ведущих просветительскую деятельность по защите окружающей среды, инвестирование в научные исследования поиска путей взаимодействия и гармоничной работы крупных корпораций и зеленых активистов, исследования зеленых городов и применения принципа осознанного потребления, повторного использования и переработки ресурсов.

Исследование выявило, что альтруистические ценности социальных предпринимателей в природоохранной деятельности определяют поведение их на рынке, доверие, нетворкинг, работу во имя общего блага, неувядающую уверенность в том, что все преграды можно преодолеть, терпение и баланс денежного и социального, денежного и экологического, веру в высшие ценности морали, их действия как будто «больше и тяжелее» по своей значимости, чем действия обычных предпринимателей, ведь за ними их добровольное

желание взять на себя груз общественной ответственности за несправедливость.

Установка на открытие и развитие экологического предприятия, конечно, представляет собой краткосрочный риск для предпринимателя, ведет при этом, в долгосрочной перспективе к смене парадигмы войны и мира на парадигму мирного существования и предотвращения экологического коллапса.

В течение работы над данной темой автор стал свидетелем начинаний нескольких исследований ценностей социальных предпринимателей, что служит позитивным признаком актуальности и новизны темы статьи, а также способствует лучшему пониманию ценностей и ценностных ориентаций социальных предпринимателей в РФ.

Список литературы

Асонов Н.В. «Ценности» и «цели» в функционировании и эволюции сложной социальной системы. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2012.

Атанасова А.А. Рец. на кн.: «Введение в социальное предпринимательство: мнения, предпосылки, контексты» / Под ред. Р. Циглера // Социологические исследования. 2015. № 12.

Дельфины капитализма. 10 историй о людях, которые сделали все не так и добились успеха / В. Моисеев, И. Просветов, Ю. Вишневецкая, А. Костюковский, Д. Соколов-Митрич, А. Рудницкая, О. Тимофеева, М. Ахмедова, А. Титова, Д. Виноградов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Кикал Дж., Лайонс Т. Социальное предпринимательство: миссия – сделать мир лучше. М.: Альпина Паблишер, 2014.

Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. М.: Проспект, 2015.

Мозговая А.В., Комарова В.А. Социологическое обеспечение рискованной коммуникации // Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление; Отв. ред. А.В. Мозговая. М.: Изд-во Института Социологии РАН, 2004. С. 143-156.

Мозговая А.В. Эколого-экономическое противоречие: социальная сущность, субъекты, динамика // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1 (40). С. 103-115.

Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.

Социальное предпринимательство в России и в мире / Отв. ред. А.А. Московская. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.

Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расш. изд. М.: ЦСПиМ, 2013.

Интервью, Давид Дубровский: Как можем мы, атеисты, не симпатизировать такой религии? // ВЗГЛЯД.РУ. 23 сентября 2017. URL:

<https://m.vz.ru/society/2017/9/23/888186.html> (дата обращения: 10.11.2017).

Alter S.K. Social Enterprise Typology. Virtue Ventures LLC, 2007. URL: <http://rinovations.edublogs.org/files/2008/07/setypology.pdf> (дата обращения: 5.10.2018).

Bennet H. Have psychologists found a better way to persuade people to save the planet? // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/inequality/2017/nov/02/psychologists-better-way-persuade-people-to-save-planet-environment>. (дата обращения: 7.10.2018).

Brinckerhoff P.C. Mission-based Management: Leading Your Not-for-Profit in the 21st Century. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc. Hoboken, 2009.

Haber J. The business of good: social entrepreneurship and the new bottom line. New York: Entrepreneur Media, Inc., 2016.

Leadbeater C. The rise of the social entrepreneur. London: Demos, 1997. URL: <https://www.demos.co.uk/files/theriseofthesocialentrepreneur.pdf> (дата обращения: 7.10.2018).

Milfont T.L., Wagner C., Duckitt J. A Cross-Cultural Test of the Value-Attitude-Behavior Hierarchy // Journal of Applied Social Psychology. 2010. Vol. 40, № 11. Pp. 2791-2813. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2010.00681.x> (дата обращения: 7.10.2018).

Michelman P. Interview with Bill Drayton, founder and CEO of Ashoka. Social Entrepreneurship – Its Past and Future // Harvard Business Review. 2009. № 5. URL: <https://hbr.org/ideacast/2009/05/social-entrepreneurship-its-pa.html> (дата обращения: 7.10.2018).

Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973.

Zahra S., Gedajlovic E., Neubaum D., Shulman J. A typology of Social Entrepreneurs: Motives, Search Processes and Ethical Challenges // Journal of Business Venturing. 2009. № 24. Pp. 519-532.

References

Asonov, N. V. (2012), *Values and goals of the functioning and evolution of a complex social system*, Scientific seminar materials, Nauchnyy Ekspert, Moscow, Russia. (In Russian).

Atanasova, A. A. (2015), “Review on a book «An introduction to social entrepreneurship: voices, preconditions, contexts»” (2009), in Ziegler, R. (ed.), Edward Elgar Publishing Limited, Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing, Inc., Northampton, MA, USA, *Sociological studies*, 12. (In Russian).

Moiseev, V., Prosvetov, I., Vishnevetskaya, Y., Kostyukovskiy, A., Sokolov-Mitrich, D., Rudnitskaya, A., Timofeeva, O., Akhmedova, M., Titova, A., Vinogradov, D. M. (2017), *Capitalism dolphins. 10 stories about people who did everything wrong and succeeded*, Mann, Ivanov, Ferber, Moscow, Russia. (In Russian).

Kickul, J. and Lyons, T. S. (2014), *Understanding entrepreneurship. The relentless pursuit of mission in an everchanging world*, Alpina Publisher, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, A. I. (2015), *Short sociological dictionary*, Prospekt, Moscow, Russia. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. and Komarova, V. A. (2004), “Sociological support of risk communication”, in Mozgovaya, A. V. (ed.) *Risk: sociological analysis, communication, regional management*, IS RAS publishing house, Moscow, Russia. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. (2017), “Ecological and economic contradiction: social essence, subjects, dynamics, *Ojkumena. Regional research*, 1 (40), 103-115. (In Russian).

Smelzer, N. (1994), *Sociology*, Feniks, Moscow, Russia. (In Russian).

Moskovskaya, A. A. (2011), *Social Entrepreneurship in Russia and in the world*, in Moskovskaya, A. A. (ed.), HSE publishing house, Moscow, Russia. (In Russian).

Yadov, V. A. (2013), *Self-regulation and prediction of a person's social behavior: Dispositional concept*, 2nd extended ed., Center of social forecasting and Marketing, Moscow, Russia. (In Russian).

Interview, Dubrovskiy, D. (2017), "How can we, atheists, not like such a religion?", *Vzglyad.ru*, 23 September [Online], available at: <https://m.vz.ru/society/2017/9/23/888186.html> (Accessed 10 November 2018). (In Russian).

Alter, S. K. (2007), *Social Enterprise Typology*, Virtue Ventures LLC [Online], available at: <http://rinovations.edublogs.org/files/2008/07/setypology.pdf> (Accessed 5 October 2018).

Bennet, H. (2017), "Have psychologists found a better way to persuade people to save the planet?", *The Guardian* [Online], available at: <https://www.theguardian.com/inequality/2017/nov/02/psychologists-better-way-persuade-people-to-save-planet-environment>. (Accessed 7 October 2018).

Brinckerhoff, P. C. (2009), *Mission-based Management: Leading Your Not-for-Profit in the 21st Century*, John Wiley & Sons, Inc. Hoboken, New Jersey, USA.

Haber, J. (2016), *The business of good: social entrepreneurship and the new bottom line*, Entrepreneur Media, Inc., New York, USA.

Leadbeater, C. (1997), *The rise of the social entrepreneur*, Demos, London, UK [Online], available at: <https://www.demos.co.uk/files/theriseofthesocialentrepreneur.pdf> (Accessed 7 October 2018).

Milfont, T. L., Wagner, C. and Duckitt, J. (2010), "A Cross-Cultural Test of the Value-Attitude-Behavior Hierarchy", *Journal of Applied*

Social Psychology, 40 (11), 2791-2813 [Online], available at: <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2010.00681.x> (Accessed 7 October 2018).

Michelman, P. (2009), "Interview with Bill Drayton, founder and CEO of Ashoka. Social Entrepreneurship – Its Past and Future", *Harvard Business Review*, 9 (5) [Online], available at: <https://hbr.org/ideacast/2009/05/social-entrepreneurship-its-pa.html> (Accessed 7 October 2018).

Rokeach, M. (1973), *The Nature of Human Values*, The Free Press, New York, USA.

Zahra, S., Gedajlovic, E., Neubaum, D. and Shulman, J. (2009), "A typology of Social Entrepreneurs: Motives, Search Processes and Ethical Challenges", *Journal of Business Venturing*, (24), 519-532.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Атанасова Анна Атанасовна, аспирант 3 года обучения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Anna A. Atanasova, 3d-year PhD Student, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.47

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-3

Беляев В.А.¹
Мингазова А.М.²

**Отношение разных поколений населения Татарстана
к экстремизму как фактор снижения межконфессиональной
напряженности**

¹ Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ
ул. Карла Маркса, д. 10, г. Казань, 420111, Россия
kai@kai.ru

² Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ
ул. Карла Маркса, д. 10, г. Казань, 420111, Россия
kai@kai.ru

*Статья поступила 27 ноября 2018 г.; Принята 3 февраля 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. В статье анализируется степень распространенности радикальных и экстремистских убеждений и установок в области межконфессиональных отношений среди представителей разных поколений. Для этого был проведен массовый опрос населения Республики Татарстан, показавший отсутствие понимания большинством респондентов феномена экстремизма и мер, позволяющих предотвратить его проявления. Русские чаще отождествляют оппозиционность и экстремизм, а татары в большей мере осознают возможность существования неэкстремистской оппозиции. Различие в позициях татар и русских, по нашему мнению, генерировано долговременной пропагандой властей Татарстана исторического характера государственности татар. Неумение населения выделять специфику экстремизма говорит об изъянах как в правоприменительной практике, так и в работе СМИ и прежде всего свойственно старшим поколениям респондентов. Опрос раскрыл отсутствие сформировавшегося мировоззрения у молодого поколения, которое по своей природе склонно к максимализму и «черно-белому» восприятию социальной реальности. Выявлено отношение опрошенных к основным направлениям политики государства в конфессиональных отношениях, способных минимизировать или усилить межрелигиозную напряженность. Оценена социальная активность разных поколений опрошенных в сфере участия в массовых акциях протеста. Радикальные, а тем более экстремистские взгляды категорически не принимаются всеми поколениями населения Республики Татарстан, что позволяет удерживать межконфессиональную стабильность в регионе. Показательно, что у более старших поколений, сформировавшихся еще в СССР, взгляды на дистанцирование религии от государства не зависят от политической конъюнктуры. Очевидно неприятие старшим поколением новых форм

распространения взглядов (через интернет), тогда как юные респонденты, наоборот, выделяют массовые уличные действия. В то же время узкий сегмент преимущественно молодежи способен превратиться в мобилизационную базу трансляции крайних убеждений и радикальных акций.

Ключевые слова: экстремизм; радикализм; терроризм; межконфессиональная напряженность; поколение «застоя» и поколение «реформ»; политический абсентеизм; политическая индифферентность.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00474 «Динамика реальных и условных поколений в информационном, политикоэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)».

Информация для цитирования: Беляев В. А., Мингазова А. М. Отношение разных поколений населения Татарстана к экстремизму как фактор снижения межконфессиональной напряженности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 1. С. 25-38, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-3

Vladimir A. Belyaev
Aliya M. Mingazova

Attitude of different generations of the population of Tatarstan
to extremism as a factor in reducing interfaith tension

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev–KAI
10 Karl Marx St., Kazan, 420111, Russia
kai@kai.ru

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev–KAI
10 Karl Marx St., Kazan, 420111, Russia
kai@kai.ru

*Received on November 27, 2018; Accepted on February 3, 2019;
Published March 30, 2019*

Abstract. The article analyzes the prevalence of radical and extremist beliefs and attitudes in the field of interfaith relations among representatives of different generations. For this, a mass survey was conducted, which showed that most respondents, the residents of the Republic of Tatarstan, did not understand the phenomenon of extremism and the measures to prevent its manifestation. Russians more often identify opposition and extremism, and Tatars are more aware of the possibility of non-extremist opposition. The difference in the positions of Tatars and Russians, in our opinion, is generated by the long-term propaganda of the Tatarstan authorities of the historical nature of the statehood of the Tatars. The inability of the population to single out the specifics of extremism indicates both to inadequate law enforcement practice and flaws in the work of the media and above all characteristic of older generations of respondents. The survey has revealed the absence of a developed understanding in the younger generation, which by its nature is prone to maximalism and “black and white” perception of social reality. It has also revealed the respondents’ attitude to the main directions of state policy in confessional relations that can minimize or increase inter-religious tensions. The social activity of different generations of respondents in the area of participation in mass protests was evaluated. Radical, and even more extremist views are categorically rejected by all

generations of the Republic of Tatarstan population, which allows maintaining interfaith stability in the region. It is significant that among the older generations that were formed in the USSR, the views on the distancing of religion from the state do not depend on the political situation. Obviously, the older generation does not accept new forms of disseminating views (via the Internet), while young respondents, on the contrary, prefer mass street actions. At the same time, a narrow segment of predominantly young people is able to turn into a mobilization base for the transmission of extreme convictions and radical actions.

Keywords: extremism; radicalism; terrorism; inter-confessional tension; generation of "stagnation" and a generation of "reforms"; political absenteeism; political indifference.

Information for citation: Belyaev, V. A. and Mingazova, Al. M. (2019), "Attitude of different generations of the population of Tatarstan to extremism as a factor in reducing interfaith tension", *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 25-38, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-3

Введение (Introduction). В целом ряде регионов России нарастает экстремистская и террористическая деятельность. В последнее время органы ФСБ начали все более эффективно реагировать, предотвращать и купировать ее проявления. Это лежит в рамках общемировых трендов. Акции террористов и экстремистов докатились уже до Новой Зеландии. Разрастание экстремизма способно полностью подорвать межконфессиональную стабильность и толерантность, в том числе в регионах России. В то же время большую роль в идейной изоляции экстремизма могло бы сыграть общественное мнение. Однако оно далеко еще не сформировано, не имеет четких ориентиров в определении экстремизма и путей борьбы с ним.

Методология и методы (Methodology and methods). Вместе с тем далеко не все государственные органы и исследователи на Западе и в России адекватно трактуют само понятие экстремизма, соответственно, неточно выявляют его источники и ресурсы, что требует дальнейшей научной и законотворческой проработки. В 2010-е годы за рубежом и в нашей стране появилось множество работ, посвященных исследованию экстремизма и технологий борьбы с ним. Западная научная литература, выделяя причины и факторы экстре-

мизма, чаще всего раскрывает их специфику именно в своих странах, что не всегда адекватно российским реалиям (Christmann, 2012; Coolsaet, 2012; Kumar, 2012; Thomas, 2012; Trilling, 2012; Pickering, 2014; Schmid, 2014; Posluszna, 2015). Конечно, общее место для всех видов экстремизма представляет собой присущая ему идеологизация любой социальной проблемы, причиной чего является отсутствие привлекательной и приемлемой для всего населения государственной идейной системы и нерешаемость иным, ненасильственным путем вопросов социальной несправедливости (Бааль, 2012; Петрищев, 2013; Косов, Панин, 2014; Грачев, Сорокин, 2015; Тушкова, 2018; Беляев, 2018). Вместе с тем, среди факторов, порождающих экстремизм на Западе, главным представляется аксиологический конфликт, столкновение между идейными ценностями традиционного общества (таких приоритетов, как государство, нация, религия и семья, по непонятным причинам часто приписываемых лишь консервативной идеологии) и новейшими, навязываемыми ценностями постмодерна в виде агрессивной пропаганды и политики глобализации, атаки на религию, семью и государственный суверенитет всех стран, кроме США, и диктата меньшинств над традициями большинства. В России этот конфликт по-

ка не выходит на первый план, господствует политика, основанная как на традиционных ценностях, так и на современных (городских), но не постмодернистских (Беляев, Мингазова, 2017). Поэтому в качестве главного фактора генезиса экстремизма в России можно назвать далеко не полное соответствие политики государства названным современным ценностям, то есть социально-экономические предпосылки экстремизма. Это прежде всего гигантский разрыв в доходах соотечественников, которого не было в России на протяжении уже целого века и которого не наблюдается в иных развитых странах. Он приводит к аномии и фрустрации сознания не только приезжающих мигрантов, но и местных жителей (Калимуллина, Беляев, 2017), к деквалификации и маргинализации миллионов россиян, к утрате ими уверенности в завтрашнем дне и возможности строить долговременные жизненные программы.

В литературе практически не раскрывается генерационная специфика оценок экстремизма, что потребовало специального исследования. Надо сказать, что поколенческая самоидентификация является более лабильной, изменчивой и неустойчивой, нежели конфессиональная. Можно согласиться с точкой зрения К. Маннхейма о том, что понятие «поколение» детерминируется далеко не только биологическими параметрами (возраст), но и особыми реперными точками в судьбе людей, служащими маркерами идентификации человека с определенным поколением, то есть важнейшими событиями, приходившимися на период социализации и духовного становления определенного поколения, формирующими особую ментальность последнего (Mannheim). Относить ровесников к одному поколению, по Маннхейму, можно лишь в случае их совместного участия в социальных и интеллектуальных процессах своего времени, их переживания опыта взаимодействия сил, сформировавших ту или иную ситуацию (Mannheim). Отечественный социолог

Ю. Левада, соответственно, выделил по три зримых человеческих поколения в столетие, которые к тому же разделены на массовые (в условиях мировых войн и др.) и элитарные. Среди этих поколений для нас важнее всего:

1) поколение «оттепели», люди, родившиеся в конце 1920-х – начале 1940-х гг., свободные от массового страха и надеявшиеся на гуманизацию социализма;

2) поколение «застоя» – это люди, родившиеся в 1944-1968 гг., ориентированные на массовое потребительство и наиболее деидеологизированные.

3) поколение «перестройки» и «реформ», люди, родившиеся с 1969 года (Левада).

Мы можем выделить также представителей нового поколения миллениалов, чье становление пришлось на начало XXI века, на период стабилизации общественной жизни и сознания.

На наш взгляд, можно согласиться с такой типологией поколений, если признать то, что причисление человека к определенному поколению детерминируется не только возрастом и общественным мнением о поколенческой идентичности данного возраста, и даже не столько самовосприятием человека, связанным с его физическим самочувствием, и, как следствие, восприятием человека другими людьми. Не во всем можно согласиться и с К. Маннхеймом и Ю. Левадой о социальной обусловленности поколенческой идентификации. Вышеназванные объективные детерминанты на практике зачастую «гасятся», вступая в перекрестный конфликт с субъективными факторами. По нашему мнению, не меньшую роль играют и семейные обстоятельства, особенности персонального жизненного опыта отдельных людей. Поэтому вхождение в то или иное поколение является более условным, ибо детерминировано еще и наличием ближайших родственников более старшего и младшего возраста по прямой линии (родителей, детей, старших или младших братьев и сестер). Так, до тех пор, пока роди-

тели человека живы и работоспособны, он чаще всего будет причислять себя к молодому поколению, независимо от собственного возраста. В ряде случаев в качестве таких детерминант служит наличие старших братьев и сестер. Появление же детей в большинстве случаев приводит к генезису представления о себе и супруге как о среднем поколении. Тем самым условное поколение может не совпадать с возрастным, юность и молодость могут продлеваться, а иногда, наоборот, зрелость появляется в весьма юном возрасте.

В отличие от этого, конфессиональная идентичность более стабильна, и, на первый взгляд, полностью детерминирована религиозной принадлежностью родителей. Наличие поликонфессиональной среды в Республике Татарстан оказывает свое воздействие на идентификацию, когда принадлежность к определенной религии становится этническим (или суперэтническим) маркером, и, наоборот, причисление себя к мусульманам может быть следствием отождествления себя с татарской общиной.

Принципиально невозможно искоренить и даже минимизировать проявления экстремизма без элиминации его социальных корней, для чего в данной работе проведено и социологическое исследование предмета. Если в предыдущей статье одного из авторов были показаны итоги опроса лишь молодежи Республики Татарстан (Беляев, 2018), то в дальнейшем было проведено исследование оценок экстремизма среди всех генерационных групп населения РТ. Так, в рамках нашего проекта в конце 2017 года было опрошено 1,480 человек, из них 613 русских, 669 татар, остальные – иных национальностей. Респонденты в возрасте до 24 лет составили 16,1% от числа опрошенных, от 25 до 34 лет – 21,2%, от 35 до 44 лет – 17,5%, от 45-54 лет – 16,1%, от 55 до 64 лет – 14,5% и от 65 лет и старше – 14,5%.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Анализ вышеуказанной литературы показывает

отсутствие разделяемого всеми исследователями понимания экстремизма. Используется ряд близких к экстремизму понятий (терроризм, фанатизм, радикализм, фундаментализм), которые часто смешиваются. Фактически, исходя из объема включаемых в феномен экстремизма явлений, можно выделить три группы его трактовок:

1. *Расширительная*: когда под экстремизмом понимается любая несистемная (и даже не только антисистемная) оппозиция, без дифференциации используемых ею методов (насильственных или ненасильственных), а в религии – весь фундаментализм и салафизм. При этом, если на Западе расширительная интерпретация экстремизма приводит к подозрительности в отношении, прежде всего, мигрантов (известен случай, когда в Англии арестовали четырехлетнего мальчика из-за неверной интерпретации его рисунка с огурцами), то в России законотворчество и практика ЦПЭ (Центров по противодействию экстремизму) включает в экстремистскую деятельность даже ознакомительные посты в интернете, и митинги за возвращение русскому языку необходимых часов в школах и против повышения пенсионного возраста, что привело к включению в списки экстремистов известных ученых (проф. А.Л. Салагаева, пострадавшего от подобных действий; изгонялись с работы известный борец с экстремизмом Р. Сулейманов, и противник националистического экстремизма А. Овчинников).

Все это фундировалось формулировками Закона РФ от 2002 г. с поправками от 2015 г., к экстремистской деятельности (экстремизму), помимо насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности РФ, террористической деятельности и возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни, относящими и пропаганду и публичное демонстрирование атрибутики и символики нацизма и экстремистских организаций, публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государ-

ственную должность в РФ¹. Даже включение в качестве экстремистских в законы процессов возбуждения социальной розни (допустим, ненависти к социальным группам организованных преступников, коррупционеров, олигархии) уже явно расширяет рассматриваемую трактовку и правоприменительную практику до охвата всех социалистов и коммунистов. А осуждение людей, помещающих кадры из советских фильмов на своих страницах в социальных сетях или из опубликованных статей, в которых критикуется как раз экстремизм, говорит о несостоятельности названных формулировок. Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРН) неслучайно отмечает расплывчатость этой формулировки «экстремизма» в России, рекомендуя пересмотреть его с тем, чтобы она распространялась лишь на серьёзные случаи, связанные с ненавистью и насилием, и чётко изложить критерии объявления материала экстремистским.

Вместе с тем последние законодательные новеллы призваны сузить оценку объема понятия «экстремизм» путем более четкого определения цели и частотности помещения в интернет оппозиционных и критических постов.

2. *Суженная*, при которой экстремизм определяется лишь как религиозный фанатизм и приравнивается к терроризму. Эта позиция чаще всего присуща западным исследователям, хотя присутствует и в российской научной литературе. Так, в подписанной и Россией Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом записано: «экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а так-

же на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»². Тем самым ненасильственное разжигание этноконфессиональной розни выводится за рамки экстремизма.

3. Реже встречается *промежуточная трактовка*, по которой это есть особая псевдоидеология, политика и практическая деятельность, на наш взгляд, ведущая к распаду общества и провоцированию гражданских войн. Близка к этому трактовка Парламентской Ассамблеи Совета Европы: «Независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма»³. Однако необходимо отметить, что и в ней под экстремизм подводится любое отрицание лишь одной формы демократии – парламентской, т.е. понятие расширяется и способна включить любых сторонников Советов, плебисцитов и иных форм демократии.

В силу этого необходимо в науке и нормативных документах провести более четкое разведение понятий экстремизма и терроризма. Их частое смешение вызвано

¹ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 29 апреля 2008 г.) // Российская газета. 2002. №138, 139. URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 12.06.2018).

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 года. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12127578/paragraph/11340:0> (дата обращения: 12.06.2018).

³ Резолюция 1344 «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе». Парламентская Ассамблея Совета Европы. 2003. URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения: 12.06.2018).

общей убежденностью экстремистов и террористов в необходимости незаконных действий. На наш взгляд, во-первых, экстремизм – это более широкое явление, только частью которого является терроризм. Во-вторых, экстремизм представляет собой многогранный феномен, включающий идейное фундирование, более мощную социальную среду, подпитывающую его, более разветвленную систему пропаганды своих взглядов. В-третьих, экстремизм и терроризм расходятся как по поставленным ими целям (цель нетеррористического экстремизма – привлечь как можно больше сторонников, тогда как у терроризма – запугать любых противников и колеблющихся), так и, соответственно, по используемым методам (у террористов – это убийство максимального числа мирных жителей, а у иных экстремистов – борьба лишь с государственным аппаратом и/или олигархией). В-четвертых, различна и методология понимания существующего порядка вещей, на которой строится вся их конструкция. Террористы основывают свое мироощущение на фрустрации, аномии, отчаянии и потере интереса к жизни, а остальные экстремисты – на представлении о светлом будущем. В эсхатологии последних четко прослеживается мотив компенсаторного утопического хилиазма.

Согласно нашему опросу, *понимание* сущности и пределов экстремизма и его нравственно-правовая оценка в некоторой степени различаются, исходя из национальности и возраста респондентов. Так, отвечая на вопрос «*Какие действия, на Ваш взгляд, можно отнести к понятию «экстремизм»?*» (можно было выбрать не более трех вариантов), 46,5% русских респондентов и 51,0% татар выбрали вариант «Применение насилия к представителям иных взглядов», что, на наш взгляд, не характеризует специфику именно экстремизма, зато выделяет силовую его составляющую. Сравнение числа выборов, вроде бы, сходных вариантов «Призывы к свержению конституционного строя» и «Призывы к свержению действующей власти»

показывает большую популярность второго определения, который на деле уводит нас от характеристики специфики экстремизма. Первый из этих вариантов выбрали по 13,2% как русских, так и татар, а вот второй – 16,3% среди русских и 12,8% в среде татар, а во всей выборочной совокупности – 14,5%. То есть русские чаще отождествляют оппозиционность и экстремизм, а татары в большей мере осознают возможность существования неэкстремистской оппозиции.

В то же время подавляющее большинство верно оценивают саму суть экстремизма: определяют его как «Разжигание вражды и ненависти (национальной, религиозной, политической)» 65,5% опрошенных, в том числе среди русских 69,5% и среди татар 61,8%. Новые каналы трансляции крайних взглядов и мобилизации сторонников («Распространение через Интернет экстремистских идей») считают главными при характеристике экстремизма уже 30,3% респондентов (31,0% русских и 29,6% татар). Это гораздо больше числа выборов другого канала («Использование радикальных форм массового протеста»), который назвали при определении экстремизма 19,5% опрошенных, включая 20,0% русских и 19,1% татар. И гораздо меньше тех, кто в дефиницию экстремизма включает методологический аспект, присущий многим формам мышления (догматизму, схоластике, сектантству): это «Убежденность в правильности только своих взглядов (позиции) и нежелание считаться с мнением политических противников», избранный 15,6% респондентов (среди русских – 15,5%, среди татар – 15,6%). Распространенность остальных вариантов («Бескомпромиссность в борьбе с политическими оппонентами» и другие) находится в рамках статистической погрешности.

Вместе с тем заметна дифференциация характеристики экстремизма людьми из разных поколений. Определяют его как «Разжигание вражды и ненависти (национальной, религиозной, политической)» прежде всего 45-64-летние респонденты

(более 70% vs⁴ 57,1% среди юных, до 24 лет).

Описывают экстремизм как прежде всего «Применение насилия к представителям иных взглядов» люди молодого и среднего возраста, тогда как среди юных и людей старше 55 лет данный ответ не столь распространен.

Зато весьма популярными среди людей старшего возраста являются характеристики экстремизма как «Призывы к свержению конституционного строя» (28,0% респондентов старше 65 лет по сравнению с 13,2% от всей выборки) и «Призывы к свержению действующей власти» (23,8% и 13,7%, соответственно). Столь неточное определение экстремизма объясняется опасением «поколения застоя» перед любыми потрясениями (Maximova, Belyaev, Mingazova, 2018).

Что касается каналов проявления экстремизма, которое респонденты хотят ввести в его трактовку, то здесь заметно очевидное неприятие старшим поколением новых форм распространения взглядов (35,5% выбрало «Распространение через Интернет экстремистских идей» в сравнении с 23,3% респондентов моложе 24 лет), тогда как юные респонденты, наоборот, выделяют массовые уличные действия (24,5% среди самых молодых vs 12,6% пожилых).

Пожилое поколение реже выделяет методологические основы формирования экстремистских взглядов: «Убеденность в правильности только своих взглядов (позиции) и нежелание считаться с мнением политических противников» выделили 8,9% респондентов старше 65 лет по сравнению с 15,6% всего массива опрошенных; а «Бескомпромиссность в борьбе с политическими оппонентами» – всего 1,4% пожилых vs 9,0% среди юных.

Неумение населения выделять специфику экстремизма говорит об изъянах как в правоприменительной практике, так

и в работе СМИ и прежде всего свойственно возрастным поколениям респондентов.

Дифференцируются по национальности респондентов и по их возрасту и понимание мер, позволяющих предотвратить проявления массового экстремизма. Так, на вопрос «С каким из ниже перечисленных мнений Вы бы согласились, а с какими, наоборот, не согласились?» полностью согласились с вариантом ответа «Государству в России следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских» 20,1% русских и 7,2% татар (при среднем значении показателя – 13,5%); скорее согласны – 32,7% русских и 16,7% татар (24,5%); скорее не согласны – 14,8% русских и 21,9% татар (18,5%) и не согласны 20,2% и 42,1%, соответственно (31,4%). Такой разрыв объясняется как выходками националистов начала 1990-х годов, так и асимметричной кадровой политикой властей РТ и перекосами в преподавании языков в последующие десятилетия, вызвавшими беспокойство русских относительно судьбы своей культуры, а также последними событиями (отказ от двустороннего договора руководства РФ и РТ, требованиями переименования должности президента РТ и переводом изучения татарского языка из директивных в элективные курсы, рождающими опасение татар по вопросу о судьбах их культуры (Maximova, Belyaev, Laukart-Gorbacheva, 2017)).

По возрасту особой корреляции в ответах нет, хотя категорические высказывания («Полностью согласен» и «Не согласен»), как это ни парадоксально, чаще высказывают не самые юные, а люди среднего возраста, то есть те, кто пережил времена перестройки и начала реформ, распада СССР и попыток распада РФ.

Несколько иная картина вырисовывается при ответах на более умеренный вариант вопроса «Государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России»: если в целом полностью с ним согласны 53,4% опрошенных, то

⁴ **Versus** – латинское слово, означающее «против». Часто сокращается до **vs**.

среди русских всего 43,8%, а среди татар – 62,2%. Скорее согласны с этим 34,3%, из них 41,4% русских и 27,9% татар. Вы брали варианты «Скорее не согласны» и «Не согласен» весьма мало респондентов, хотя и здесь виден перекося в сторону русских. Причины расхождения и в этом вопросе – те же, что и в предыдущем. По поколениям прослеживается корреляция по выбору ответа «Полностью согласен»: от 46,8% у тех, кому нет 25 лет, до 65,4% у самой возрастной категории. Выбор остальных вариантов корреляции от возраста респондентов не показывает.

Довольно жесткое неприятие опрошенных вызывает следующий тезис «*Применение силы в определённых случаях может помочь в решении межнациональных и межрелигиозных конфликтов*». Полностью согласны с этим 9,2% респондентов, в том числе 10,2% русских и 8,2% татар. Скорее согласны – соответственно, 17,4%, 20,1% и 14,8%. Скорее не согласны – 18,9, 18,5; 19,3. Не согласны – 36,3%, 32,0% и 40,3%. Налицо как неприятие большинством силовых методов подавления конфликтов (после двух войн в Чечне), так и несколько большая подозрительность татар в отношении того, что Москва может посчитать конфликтом и экстремизмом. По возрасту опрошенных прослеживается следующая корреляция: доля полностью согласны с указанным тезисом снижается с 10,7% самых юных и 13,2% молодых до 6,5% самых пожилых, что объясняется жизненным опытом последних, понимающих, что такие конфликты силой не разрешаются.

Более алармистские тезисы присущи прежде всего татарам. К примеру, суждение «*В последнее время сближение русского государства и Русской Православной Церкви ставит народы других религий в дискриминируемое положение*» полностью поддерживают 9,4% респондентов, включая 6,4% русских и 12,2% татар. Еще 11,7% опрошенных (8,6% русских и 14,7% татар) скорее согласны с этим тезисом. В то же время скорее не согласных 23,6% (25,6% и 21,7%, соответ-

ственно), и четко ответили «Не согласны» 29,0%, 37,0% и 21,5%. Тем самым гораздо большая доля татар устранилась от четкой оценки данного утверждения, но среди них намного больше и тех, чьи религиозные чувства задеваются и провозглашением Рождества Христова государственным праздником, и наличием нескольких православных телеканалов, и отсутствием всего этого у мусульман. При этом мы видим зависимость ответов от возраста респондентов: если среди юных полностью согласных с названным утверждением 15,0% и среди молодых – 14,6%, то у остальных возрастных групп четкая поддержка тезиса колеблется от 4,9% до 8,6%. Это объясняется как ответом на кампанию по защите религиозных чувств верующих среди православных, так и ростом ваххабизма именно в молодежной среде, поскольку у более старших поколений, сформировавшихся еще в СССР, взгляды на дистанцирование религии от государства не зависят от политической конъюнктуры.

Вместе с тем подавляющее большинство респондентов убеждено в отсутствии массовой питательной среды для экстремизма. Так, с тезисом «*В Татарстане удастся поддерживать межнациональное согласие, благодаря грамотной политике властей*» полностью согласны 32,0% опрошенных, включая 26,5% русских и 37,1% татар. Частично согласны с этим 39,5% респондентов (причем доли татар и русских, выбравших этот вариант ответа, одинаковы), тогда как частично не согласны – 8,1%, 9,7% и 6,6%; не согласны – 5,2%, 6,1% и 4,5%. Тем самым, опрос свидетельствует, что татар больше устраивает политика властей.

Что же касается возраста полностью согласных с национальной политикой властей РТ, то доля таковых непрерывно повышается в зависимости от возраста опрошенных: с 17,0% среди юных респондентов до 52,3% в среде пожилых.

Позитивный в оценке взаимоотношения народов РТ, но весьма критический в

отношении властей вариант «В Татарстане исторически сложилось мирное сосуществование татар, русских и других национальностей, но в последние годы из-за неграмотных действий власти эти отношения ухудшаются» полностью поддерживают 8,2% опрошенных, среди них 6,5% русских и 9,9% татар, частично – 17,2%, 20,4% и 14,2%, соответственно; скорее не согласны – 28,3%, 26,4%, 30,0%, полностью не согласны 29,2%, 28,0% и 30,3%. И в этом вопросе русские оказались более критичны. При этом доля последних (полностью несогласных) прямо пропорционально зависит от возраста респондентов: от 22,3% среди юных до 32,5% среди пожилых.

Оптимистической версии «В Татарстане маловероятно возникновение межэтнической розни» четко придерживаются 22,2% опрошенных, включая 15,7% русских и 28,2% татар. Скорее согласны с ней 36,4% респондентов (39,5% vs 33,5%); скорее не согласны – 11,5% (13,1% и 10,0%, соответственно); категорически не согласны – 6,7% (7,6% и 5,9%). Большинство опрошенных не верят в возможность межэтнического конфликта, хотя среди русских тревожность наблюдается чаще. В плане возраста респондентов прослеживается прямая зависимость роста доли твердых оптимистов: от 18,6% у юных респондентов до 30,4% у пожилых.

Последнее суждение в данном вопросе «Татары в Татарстане должны иметь больше прав и привилегий, чем представители других национальностей» явно носило несколько провокационный характер, вследствие чего подавляющее большинство и русских, и татар категорически не приемлет подобный тезис. Таковых среди опрошенных 62,0%, в том числе среди русских – 74,2%, среди татар – 50,7%. Скорее не согласны с этим утверждением 18,2%, 10,3% и 25,5%, соответственно. В то же время скорее согласны с ним 5,0% (1,2% vs 8,5%) и полностью его поддерживают всего 3,4% (2,3% и 4,5%). Различие в позициях татар и русских, на

наш взгляд, порождено долговременной политикой властей, говоривших об историческом характере государственности татар (например, председатель Верховного Совета РТ Ф.Х. Мухаметшин отмечал: «Государственность татарского народа имеет более тысячелетние традиции» (Мухаметшин, 1993)) и закрепивших в преамбуле к Конституции РТ идею о воле одного этноса как основе государственности в Татарстане («Настоящая Конституция, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа...»⁵). По возрастам мы видим увеличение доли полностью и скорее согласных с вышеназванным тезисом с 6,1% у юных до 14,6% у пожилых, что свидетельствует о невосприимчивости молодых респондентов к пропаганде любого неравноправия.

В анкете предлагались различные меры по обеспечению безопасности страны и граждан, борьбе с преступностью, экстремизмом и терроризмом. Такую меру борьбы с нелегальной миграцией, как «Ужесточение правил регистрации (прописки) по месту жительства» полностью поддерживают 36,1% опрошенных, среди которых чуть больше татар. По поколениям респондентов можно заметить рост твердо поддерживающих данную реформу с увеличением возраста отвечающих (от 22,7% среди юных, до 46,3% среди пожилых). Скорее поддерживают это 36,4%, причем среди русских и татар удельный вес так считающих совпадает, не прослеживается корреляция и по возрасту. Тем не менее квалифицированное большинство опрошенных стоит на позициях ужесточения правил регистрации.

⁵ Конституция Республики Татарстан (в редакции законов Республики Татарстан от 19 апреля 2002 года № 1380, от 15 сентября 2003 года № 34-ЗРТ, от 12 марта 2004 года № 10-ЗРТ, от 14 марта 2005 года № 55-ЗРТ, от 30 марта 2010 года № 10-ЗРТ, от 22 ноября 2010 года № 79-ЗРТ, от 22 июня 2012 года № 40-ЗРТ). URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/> (дата обращения: 12.06.2018).

Еще более популярным является давно обсуждаемое предложение ужесточить контроль за въездом в Россию иностранных граждан, которое полностью поддерживают 57,0% (при этом русских среди них чуть больше), а скорее поддерживают – еще почти треть (среди которых русских тоже больше). Доля категорических сторонников растет с увеличением возраста (от 44,4% среди юных до 61,0% в среде пожилых).

Личный досмотр в местах массового скопления людей выбирают немного реже. Полностью поддерживают его 46,7% респондентов (русских среди них чуть больше) и скорее поддерживают – еще 40,8%. Доля твердых адептов таких мер также растет с увеличением возраста опрошенных.

«Составление списка граждан, склонных к экстремистской деятельности» также поддерживает подавляющее большинство опрошенных (полностью – 45,8%, причем русских среди них несколько больше; еще 31,6% – скорее поддерживают). Удельный вес категорических приверженцев данной меры также зависит от возраста (рост с 29,1% среди юных до 50,5% у пожилых). Меньшая популярность данной меры объясняется не всегда рационально объяснимыми действиями ЦПЭ МВД РФ по РТ.

Остальные меры гораздо менее популярны, причем в каждом случае среди поддерживающих больше колеблющихся, нежели категорических приверженцев. Так, полностью поддерживают внедрение новых документов, удостоверяющих личность, которые содержат отпечатки пальцев 28,8% респондентов. За эту меру больше выступают татары, нежели русские (32,6% против 24,8%). Скорее поддерживают её 31,2% опрошенных. По возрасту корреляция не обнаружена.

Твердо за ужесточение контроля за въездом граждан России за рубеж (27,1% всего; 24,5% русских; 29,5% татар), формирование правоохранительными органами базы с персональными данными граж-

дан (23,9%, 22,8% и 24,8%, соответственно) и ужесточение контроля за распространением информации о частной жизни граждан через СМИ и Интернет (25,8% 24,4% и 27,1%, соответственно) стоят примерно равные доли отпрошенных, причем вместе с «мягкими сторонниками» их везде больше половины. Надо сказать, что по возрасту корреляции здесь нет.

Совсем иное отношение у респондентов к прослушиванию спецслужбами телефонных переговоров: твердо за это выступают 8,1%, частично поддерживают – 22,1%, тогда как большинство составляют противники таких мер. Показательным является преобладание категорических сторонников данной процедуры среди пожилых (12,5%, а среди юных 3,8%). Это говорит, как о привычке к социальному контролю у поколения «застоя», так и о появлении «privacy», личного пространства, дистанцирования себя от власти среди поколения реформ 1990-2010-х годов.

Следующие два вопроса связаны с оценкой массовых акций протеста и собственной социальной активности респондентов. Дело в том, что в вопросах не уточнялась, о каких акциях идет речь: санкционированных властями или нет, поэтому одни респонденты подразумевали под этим протест против конкретных решений властей, другие – регулярные акции внесистемной оппозиции. В силу этого выбрали вариант отношения к людям, участвующим в акциях протеста и митингах – «С одобрением, сам принимаю в них участие» всего 2,5%, причем пик одобрения приходится на возраст 25-34-летних (7,1%), ибо большинство из них еще застало массовые митинги 1990-х годов, а более старшие поколения сформировали свое мировоззрение раньше, в период запрета массовых акций протеста. Выбрали вариант «С одобрением, хотя сам и не принимаю в них участие» еще 22,3% (25,3% – среди татар, 19,0% – среди русских, что объясняется регулярными акциями протеста национальных движений). Не одобряют такие акции 11,5%, а индифферентно к

ним относятся – аж 45,7% респондентов (при этом прослеживается обратно пропорциональная зависимость от возраста опрошенных). Два последних из названных вариантов выбирают политические абсентеисты, общий удельный вес которых снижается с 62,6% у юных до 48,1% среди пожилых.

Последний вопрос является контрольным для предыдущего и показывает наличие квалифицированного пассивного большинства (не стали бы принимать участие в массовых выступлениях в своем поселении 65,0% опрошенных).

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о наличии несформировавшегося или неустойчивого мировоззрения у молодого поколения, склонного к тому же к максимализму и дихотомическому восприятию реальности. Радикальные, а тем более экстремистские взгляды категорически не приемлются всеми поколениями населения РТ, что позволяет удерживать межконфессиональную стабильность в регионе. Вместе с тем незначительная доля, прежде всего молодежи, может стать питательной средой для распространения крайних убеждений и радикальных акций (Мингазова, Беляев, 2017).

Заключение (Conclusions). Для минимизации таких негативных последствий мы предлагаем ряд мер, помимо выделенных в предыдущей статье (Беляев, 2018):

- внесение новелл в законодательство и в правоприменительную практику ЦПЭ при МВД РФ, призванных резко сузить экстремистскую характеристику почти любой критической деятельности, введение уголовного преследования за дискриминацию людей из-за их политических воззрений и деятельности;

- восстановление цельного и полного курса гуманитарных дисциплин (философии, культурологии, социологии, политологии, истории) в вузах; включение в ежегодные отчеты профессорско-преподавательского состава вопросов профилактики экстремизма и терроризма с учетом их в балльной системе; экспертиза

учебных пособий, материалов и учебников, распространяемых в школах и вузах, на предмет исключения из них моментов, способных разжигать межрелигиозную напряженность и экстремизм;

- проведение в вузах соответствующих тематике статьи массовых опросов и качественных исследований с участием студентов и научных конференций.

В целом в борьбе против экстремизма можно придерживаться позиций умеренного оптимизма, если постоянно держать руку на пульсе у молодежи и вовремя минимизировать идейные и организационные предпосылки межконфессионального экстремизма.

Список литературы

Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2012.

Беляев В.А. Эволюция терроризма и экстремизма в Республике Татарстан // Научный результат. Социология и управление. Т. 4, № 2. 2018. С. 3-12.

Беляев В.А., Мингазова А.М. Постмодернистские и псевдорелигиозные симулякры межпоколенческих отношений как источник воспроизводства социального сиротства // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 178-186.

Грачев С.И., Сорокин М.Н., Азимов Р.А. Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия. Н. Новгород: Институт ФСБ России, 2015.

Косов Г.В., Панин В.Н. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция. М.: Миракль, 2014.

Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 43-44.

Мингазова А.М., Беляев В.А. Варианты этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4.

Мухаметшин Ф.Х. Вступительное слово // Федерализм – глобальные и российские измерения. Международная научно-

практическая конференция. (Казань, сентябрь 1993 г.). Казань: ТГЖИ, 1993. С. 13.

Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М.: КРАСАНД, 2013.

Тушкова Ю.В. Государственная политика по противодействию экстремизму в Великобритании: дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2018.

Christmann K. Preventing Religious Radicalization and Violent Extremism. A Systematic Review of the Research Evidence. Huddersfield: Youth Justice Board for England and Wales, 2012.

Coolsaet R. Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences. 2nd edition. Serrey: Ashgate Publishing Company, 2012.

Kumar D. Islamophobia and the Politics of Empire. Chicago: Haymarket Books, 2012.

Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1952.

Maximova O., Belyaev V., Mingazova A. Generational Features of Ethnic Personal Identification in a Multi-Ethnic Society // *Astra Salvensis*. 2018. Vol. 6. Pp. 443-451.

Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O. Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies // *Journal of Social Studies Education Research*. 2017. Vol. 8, № 2. Pp. 15-38.

Pickering R. Terrorism, extremism, radicalization and the offender management system in England and Wales in Prisons // *Terrorism and Extremism: Critical Issues in Management, Radicalization and Reform* / Ed. A.L. Silke. N.Y.: Routledge, 2014.

Posluszna E. Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2015.

Schmid A. Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin? Hague: ICCT, 2014.

Thomas, P. Responding to the Threat of Violent Extremism. Failing to Prevent. London: Bloomsbury Academic, 2012.

Trilling D. Bloody Nasty People: The Rise of Britain's Far Right. London-N.Y.: Verso Books, 2012.

References

Baal, N. B. (2012), "Political extremism of Russian youth and technologies of its overcoming", Abstract of D. Sc. Dissertation, N. Novgorod, Russia. (*In Russian*).

Belyaev, V. A. (2018), "Evolution of terrorism and extremism in the Republic of Tatarstan", *Research Result. Sociology and management*, 4 (2), 3-12. (*In Russian*).

Belyaev, V. A. and Mingazova, A. M. (2017), "Postmodern and Pseudo-Religious Simulacra of Intergenerational Relations as a Source of Reproduction of Social Orphanhood", *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (4), 178-186. (*In Russian*).

Grachev S. I., Sorokin M. N. and Azimov R. A. (2015), *Terrorism: concepts, ideology, problems of counteraction*, Institute of FSB of Russia, N. Novgorod, Russia. (*In Russian*).

Kosov, G. V. and Panin, V. N. (2014), *Politicization of the religious factor in the context of regional security: the North Caucasian projection*, Mirakl', Moscow, Russia. (*In Russian*).

Levada, Yu. A. (2005), "Generations of the Twentieth Century: Research Opportunities", in *Fathers and Children: Generation Analysis of Modern Russia*, New literary review, Moscow, Russia, 43-44. (*In Russian*).

Mingazova, A. M. and Belyaev, V. A. (2017), "Types of Ethno-Confessional Identity and Tolerance among Students", *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (4), 287-291. (*In Russian*).

Mukhametshin, F. Kh. (1993), "Introductory remarks", *Federalism – global and Russian dimensions. International scientific and practical conference*, Kazan', Russia, 13. (*In Russian*).

Petrishchev, V. E. (2013), *What is terrorism, or Introduction to Terrorism*, KRASAND, Moscow, Russia. (*In Russian*).

Tushkova, Yu. V. (2018), "State policy on countermeasures to extremism in Great Britain", Ph.D. Thesis, Kazan, Russia. (*In Russian*).

Christmann, K. (2012), *Preventing Religious Radicalization and Violent Extremism. A Systematic Review of the Research Evidence*, Youth Justice Board for England and Wales, Huddersfield, UK.

Coolsaet, R. (2012), *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences*, 2nd edition, Ashgate Publishing Company, Serrey, UK.

Kumar, D. (2012), *Islamophobia and the Politics of Empire*, Haymarket Books, Chicago, USA.

Mannheim, K. (1952), *Essays on the Sociology of Knowledge*, Routledge & Kegan Paul, N.Y., USA.

Maximova, O., Belyaev, V. and Mingazova, A. (2018), "Generational Features of Ethnic Personal Identification in a Multi-Ethnic Society", *Astra Salvensis*, 6, 443-451.

Maximova, O., Belyaev, V., Laukart-Gorbacheva, O. (2017), "Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies", *Journal of Social Studies Education Research*, 8 (2), 15-38.

Pickering, R. (2014), "Terrorism, extremism, radicalization and the offender management system in England and Wales in Prisons", in Silke, A. (ed.) *Terrorism and Extremism: Critical Issues in Management, Radicalization and Reform*, Routledge, London-N.Y., UK-USA.

Posluszna, E. (2015), *Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security*, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.

Schmid, A. (2014), *Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin?*, ICCT, Hague, Netherlands.

Thomas, P. (2012), *Responding to the Threat of Violent Extremism. Failing to Prevent*, Bloomsbury Academic, London, UK.

Trilling, D. (2012), *Bloody Nasty People: The Rise of Britain's Far Right*, Verso Books, London-N.Y., UK-USA.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ.

Мингазова Алия Маратовна, кандидат социологических наук, доцент Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ.

Vladimir A. Belyaev, Doctor of Political Science, Professor, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI.

Aliya M. Mingazova, PhD in Sociology, Associate Professor, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI.

УДК 316.65; 316.47

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-4

Мастикова Н.С.

**Восприятие социальной справедливости россиянами
на основе данных европейского исследования**

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
Государственный академический университет гуманитарных наук
Мароновский переулок, д. 26, 119049, г. Москва, Россия
navor@bk.ru

*Статья поступила 3 октября 2018 г.; Принята 12 марта 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. Статья посвящена восприятию респондентами социальной справедливости и основана на материалах европейского социального исследования (2008, 2016 гг.). Актуальность изучения данной темы, автор связывает с угрозой снижения стабильности российского общества. В базе ESS отобраны вопросы, позволяющие анализировать восприятие социальной справедливости. Данные вопросы, ориентированные на отношение к распределению доходов в обществе и различия в уровне жизни, ранее не рассматривались исследователями в связи с этой темой. В результате вторичного анализа ESS выявлено, что на данных 2016 г., по сравнению с 2008 г. в российском обществе сохраняется установка на более равномерное распределение доходов между членами общества, а также ожидания того, что различия в уровне жизни между людьми не должны быть полярными. Наблюдается увеличение доли не согласных с тем, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях. Такая динамика может быть отражением возрастающего беспокойства в обществе, поляризации доходов, приводящей к разделению на очень бедных и очень богатых. В межстрановом контексте, показано, что в среднем российские респонденты не склонны к уравниванию доходов среди населения также, как жители таких европейских стран, как Словения и Финляндия. Респонденты из Польши и Чехии тяготеют к согласию с уравниванием доходов, независимо от способностей и усилий, прикладываемых человеком. С помощью метода деревьев решений CHAID дана характеристика респондентов, разделяющих и не разделяющих суждения о справедливости. Выявлено, что исследуемые переменные о справедливости больше всего связаны с уровнем дохода респондента.

Ключевые слова: социальная справедливость, Европейское социальное исследование, межстрановые опросы, уровень дохода, метод деревьев решений CHAID.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект №18-011-00999.

Информация для цитирования: Мастикова Н. С. Восприятие социальной справедливости россиянами на основе данных европейского исследования //

Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 1. С. 39-51,
DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-4

Natalia S. Mastikova

Perception of social justice by Russians according to the data of a European survey

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
State Academic University for the Humanities
26 Maronovskiy Ln., Moscow, 119049, Russia
navor@bk.ru

*Received on October 3, 2019; Accepted on March 12, 2019;
Published March 30, 2019*

Abstract. The article is devoted to the perception of social justice by the respondents and is based on materials of the European social research (2008, 2016). The author connects the relevance of studying this topic with the threat of reducing the stability of Russian society. In the ESS database, there were selected questions that allow to analyze the perception of social justice. These questions, focused on attitudes toward income distribution in society and differences in the standard of living, have not been previously considered by researchers in connection with this topic. The secondary analysis of the ESS has revealed that in 2016, compared to 2008, Russian society maintains a more equitable distribution of income among members of society, and also the expectation that differences in the standard of living between people should not be polar. There is an increase in the proportion of people who disagree with the fact that the difference in income between people should be large, since there is also a large difference in their abilities and efforts. Such dynamics can reflect a growing concern in society, the polarization of income, leading to a division into the very poor and the very rich. In a cross-country context, it is shown that, on average, Russian respondents are not inclined to equalize income among the population as well as residents of European countries such as Slovenia and Finland. The respondents from Poland and the Czech Republic are in harmony with the equalization of income, regardless of the abilities and efforts put by the person. Using the CHAID decision tree method, the characteristics of respondents who share and do not share justice judgments are given. The research reveals that the studied variables about equity are most related to the level of income of the respondent.

Keywords: social justice; European social survey; intercountry surveys; income level; CHAID decision tree method

Information for citation: Mastikova N. S. (2019), "Perception of social justice by Russians according to the data of a European survey", *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 39-51, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-4

Введение (Introduction). В современных условиях социально-экономического кризиса, нарастающего общественного неравенства, восприятие людьми общественного устройства как несправедливого, государства, как неспособного обеспечить справедливое распределения благ и решение спорных вопросов, может приводить к снижению стабильности российского обществ. По данным ИС РАН чувство несправедливости всего происходящего вокруг испытывает хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при чем 46% испытывают его часто. Как отмечают исследователи «учитывая роль идеи справедливости/несправедливости в российской социокультурной традиции, в которой она выступает своего рода каркасом национального самосознания, это очень серьезный «звонок», сигнализирующий о неблагополучии в данной области (Горшков, Тихонова, 2013: 54). Эта опасность осознается на высшем государственном уровне, что прослеживается среди задач повышения эффективности реализации государственной политики РФ, поставленных в указе Президента о стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В документе обозначено «обеспечение дополнительных условий для реализации принципов социальной справедливости и равноправия граждан» (Указ Президента, 2012).

Проблемы дифференциации общества по имущественному и другим признакам, восприятие населением усиливающегося неравенства, справедливости в общественном устройстве изучаются в ходе междисциплинарных исследований и находятся в зоне актуальных исследований социологов. Тематике социального неравенства и социальной справедливости был посвящен V Всероссийский социологический конгресс 2016 года (Социология и общество, 2016). Подробный теоретический обзор по тематике социальной справедливости и анализ эмпирических данных был дан в работе М.Ф. Черныша и Манс-

урова, написанной в преддверии этого события (Мансуров, Черныш, 2016). Анализу методологических проблем эмпирического изучения социальной справедливости уделено внимание в работе А.В. Андреевской (Андреевская, 2017), которая выделяет специфику понятия «социальная справедливость», ведущую к методологической сложности его изучения. К специфике автор относит многоаспектность понятия, его контекстуальный характер, ведущий к сложности операционализации, измерения и интерпретации в ходе исследования, а также, относительную неустойчивость общественного восприятия, изменяющегося при изменении общественного контекста. Л.А. Хохулина отмечает, что на индивидуальное восприятие неравенства с позиции справедливости влияют «личные обстоятельства жизни, связанные с позиций индивида в социальной структуре и социальной организации общества» (Хохулина, 2003: 80).

По данным ИС РАН, отвечая на вопрос о том, считают ли респонденты российское общество справедливым «83% отметили, что различия в доходах граждан слишком велики, 54% считают, что их доход гораздо меньше, чем они заслуживают с учетом их квалификации, да и место в обществе куда скромнее, чем должно быть. Только 12% думают, что нынешняя система распределения частной собственности справедлива» (Добрынина, 2012). При этом в большинстве те россияне, которые считают справедливым, что люди, работающие более эффективно, должны иметь большие доходы.

Эмпирические исследования социальной справедливости в оценках россиян с 2008 года на базе данных Европейского социального исследования проводятся Институтом сравнительных социальных исследований. В ходе предыдущих этапов исследований было показано, что стремление к справедливому социальному устройству, желание видеть, что мир управляем и предсказуем, лежит в основе способности человека к целенаправленной деятельно-

сти. Убеждение людей в справедливости общества во многом определяет его стабильность.

Учитывая важность проблематики социальной справедливости, на данном этапе исследования возникает необходимость осмысления представленности в эмпирической базе ESS темы социальной справедливости, и на этой основе разработка методики межстранового изучения социальной справедливости.

Целью данной статьи является выявление возможностей эмпирической базы ESS для анализа тематики социальной справедливости, вторичный анализ имеющихся данных во всех волнах исследования.

Отдельные аспекты справедливости включены в модуль ESS, связанный с представлениями людьми о экономическом неравенстве, экономической справедливости и роли государства в обеспечении экономической справедливости через программы социальной поддержки. Сравнительному анализу межстрановых данных по этому модулю посвящена статья А.В. Андреевской, которая показала, что «социальная справедливость в целом и экономическая справедливость как одна из ее основных составляющих, представляют собой одну из базовых ценностей в современной Европе и в России, и в общественном сознании, и как цель общественного развития, государственной политики» (Андреевская, 2017: 21). Помимо этого модуля в ESS представлены еще два вопроса, связанные с восприятием разницы в доходах и различий в уровне жизни, данные по которым до сих пор не были проанализированы в ракурсе изучения социальной справедливости.

Методология и методы (Methodology and methods). Эмпирическую базу исследования составляет Европейское социальное исследование, которое проводится среди европейских стран с 2002 г., каждые 2 г. ESS в России проводит Институт сравнительных социальных исследований. Преимуществом базы ESS является высо-

кая надежность данных, а также их общедоступность. Россия принимает участие в исследовании с 2006 г. На текущий момент представлена информация по восьми волнам исследования, по 2016 г. включительно.

В базе 2008 г. представлена 31 страна, общая выборка исследования - 56752, выборка по России – 2512 человек.

В базе данных восьмого раунда за 2016 г. представлены данные по 23 странам, среди которых: Австрия, Бельгия, Чехия, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Исландия, Ирландия, Израиль, Италия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Словения, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания. Общая выборка – 44387 респондента, в России – 2430). Выборки были случайными или случайными стратифицированными. Данные были взвешены на комбинированный популяционный и дизайн вес¹.

В базе данных ESS, вопросы о справедливости, связанные с восприятием разницы в доходах и различий в уровне жизни, присутствуют в двух волнах (в 2008 г. и 2016 г.) и формулируются следующим образом:

1. Правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях.

2. Справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики.

Оба вопроса представлены в 5-ти балльной шкале, на которой 1 означает – полностью согласен, 2- согласен, 3 – где-то посередине, 4 – не согласен, 5 – совершенно не согласен. Для удобства анализа, крайние позиции 1 и 2, а также 4 и 5 были объединены. Таким образом, данные вопросы будут представлены в виде трехбалльных шкал. Мы сопоставим линейное распределение по выбранным вопросам за 2008 и 2016 гг., проанализируем средние

¹ Подробнее о взвешивании см. здесь https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf

значения в межстрановом контексте, с применением однофакторного дисперсионного анализа для определения статистической значимости различий между средними (ANOVA, критерий Тамхена) и, далее, представим социально-демографический портрет приверженцев позиции справедливого общества в России. Для решения этой исследовательской задачи наилучшим образом подходит метод классификации данных, называемый методом деревьев решений (CHAID – Chi-Square Automatic Interaction Direction – автоматическое выделение зависимостей на основе критерия хи-квадрат). Этот метод появился в 1980 году, в работе Г. Касса (Kass, 1980: 119-127).

Основная идея этого метода состоит в предсказании принадлежности объектов к тому или иному классу зависимой переменной на основании значений нескольких предикторов (независимых переменных). В результате анализа происходит распределение анализируемых независимых переменных на группы, наиболее отличающихся друг от друга по значениям зависимой переменной.

Метод деревьев решений по своей сути похож на регрессионный анализ, так как оба метода изучают статистическую взаимосвязь между одной зависимой переменной и несколькими независимыми переменными, но в регрессионном анализе взаимосвязь представлена в виде общего прогнозного уравнения, а в CHAID в виде древовидной структуры, полученной с помощью иерархической сегментации данных (Груздев, 2016: 9). Мы выбрали метод деревьев решений, потому что, во-первых, он представляет возможность наглядно представить результаты, во-вторых, он подходит под нашу задачу выявления портрета респондентов, высказывающих согласие/несогласие в суждениях о справедливом обществе, так как в этом методе можно включать в анализ большой набор независимых переменных, измеренных по любому виду шкалы. Задачей данного метода является классификация объектов,

определение объектов, которые с большей вероятностью являются членами целевой группы.

Весь набор данных, включенных в анализ, называется *корневым узлом*. При анализе он разбивается на два или более *узла*. Разбиение на узлы происходит таким образом, чтоб независимые переменные наиболее сильно отличались друг от друга по зависимой переменной, например, выделение узла с негативной и позитивной оценкой отношения к мигрантам). Качество разбиения на узлы оценивается с помощью статистических критериев. А в качестве *правил разбиения* – зависимые переменные, включенные в анализ. *Ветвями* называют линии, которые соединяют различные узлы, полученные в ходе анализа, на этих ветвях указываются правила разбиения и статистики. В результате анализа для каждого узла будет высчитана вероятность в виде процентных долей зависимой переменной, выносится *решение* в виде спрогнозированной категории зависимой переменной. Разбиение на узлы происходит до тех пор, пока независимые переменные не будут исчерпаны. Последний узел, который не разбивается дальше, называется терминальным *узлом дерева* или *листом* (Груздев, 2016: 10).

В нашем анализе приведем два дерева решений, в качестве зависимых переменных будут выступать переменные – суждения о справедливом обществе.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Обратимся к линейным распределениям, представленным в таблице. По первому вопросу мы наблюдаем, что доля респондентов, согласных с утверждением: «правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях» в 2008 г. составляет 36,8%, а в 2016 г. эта доля уменьшилась до 21,5%. В тоже время доля респондентов несогласных с этим утверждением увеличилась с 31,3% в 2008 г. до 41,8% в 2016 г. Такая

динамика может быть отражением возрастающего беспокойства в обществе, поля-

ризации доходов, приводящей к разделению на очень бедных и очень богатых.

Таблица 1

Восприятие социальной справедливости в России
по данным на 2008 и 2016 год, %

Table 1

Perceptions of social justice in Russia according to the data for 2008 and 2016, %

Оценки	2008	2016
<i>Правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях</i>		
Согласен	36,8	21,5
Где-то посередине	31,9	36,8
Не согласен	31,3	41,8
<i>Справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики</i>		
Согласен	64,9	55,2
Где-то посередине	23,3	30,9
Не согласен	11,8	13,9

Та же тенденция проявляется в ответах на второй вопрос. Согласных с утверждением: «справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики» в 2008 г. было 64,9%, и, хотя доля респондентов в 2016 г. снизилась до 55,2%, все же это мнение, наиболее распространенное в российском обществе. В сравнении, число не согласных с этим утверждением в 2008 г. всего лишь 11,8%, а в 2016 г. 13,9%. Таким образом, в российском обществе сохраняется установка на более равномерное распределение доходов между членами общества, а также ожидания того, что различия в уровне жизни между людьми не должны быть полярными. Наши результаты соотносятся с результатами С. В. Мареевой, которая показала, что российское население согласно на дифференциацию доходов, основанных на легитимных факторах (Мареева, 2013: 16).

Рассмотрим оценки российских респондентов по данным вопросам в меж-

страновом контексте. На рис. 1 и 2 представлены средние по всем странам-участницам исследования. Различия в средних значениях статистически значимы (ANOVA, критерий Тамхена).

Данные, представленные на рис.1 показывают, что в среднем российские респонденты не склонны к уравниванию доходов среди населения (значение 3,31) также, как жители таких европейских стран, как Словения (3,37) и Финляндия (3,45). Россияне и респонденты из Финляндии и Словении в большей степени считают, доходы могут дифференцироваться в зависимости от того насколько одарен человек способностями и прикладывает усилия для того, чтобы заработать деньги. На другом полюсе стран, где в среднем респонденты тяготеют к согласию с уравниванием доходом, независимо от способностей и усилий, прикладываемых человеком, находятся такие страны как Польша (2,47) и Чехия (2,43).

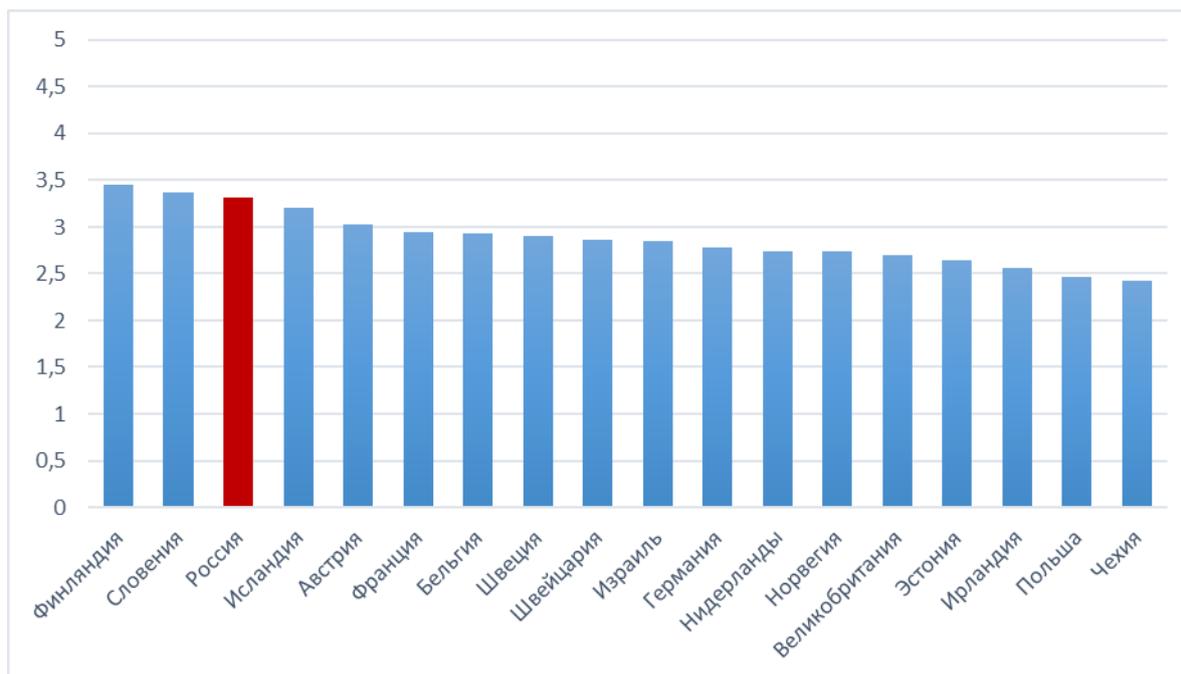

Рис. 1. Сравнительный анализ в России и в странах Европы по данным 2016 г. по позиции: «правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях»

Fig. 1. Comparative analysis in Russia and in Europe according to the data of 2016 on the position: «Large differences in people's incomes are acceptable to properly reward differences in talents and efforts»

Что касается второго утверждения, рис. 2, то и тут разница в ответах всех стран не слишком отличается, тем не менее, Россия, по отношению к утверждению «справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики» тяготеют к варианту «где-то посередине» (2,44). Ре-

спонденты из Австрии (2,21) и Исландии (2,19) чаще чем респонденты из других стран проявляют согласие с утверждением, что справедливым можно считать только такое общество, где различия в уровне жизни невелики. А респонденты из Чехии (2,92) и Нидерландов (2,67) чаще не согласны с этим утверждением.

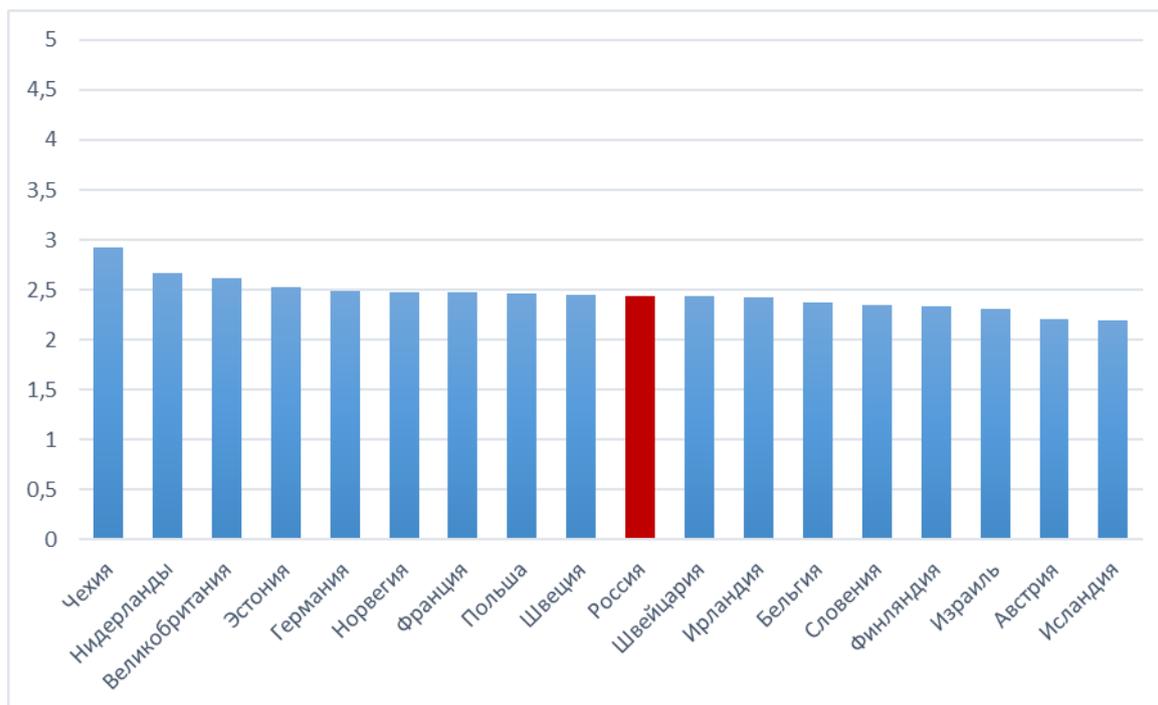

Рис. 2. Сравнительный анализ в России и в странах Европы по данным 2016 г. по позиции: «справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики»

Fig. 2. Comparative analysis in Russia and in Europe according to the data of 2016 on the position: «For a society to be fair differences in people's standard of living should be small»

Воспользуемся описанным выше методом деревьев решений CHAID для данных по России и определим, какие социально-демографические переменные (пол, возраст, уровень образования, доход, тип поселения, семейное положение, уровень дохода) сопряжены с исследуемыми переменными (суждениями о справедливости). На рис.3 представлено дерево классификации для переменной «Справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики». Среднеквадратичная ошибка составляет 0,006, оценка риска 10%.

Наилучшим предиктором для данной переменной стала переменная «уровень дохода», которая в свою очередь расщепилась на 2 узла: 1) живем комфортно на существующий доход, 2) очень сложно прожить на существующий доход. Доля респондентов, которым сложно прожить на существующий доход, согласных с тем, что справедливым обществом можно счи-

тать такое общество, где различия между людьми в уровне жизни не велики, составило 70,6%. В категории тех, кто комфортно живет на существующий доход, доля не согласных с таким суждением 23,8%. Таким образом, менее обеспеченные респонденты тяготеют к уравниванию доходов. Отметим, что по данным исследования, приведённого В.А. Мансуровым и М.Ф. Чернышом (исследование 2014 г.) установлено, что уровень собственного благополучия респондента существенно влияет на оценку справедливости: малообеспеченные оценивают справедливость российского общества ниже, чем респонденты со средним уровнем жизни и благополучные респонденты. Авторы отмечают, что различия в оценках имеют нелинейный характер, «уровень собственного благополучия перестает влиять на оценку в тех случаях, когда респондент решил для себя проблему выживания» (Мансуров, Черныш, 2016).

Узел «сложно прожить на существующий доход» расщепился по переменной

возраст на 2 узла: 59 лет, 67 и старше.

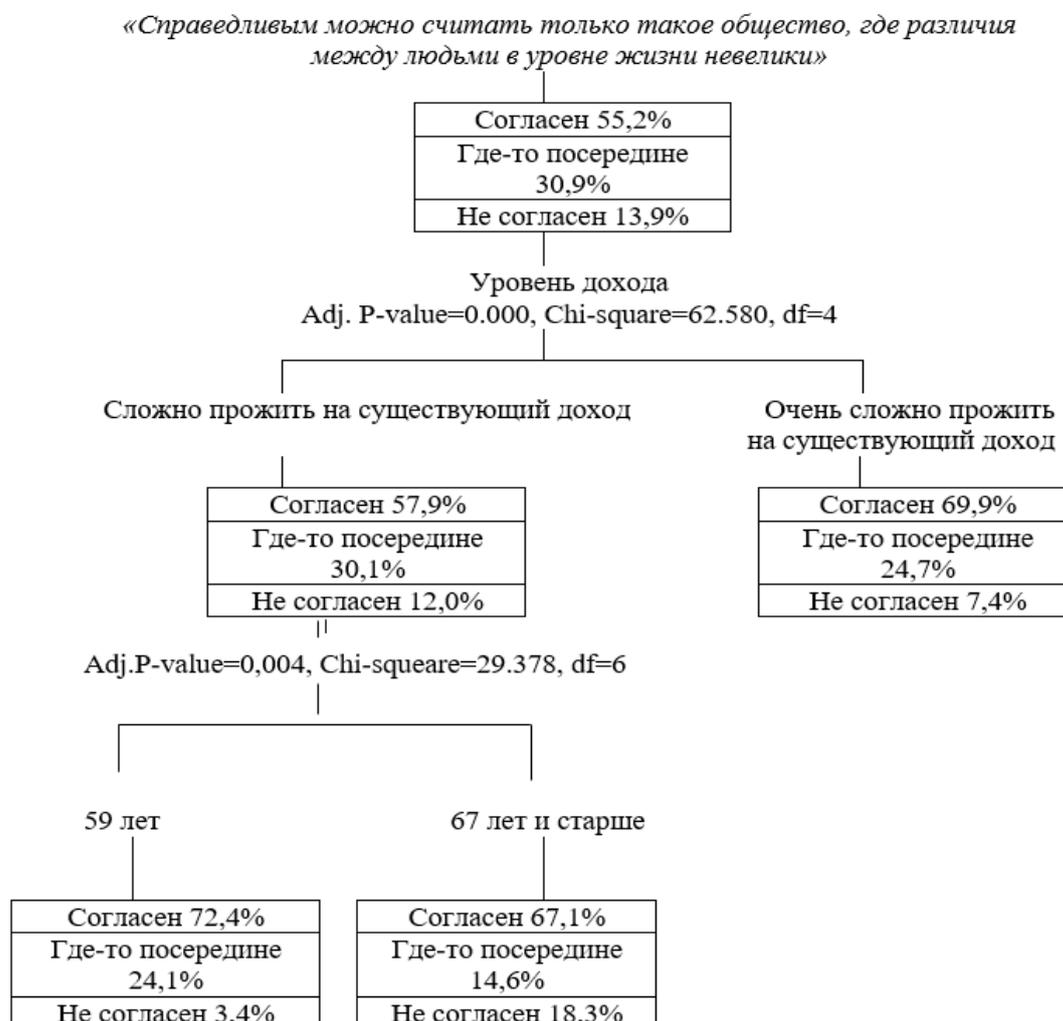

Рис. 3. Дерево классификации для переменной «Справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики»

Fig. 3. Classification tree for the variable «For a society to be fair differences in people's standard of living should be small»

Среди согласных с тем, что в справедливом обществе различия между людьми и в уровне жизни не велики, представлены респондентами, которым сложно прожить на существующий доход из старшей возрастной группы. По данным ФОМ (2011 г.) респонденты чаще всего отмечают, что несправедливость российского общества чаще всего проявляется в социальном расслоении и бедности, низких зарплатах, пенсиях и пособиях. В ответах на открытый вопрос анкеты 61% опро-

шенных, считающих общество несправедливым отмечают «Низкие доходы большинства населения»; «народ совершенно без денег, пенсия – крохи»; «низкие пенсии, низкая зарплата, нехватка денег на самое необходимое»; «большинство населения живет на сверхнизком материальном уровне»; «пенсия, на которую не проживешь»; «работали, работали, а в конце жизни даже поесть то, что ты хочешь, не удастся»; «пособия на ребенка слишком

маленькие» (Справедливость в российском..., 2011).

Как показали В.А. Мансуров и М.Ф. Черныш (исследование 2014 г.), ранее фиксировавшие наиболее негативные оценки справедливости российского общества именно в старшей возрастной группе «на данную оценку в этих группах влияет факт приближения к тому возрасту, когда личностные ресурсы такие как здоровье, трудоспособность истощаются и приходит понимание того, что прожить пенсию, которая выплачивается государством сложно, но особенно сложно в том случае, если живешь в большом городе и не имеешь работы (Мансуров, Черныш, 2016: 53-54).

На рис. 4 представлено дерево классификации для переменной «правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях». Среднеквадратичная ошибка составляет 0,062, оценка риска 10%.

В случае этой переменной наилучшим предиктором также выступает уровень дохода. В этом смысле наши данные перекликаются с данными Салминой А.А (Салмина, 2011: 11), которая в качестве главной детерминанты запросов россиян на сокращение неравенства выделяет собственный уровень доходов респондентов.

«правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях»

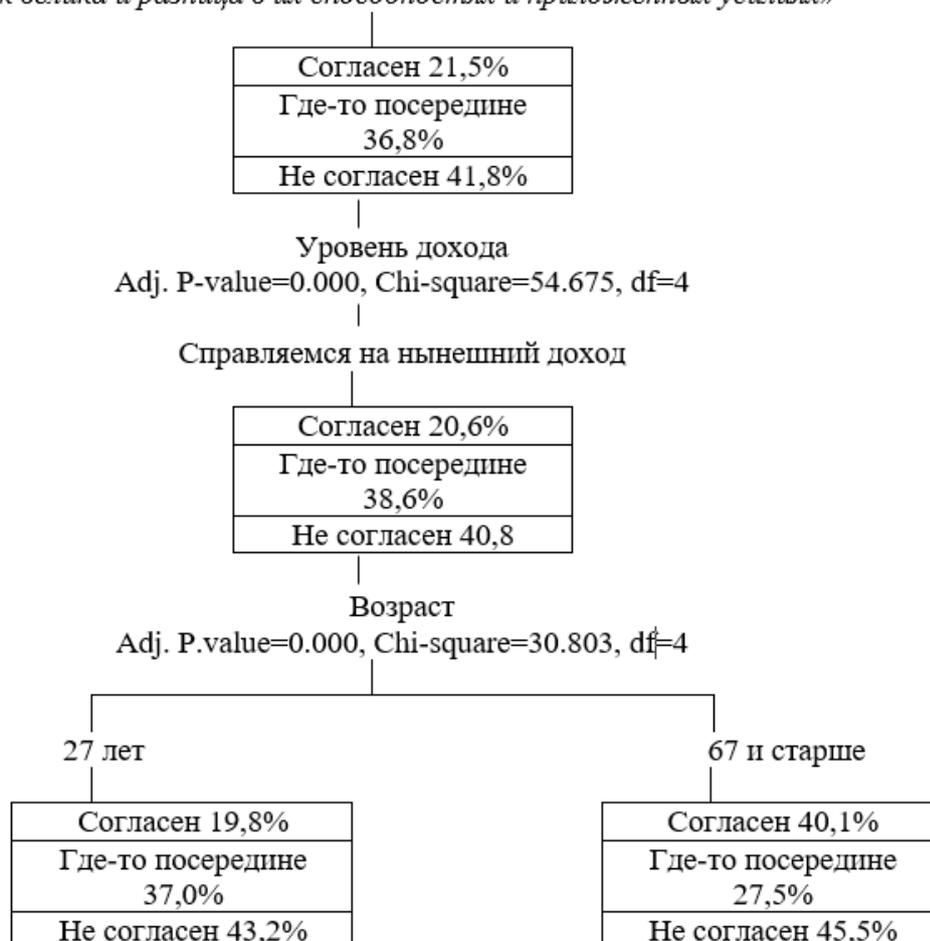

Рис. 4. Дерево классификации для переменной «правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях»

Fig. 4. Classification tree for variable «Large differences in people's incomes are acceptable to properly reward differences in talents and efforts»

Узел уровня дохода расщепился еще на 1 узел – «справляемся на нынешний доход». Среди этой доходной группы 40,8% респондентов не согласны с тем, что разница в доходах между людьми должна быть велика. Этот узел в свою очередь расщепился по переменной возраст на 2 узла – 27 лет и 67 и старше. Среди двух возрастных групп примерно равное количество не согласных с данным суждением (27 лет – 43,2%, 67 и старше – 45,5%).

Таким образом, портрет респондентов, не согласных с утверждением «правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях» составляют респонденты, которым хватает средств на обеспечение жизни в двух возрастных группах: молодежь в возрасте 27 лет, и люди пенсионного возраста: 67 и старше. Можно предположить, что эти группы имеют сходные оценки, так как, у молодежи к 27 годам имеется профессиональный опыт, работа, но имеются и большие потребности, так как это возраст создания семьи и необходимости обеспечивать детей. Старшая же возрастная группа имеет в среднем небольшие доходы, но и невысокие потребности.

Заключение (Conclusions). В нашем исследовании проанализированы представленные в базе ESS вопросы, связанные с восприятием разницы в доходах и различий в уровне жизни респондентов, которые ранее не включались исследователями в анализ социальной справедливости.

Анализ данных по этим вопросам показал, что в российском обществе сохраняется установка на более равномерное распределение доходов между членами общества, а также ожидания того, что различия в уровне жизни между людьми не должны быть полярными. Россияне и респонденты из Финляндии и Словении в большей степени считают, что доходы могут дифференцироваться в зависимости от того насколько одарен человек способностями и прикладывает усилия для того, чтобы

заработать деньги, чем жители других европейских стран, участвующих в исследовании. Россия, по отношению к утверждению «справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики» тяготеют к варианту «где-то посередине», по сравнению с другими европейскими странами.

Анализ данных по выявленным вопросам показал, что на оценки россиян больше всего влияет уровень дохода, менее обеспеченные респонденты тяготеют к уравниванию доходов, считая это справедливым. Респонденты, которым сложно прожить на существующий доход из старшей возрастной группы чаще считают, что в справедливом обществе различия между людьми и в уровне жизни не велики. Респонденты, которым хватает средств на обеспечение жизни в двух возрастных группах: молодежь в возрасте 27 лет, и люди пенсионного возраста: 67 и старше, чаще не согласны с утверждением «правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях». Несмотря на полученные результаты, следует отметить, что база ESS не содержит достаточное количество вопросов, которые могут быть интерпретированы с позиции социальной справедливости, а имеющиеся вопросы не позволяют сделать комплексное исследование, включая различные аспекты социальной справедливости.

Список литературы

Андреенкова А.В. Представления о справедливости и экономическое неравенство в сравнительном межстрановом контексте // *Общественные науки и современность. 2017. № 5.*

Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 25.09.2018).

Kass G.V. An exploratory technique for investigating large quantities of categorical data // *Applied Statistics*. 1980. Vol. 29, Issue 2. Pp. 119-127.

Груздев А.В. Прогнозное моделирование в IBM SPSS Statistic и R: Метод деревьев решений. М.: ДМК Пресс, 2016.

Марева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 16-26.

Салмина А.А. Запросы Россиян к государству на сокращение социального неравенства и социальную поддержку: факторы формирования и межстрановые сравнения: дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.

Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2013. URL: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html. (дата обращения: 03.10.2018).

Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. Электрон. дан. М.: Российское общество социологов, 2016. (DVD ROM).

Мансуров В.А., Черныш М.Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // *Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей; под общ. ред. Ю.Р. Вишневого*. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016.

Хахулина Л.А. Динамика оценок населением России справедливости и несправедливости неравенств, сложившихся в 90-е годы // *Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России* / Ред.-сост. Р.В. Рывкина. М.: Рефердум, 2003. С. 77-102.

Добрынина Е. Великая русская мечта. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/14/sociologiya-site.html> (дата обращения: 03.10.2018).

Справедливость в российском обществе // *Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень*. 24.11.2011. № 47. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d4711.pdf> (дата обращения: 03.10.2018).

References

Andreenkova, A. V. (2017), "Justice and economic inequality in comparative cross-country context", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (5). (In Russian).

The Decree of the President of the Russian Federation (2012), *On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025*, [Online], available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (Accessed 25 September 2018). (In Russian).

Kass, G. V. (1980), "An exploratory technique for investigating large quantities of categorical data", *Applied Statistics*, 29 (2), 119-127. (In Russian).

Gruzdev, A. V. (2016), *Predictive Modeling in IBM SPSS Statistic and R: Decision Tree Method*, DMK Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Mareeva, S. V. (2013), "A fair society in the views of Russian people", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (5), 16-26. (In Russian).

Salmina, A. A. (2011), "Russian requests to the state for reducing social inequality and social support: factors of formation and cross-country comparisons", Ph.D. Thesis, Moscow, Russia. (In Russian).

Gorshkov, M. K. and Tihonova, N. E. (2013), *Sociocultural Factors of Consolidation of the Russian Society*, Institut sotsiologii RAN, Moscow, Russia [Online], available at: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html. (Accessed 3 October 2018). (In Russian).

Proc. 5th all-Russian sociological congress "Sociology and society: social inequality and social justice" (2016), in Mansurov, V. A. (ed.), *Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov*, Moscow, Russia. (DVD ROM). (In Russian).

Mansurov, V. A. and Chernysh, M. F. (2016), "Social justice: theoretical and empirical aspects", *Students of Russia on social inequality and social justice: collection of scientific articles*, in a collection of scientific works ed. by Vishnevsky, Yu. R., Izd-vo UMC UPI, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).

Hakhulina, L. A. (2003), "Dynamics of Estimates by the Population of Russia for Justice and Inequality of Inequalities Established in the 1990s", in Ryvkina, R. V. (ed.) *Fair and unfair social inequalities in modern Russia*, Referendum, Moscow, Russia, 77-102. (In Russian).

Dobrynina, E. (2012), *The Great Russian Dream*, [Online], available at:

<http://www.rg.ru/2012/06/14/sociologiya-site.html>
(Accessed 3 October 2018). *(In Russian)*.

“Justice in Russian society” (2011), *Dominanty. Pole mneniy. Sociologicheskij byulleten'*, 47, [Online], available at: <http://bd.fom.ru/pdf/d4711.pdf> (Accessed 3 October 2018). *(In Russian)*.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Мастикова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук.

Natalia S. Mastikova, PhD in Sociology, Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Lecturer, State Academic University for the Humanities.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5

Мозговая А.В.¹
Шлыкова Е.В.²

**Стиль жизни городской общности как ресурс адаптации
к неопределенности среды**

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
mozgovai@yandex.ru

² Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
shlykova70@yandex.ru

*Статья поступила 14 февраля 2018 г.; Принята 10 марта 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования проблем адаптации к условиям неопределенности в городской среде. Исследовательской проблемой является выявление специфических составляющих стиля жизни городской общности в условиях кризиса и оценка значимости различных показателей этих составляющих для адаптации к неопределенности. Анализ данных общероссийского мониторинга, проведенного в пик кризиса, то есть в период неопределенности на макроуровне, выявил низкий уровень адаптированности респондентов из городских поселений с населением от 100 тыс. человек до 250 тыс. человек, которые в специальной литературе принято называть «большими городами». Сравнительный анализ составляющих стиля жизни городских общностей больших городов и всех остальных позволил сделать следующие выводы. Стиль жизни городской поселенческой общности можно рассматривать как комплексный показатель «ресурсности» адаптации к неопределенности среды, в том числе вызванной кризисом на более высоком структурном уровне. В целом данные позволяют охарактеризовать адаптационную «ресурсность» стиля жизни респондентов из больших городов как двойственную. С одной стороны, определенный консерватизм, «застойность» способствует психологической адаптации к кризисному периоду, с другой стороны, вхождение неопределенности в нашу повседневность требует, во-первых, рефлексии и признания этого факта изменившейся социальной реальности, во-вторых, активного наращивания адаптационного потенциала. Корректировка стиля жизни выступает механизмом этого сложного адаптационного процесса через повышение субъектности, рефлексивности, деятельностно-мотивационной составляющей стиля жизни.

Ключевые слова: неопределенность; городская среда; стиль жизни; большие города; адаптация; ресурсы.

Информация для цитирования: Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Стиль жизни городской общности как ресурс адаптации к неопределенности среды // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 5, N 1. С. 52-69 DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5

Alla V. Mozgovaya¹
Elena V. Shlykova²

**Urban community lifestyle as a resource for adaptation
to uncertainty of the environment**

¹ Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
mozgovai@yandex.ru

² Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
shlykova70@yandex.ru

*Received on February 14, 2018; Accepted on March 10, 2019;
Published March 30, 2019*

Abstract. The article substantiates the relevance of the study of problems of adaptation to the conditions of uncertainty in the urban environment. The research problem is to identify the specific components of the urban community's lifestyle in times of crisis and to assess the significance of various indicators of these components for adaptation to uncertainty. Data analysis from the Russian nationwide monitoring, conducted during the peak of the crisis – a period of uncertainty at the macro level, has revealed a low level of adaptability of respondents from urban settlements with a population from 100,000 to 250,000, which are commonly referred to as “big cities”. A comparative analysis of urban community's lifestyle components from big and all other cities has allowed us to draw the following conclusions. The lifestyle of the urban settlement community can be viewed as a complex indicator of the “resourcefulness” of adaptation to environmental uncertainty, including those caused by the crisis at a higher structural level. In general, the data allows us to characterize the adaptive “resourcefulness” of respondents' lifestyle from big cities as dual. On the one hand, a certain conservatism, “stagnation” contributes to psychological adaptation to the crisis period, on the other hand, the uncertainty in our everyday life requires reflection and recognition of the changed social reality, and, secondly, active increasing of the adaptation potential. The adjustment of lifestyle is the mechanism of this complex adaptation process through the increase of subjectivity, reflexivity, and the activity-motivational component of lifestyle.

Keywords: uncertainty; urban environment; lifestyle; big cities; adaptation; resources

Information for citation: Mozgovaya, A. V. and Shlykova E. V. (2019), “Urban community lifestyle as a resource for adaptation to uncertainty of the environment”, *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 52-69, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5

Введение (Introduction). Город в социологической традиции рассматривается как подсистема социальной реальности, специфика которой заключается в соци-

ально-территориальной организации жизнедеятельности населения, базирующаяся на определенном комплексе производственной, инфраструктурной, культурной,

социальной жизнедеятельности населения. В сформированной городской среде складывается специфический образ жизни поселенческой общности и стиль жизни отдельных социальных групп.

Среда для территориальной общности выступает объективным жизненным условием, к которому так или иначе приходится адаптироваться. Более того, через городскую среду в жизни индивида и его ближайшего окружения преломляются трансформации и кризисы, формирующиеся на уровне общества в целом и его отдельных структурных элементов, создавая неопределенность в устоявшемся образе и стиле жизни. В этом контексте исследования проблем адаптации к условиям неопределенности в городской среде приобретают особую актуальность.

Понятие «неопределенность» широко используется «в концептуализации трансформационных процессов и переходных состояний систем различной природы и их элементов – природы, техносферы, социума, среды обитания в целом» (Риски..., 2016: 37). Основным фундаментальным признаком неопределенности – это неоднозначность позитивной направленности изменений. На какой бы позиции ни находился социальный субъект: деятельностной или пассивной, взаимодействовать с неопределенностью ему так или иначе придется. Нестабильность и неустойчивость привычных условий среды, противоречие между инновациями и повседневностью требует и от индивида, и от социальных субъектов тех или иных усилий по ее упорядочиванию.

На уровне социальных институтов упорядочивание неопределенности осуществляется через механизм организации и управления; на уровне личности – через механизм взаимодействия с меняющейся средой, то есть через адаптацию, корректировку стиля жизни, жизненной стратегии в целом. Адаптация трактуется нами как взаимодействие личности с макро-, мезо- и микросредой для достижения комфортного самочувствия, безопасности и

устойчивости внешних факторов как предпосылок реализации тех или иных жизненных целей. В макро- и мезосреде происходит формирование, воспроизводство и обновление системообразующих условий социальной жизнедеятельности конкретного социума на том или ином этапе его развития. Микросреда отражает совокупность условий и факторов, составляющих повседневность индивида, группы. При этом существенным является то, что нововведения в макросреде, скажем в институциональной сфере, преломляются в повседневной жизни индивида, требуют корректировки его жизненной стратегии, *адапционного поведения*, оценки рисков выбора и прочее.

Особенно актуальным для исследования представляется изучение адаптационных ресурсов и практик различных категорий населения, которые конструируются ими для снижения уязвимости в условиях неопределенности. Как показывают исследования, в частности наши собственные, неопределенность на личностном уровне проявляется через отсутствие четких представлений о будущем, неуверенность в завтрашнем дне, дефицит институционального доверия и другие социальные показатели. Одной из гипотез, сформулированных на базе предыдущих исследований, является следующее допущение: сама городская среда, точнее – стиль жизни городской общности, в условиях неопределенности выполняет функцию адаптационного ресурса, облегчая или, напротив, усложняя процесс адаптации к неопределенности. На наш взгляд обоснование социологической сущности феномена неопределенности целесообразно строить на идеях диалектики, рассматривая неопределенность не столько как противоположность стабильности и устойчивости, сколько как этап развития и социальной системы и личности. Социологами установлено, что в так называемых моногородах, в частности, имеющих потенциально опасные химические, добывающие или обрабатывающие предприятия, то есть про-

живающих в условиях перманентной неопределенности, формируется специфический стиль жизни, субкультура риска (Мозговая, 2008), включающая навыки, практики, установки, способствующие успешной адаптации к новым условиям.

Актуальной проблемой, имеющей исследовательский интерес в этой связи, является анализ специфических составляющих стиля жизни городской общности в условиях кризиса и оценка значимости различных показателей этих составляющих для адаптации к неопределенности. В предлагаемой коллегам статье мы ставим следующую исследовательскую цель: во-первых, на базе данных общероссийского мониторинга, проведенного в пик кризиса, то есть в период неопределенности на макроуровне, определить наличие/отсутствие разницы в оценке степени кризисности, социальной и психологической напряженности среды различных по численности населения городов; выявить специфику тех показателей стиля жизни городской общности, которые разработчик счел целесообразным включить в инструментарий мониторинга.

Методология и методы (Methodology and methods). Эмпирическую базу анализа составляет массив данных «второй волны» (март 2015 года) мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданная при финансовой поддержке РФФИ. Опрос проводился по многоступенчатой районированной выборке с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Выборочная совокупность репрезентирует взрослое население России в возрасте от 18 лет и старше по полу, возрасту, уровню образования, типу поселения и составляет 4000 человек (Российское общество..., 2015: 9-11). Выбор именно этой базы данных для анализа в статье обосновывается заявленной целью волны мониторинга, а именно – изучить

воздействие *наиболее острой фазы* экономического кризиса на повседневную жизнь россиян. С точки зрения социологии риска, 2015 год, обозначенный как *пик кризиса*, характеризуется высокой скоростью изменений среды, а значит *высоким уровнем неопределенности*.

Специалисты в области изучения проблем народонаселения базовым социально-экономическим признаком статистического анализа считают численность населения города. Социолог рассматривает этот признак как своеобразный «узел», собирающий на себя жизнедеятельность территориального сообщества, определяя степень сложности социальной, экономической, духовной, культурной жизни и системы управления. В выборочной совокупности мониторинга доли городских поселений с определенной численностью соответствуют распределению в генеральной совокупности. Всего в инструментарии имеется пять типов городов: с населением более 1 млн. человек, от 500 тыс. до 1 млн. чел., от 250 до 500 тыс. чел., от 100 тыс. до 250 тыс. чел., менее 100 тыс. чел.

Методика анализа и основные понятия. Такое качество среды, как кризисность, степень социальной и психологической напряженности мы измерим через оценку респондентами психологического состояния окружающих людей, характера изменений, текущей ситуации и перспектив развития страны, удовлетворенности жизнью на момент опроса. В совокупности низкие оценки по этим показателям укажут на наличие *неопределенности в городской среде, вызванной кризисом*. Наличие типа городских поселений с самыми низкими оценками укажет на самую уязвимую городскую общность, которая и станет непосредственным объектом нашего анализа.

В философии понятие *стиля* трактуется как сложившаяся на основе социально-экономических условий жизни система идей, средств и методов отражения природной и социальной среды. В социологии понятие *стиля жизни* включает мотиваци-

онно-деятельностную (мотивы/активность) и мировоззренческую составляющие, особенности уровня и качества жизни. Стиль жизни для социолога определяется не только уровнем и качеством жизни, условиями среды проживания, но и субъективными показателями отношения к этим составляющим жизнедеятельности. С этих позиций стиль жизни городской поселенческой общности можно рассматривать как комплексный показатель «ресурсности» адаптации к неопределенности среды, в том числе вызванной кризисом на более высоком структурном уровне – общества в

целом как системы. Принято считать уровень жизни социально-экономической категорией, а качество жизни – социологической категорией. В специализированной литературе имеется широкий перечень показателей как уровня, так и качества жизни. Инструментарий общероссийского мониторинга включает достаточное количество соответствующих показателей для решения исследовательских задач. В таблице 1 приведены те показатели, которые доступны для анализа под цели статьи на данных имеющейся в нашем распоряжении эмпирической базы.

Таблица 1

Эмпирическая интерпретация понятия стиля жизни

Table 1

Empirical interpretation of the concept of lifestyle

Составляющие	Интерпретация
Уровень жизни	<ul style="list-style-type: none"> - среднемесячный доход на члена семьи - собственный среднемесячный доход - основные источники дохода - иждивенческая нагрузка - самооценка динамики материального положения и его перспектив - удовлетворенность материальной обеспеченностью
Качество жизни	<ul style="list-style-type: none"> - уровень образования - профессиональная квалификация и уровень удовлетворенности возможностью реализовать себя в профессии - «информационно-культурный профиль»
Мотивационно-деятельностная и мировоззренческая	<ul style="list-style-type: none"> - социальные связи - социальная активность - институциональное доверие - ценностные ориентации и жизненные стратегии

Субъективная оценка качества среды и удовлетворенности жизнью в городских населенных пунктах разного типа: обоснование объекта исследования. Субъективную оценку качества *микросреды* мы интерпретируем через оценки психологического состояния людей из ближайшего окружения респондентов. Результаты сравнения удельного веса позитивных и негативных оценок психологического состояния *микросреды* в различных типах городских населенных пунктов позволяют утверждать, что особым образом выделяются жители городов с населением от 100

тыс. до 250 тыс. человек, в то время как между оценками респондентов из городов других типов значимые различия не зафиксированы. Удельный вес оценок жителей городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек позитивного состояния окружающих их людей ниже, а негативно-го выше, по сравнению с оценками респондентов из городов других типов: считают, что их *микросреда* характеризуется спокойствием, уравновешенностью – 34% респондентов из указанной группы против 39-42% в других группах, апатией – 24%

против 14-16% соответственно; тревожностью – 51% против 40-45%.

Схожую тенденцию мы обнаружили и в результатах сравнительного анализа оценок качества *макросреды*. В городах с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек по сравнению с другими городскими населенными пунктами несколько выше доли считающих ситуацию в России на момент опроса напряженной, кризисной (68% против 61-66%); отмечающих перемены к худшему, произошедшие за год (79% против 68-75%); утверждающих, что в ближайшей перспективе Россию ждут трудные времена (70% против порядка 50-60%), и указывающих на рост напряженности в обществе (72% против 59-69%).

Удовлетворенность жизнью является одной из важнейших составляющих социального самочувствия и выступает показателем адаптированности к изменениям среды (Козырева, 2004). Анализ показал, что жители городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек отличаются от жителей других городских поселений по уровню удовлетворенности жизнью в целом: Высокий уровень удовлетворенности жизнью демонстрирует четверть респондентов из городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек, в остальных городских населенных пунктах значения этого показателя значительно выше (25% против 32-36% соответственно).

В целом жители городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек, в отличие от других городских поселений, видят микросреду скорее психологически-негативной и мезосреду – кризисной, с тенденцией к возрастанию напряженности и негативным переменам и характеризуются низким уровнем удовлетворенности жизнью, что в совокупности свидетельствует о низком уровне адаптированности населения городов этого типа к условиям неопределенности, вызванному кризисом, на момент опроса.

Мы предполагаем, что имеет место специфика стиля жизни как комплексного адаптационного ресурса респондентов из

городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек, обуславливающая низкий уровень их адаптированности к неопределенности среды. Для дальнейшего сравнительного анализа сформируем две целевые группы – жители городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек (N=206) и жители городов остальных типов (N=2637). Отметим, что демографы традиционно классифицируют города с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек как большие (Демографическая энциклопедия, 2017: 190), поэтому в дальнейшем будем именовать целевые группы «жители больших городов» и «остальных городских населенных пунктов». Далее проведем сравнительный анализ рассматриваемых целевых групп по ряду показателей стиля жизни территориальной поселенческой общности. Для более глубокого понимания специфики объекта исследования приведем примеры и назовем несколько больших городов: Химки (245 тыс. жителей), Великий Новгород (223 тыс.), Люберцы (190 тыс.), Петропавловск-камчатский (150 тыс.), Электросталь (154 тыс.), Обнинск (114 тыс.), Сергиев-Посад (105 тыс.), Ногинск (102 тыс.). Анализ всего списка по данным статистических ведомств позволяет охарактеризовать подобные города как преимущественно монопрофильные, городская среда которых формировалась вместе и под задачи развития этого профиля.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Стиль жизни больших городов: адаптация к кризису.

Уровень жизни как экономическая составляющая стиля жизни населения больших городов. Показатели уровня жизни, доступные для анализа, это: фактический статус (среднемесячный доход и его основные источники, иждивенческая нагрузка семьи) и субъективные оценки динамики материального положения и удовлетворенности материальной обеспеченностью.

Для анализа *среднемесячного дохода* используем методику, предложенную ведущими специалистами в области исследований социально-экономического положения населения России П.М. Козыревой и А.И. Смирновым. Распределим респондентов из целевых групп по следующему критерию: низкодоходная группа – 0,75 медианного значения и менее; нижняя среднедоходная группа – более 0,75 до 1,25 медианы; верхняя среднедоходная – более 1,25 до 2 медиан; высокодоходная группа – более 2-х медианных значений (Козырева, Смирнов, 2018: 30).

Респондентам предлагалось ответить на вопросы о среднемесячном доходе на каждого члена семьи и собственном среднемесячном доходе. По собственному среднемесячному доходу различий между целевыми группами не наблюдается. По среднемесячному доходу на члена семьи в больших городах существенно ниже доля низкодоходных и выше нижних среднедо-

ходных по сравнению с остальными городскими поселениями – 19% против 32% и 38% против 32% соответственно.

Анализ специфики *источников дохода* сводился к подсчету внутригруппового удельного веса каждого из указанных в анкете, и построению их рейтинга по убыванию величины удельного веса. К основным источникам доходов респонденты из обеих целевых групп относят (в порядке убывания удельного веса): зарплату по основному месту работы; пенсии, пособия; разовые приработки; подсобное хозяйство, дачный участок; помощь родственников, друзей, соседей. По величинам удельного веса указанные источники доходов в целевых группах не различаются.

Не имеют *иждивенческой нагрузки* 27% респондентов в больших городах и 28% – в остальных городских населенных пунктах. Однако между целевыми группами наблюдаются *качественные* различия иждивенческой нагрузки (таблица 2).

Таблица 2

Особенности иждивенческой нагрузки в больших городах и остальных городских населенных пунктах (удельный вес от имеющих иждивенческую нагрузку в каждой целевой группе)

Table 2

Features of the dependent load in large cities and other urban settlements
(share of having a dependent load in each target group)

Вид иждивенческой нагрузки	Имеющие иждивенческую нагрузку в целевой группе	
	Большие города (N=151)	Остальные городские населенные пункты (N=1899)
Неработающие пенсионеры	51	39
Неработающие студенты	17	23
Несовершеннолетние дети	41	50

В больших городах выше удельный вес имеющих на иждивении пенсионеров, в остальных городских поселениях – детей и неработающих студентов.

Как показывают исследования коллег и наши, важным показателем уровня жизни выступает не только фактический мате-

риальный статус, но и субъективная оценка его устойчивости и удовлетворенности им (Гриценко, 2014, Шлыкова, 2017). *Устойчивость материального положения* измерим, опираясь на самооценки его динамики за год и перспектив его изменения в будущем (таблица 3).

Таблица 3

Самооценка динамики и перспектив изменения материального положения
(% от опрошенных в каждой целевой группе)

Table 3

Self-assessment of the dynamics and prospects of changes in the financial situation
(% of respondents in each target group)

Целевая группа	Самооценка динамики материального положения за прошедший год			Самооценка перспектив изменения материального положения в ближайший год		
	Улучшилось	Ухудшилось	Не изменилось	Улучшится	Ухудшится	Не изменится
Большие города	10	33	57	17	35	48
Остальные городские населенные пункты	10	45	45	28	35	37

Результаты анализа показывают, что респонденты из больших городов в целом оценивают динамику своего материального положения как «не изменилось и не изменится». В остальных городских поселениях чаще отмечают ухудшение материального положения за год, но и больше верят в его улучшение в ближайшей перспективе.

Отвечая на вопрос анкеты, респонденты оценивали удовлетворенность

материальной обеспеченностью по трехбалльной шкале – «хорошо, удовлетворительно, плохо», что в нашей интерпретации соответствует «высокому, среднему, низкому» уровню самооценки удовлетворенности этой стороной жизни. Результаты сравнительного анализа целевых групп по этому показателю представлены в таблице 4.

Таблица 4

Самооценка уровня удовлетворенности материальной обеспеченностью
(% от опрошенных в каждой целевой группе) и индекс удовлетворенности¹

Table 4

Self-assessment of the level of satisfaction with material well-being
(% of respondents in each target group) and satisfaction index

Целевая группа	Уровень удовлетворенности материальной обеспеченностью			Индекс удовлетворенности
	Высокий	Средний	Низкий	
Большие города	15	72	13	0,02
Остальные городские населенные пункты	21	59	20	0,01

¹Индекс удовлетворенности рассчитывается на основе методики, представленной в (Татарова, 1998), по формуле: $IY = ((a-b))/100$, где а – доля респондентов, высоко оценивающих собственную удовлетворенность, b – доля респондентов, низко оценивающих собственную удовлетворенность. ИУ принимает значение от –1 (абсолютная неудовлетворенность) до +1 (абсолютная удовлетворенность).

Большинство респондентов из больших городов характеризуется средними оценками удовлетворенности материальной обеспеченностью. В остальных городских поселениях «разброс» оценок больше. Индекс удовлетворенности материальной обеспеченностью не существенно, но выше в больших городах.

Качество жизни как субъективная составляющая стиля жизни населения больших городов. Эмпирические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют интерпретировать качество жизни через такие показатели как уровень образования; профессиональная квалификация и удовлетворенность возможностью реализовать себя в профессии; «информационно-культурный профиль».

У респондентов из больших городов по сравнению с жителями остальных городских поселений ниже *уровень образования*: среди них ниже доля имеющих незаконченное высшее и высшее образование (35% против 42%) и выше – имеющих среднее и среднее специальное (62% против 56%).

По уровню *профессиональной квалификации* различий между целевыми группами не обнаружено. Примерно по одной трети работающих в обеих рассматриваемых группах приходится на специалистов с высшим образованием; служащих и работников торговли или сферы услуг на должностях, не требующих высшего образования; рабочих с преобладанием высоких разрядов. Однако наблюдаются различия по субъективным оценкам *уровня удовлетворенности возможностью реализовать себя в профессии*. В больших городах доля высоких оценок удовлетворенности возможностью профессиональной саморе-

ализации значимо ниже по сравнению с другой целевой группой – 19% против 27%.

Блок показателей, который мы назвали «*информационно-культурный профиль*», анализируется в статье через следующие индикаторы: уровень заинтересованности в информации о политических событиях в стране; частота использования Интернета; предпочтения в сфере культуры и особенности досуговой деятельности.

Доли респондентов, внимательно следящих за информацией о политических событиях в стране, в обеих целевых группах равны и составляют 30%. Доля не интересующихся политикой выше в больших городах – 34% против 28% – в остальных городских населенных пунктах, а тех, кто обсуждает информацию о политических событиях с друзьями и родственниками – ниже (33% против 40%). Следовательно, *уровень заинтересованности в информации о политических событиях в стране* ниже в больших городах по сравнению с остальными городскими населенными пунктами.

По *частоте использования Интернета* различий не обнаружено. Около четверти респондентов в каждой целевой группе не пользуются Интернетом вообще, а половина используют его ежедневно.

Для оценки *предпочтений в сфере культуры* в ходе опроса респондентам предлагалось ответить, что нравится, не нравится или к чему они равнодушны в музыке, кино, литературе, телевидении, театре по 21-ой позиции. На рисунке 1 графически представлены те позиции, по которым зафиксированы значимые различия между целевыми группами в ответах «нравится».

Рис. 1. Предпочтения в сфере культуры (доля в % ответивших «нравится» в каждой целевой группе)

Fig. 1. Cultural preferences (share in % of respondents who answer “I like it” in each target group)

В больших городах по сравнению с остальными городскими поселениями респонденты больше предпочтений отдают образцам массовой культуры, чем чтению разнообразной литературы, классической музыке, театру, изобразительному искусству и самообразованию в целом.

Далее обратимся к анализу особенностей досуговой деятельности респондентов из целевых групп. В ходе опроса респонденты имели возможность выбрать все подходящие для них варианты проведения досуга из 19, предложенных в анкет-

те. В таблице 5 отражен «репертуар» досуга горожан, ранжированный по убыванию удельного веса различных способов проведения свободного времени, предложенных в анкете. Для получения представления о том, как проводит досуг большинство респондентов из каждой целевой группы, подсчитан удельный вес каждого из вариантов ответов и для анализа отобраны позиции, удельный вес которых превышает 50%. Результаты процедуры представлены в таблице 5 по убыванию удельного веса в каждой группе.

Таблица 5

Особенности досуга большинства респондентов из целевых групп (удельный вес в % от количества опрошенных в каждой группе)

Table 5

Features of leisure of the majority of respondents from target groups (share in % of the number of respondents in each group)

Целевая группа	Способы проведения свободного времени
Большие города	- занимаются домашним хозяйством, детьми, дачей (70%)
	- встречаются и общаются с друзьями дома или в гостях (61%)
	- просто отдыхают, расслабляются (59%)
	- смотрят телепрограммы, слушают радиопередачи (57%)

<p>Остальные городские населенные пункты</p>	<ul style="list-style-type: none"> - смотрят телепрограммы, слушают радиопередачи (66%) - занимаются домашним хозяйством, детьми, дачей (61%) - встречаются и общаются с друзьями дома или в гостях (57%) - просто отдыхают, расслабляются (52%) - проводят время на природе, гуляют (51%) - слушают музыку, читают книги (50%)
--	---

В обеих целевых группах большинство респондентов ориентированы проводить свободное время дома, однако в больших городах «репертуар» досуга менее разнообразен. В остальных городских населенных пунктах большинство респондентов чаще выбираются на природу, читают книги и слушают музыку, что вполне соотносится с выявленными выше предпочтениями в сфере культуры.

3.3. *Стиль жизни: мотивационно-деятельностная и мировоззренческая составляющие.* Мотивационно-деятельностная составляющая стиля жизни анализируется через такие показатели как социальные связи; социальная активность; институциональное доверие. Уровень *социальной активности* оценивается на основании ответов на вопрос об участии в деятельности общественных организаций, объединений, сообществ. Респонденты из обеих целевых групп демонстрируют низкую социальную активность: в год опроса не участвовали в деятельности ни одной из перечисленных в анкете организаций, объединений, сообществ (10 позиций) 77% респондентов из больших городов и 76% – из остальных городских населенных пунктов.

Социальные связи как неотъемлемая черта стиля жизни и важнейший адаптационный ресурс отражают характер и объем контактов и взаимодействий с социальной средой, определяющих включенность в социальные сети. Имеющиеся у нас данные позволяют проанализировать этот показатель через оценки важности знакомств и связей; необходимости и достаточности единомышленников, разделяющих интере-

сы, принципы и жизненные цели; особенности авторитетов, на чье мнение по важным проблемам опираются респонденты.

Для респондентов из больших городов по сравнению с другой целевой группой важнее (сумма оценок 4 и 5 по пятибалльной шкале) обретение знакомств и связей – 61% против 47%. На основе ответов на вопрос о необходимости единомышленников, разделяющих интересы, принципы и жизненные цели, построим индекс достаточности единомышленников² (таблица 6).

Респонденты из больших городов существенно больше по сравнению с другой целевой группой испытывают недостаток единомышленников, за исключением разделяющих взгляды в сфере культуры.

Около четверти респондентов в обеих целевых группах в важных общественных и политических вопросах не опираются ни на чье мнение, а руководствуются только своим. Анализ специфики авторитетов, мнение которых по важным общественным, политическим проблемам является для респондентов наиболее значимым, сводился к подсчету удельного веса от ответивших по каждой позиции (всего 10) в каждой целевой группе. Результаты по тем позициям, где зафиксированы различия, представлены в таблице 7.

² Индекс достаточности единомышленников вычисляется по формуле: $ИДЕ = a - b$, где a – доля респондентов, ответивших «единомышленники нужны и их достаточно», b – доля респондентов, ответивших «единомышленники нужны, но их мало». ИДЕ измеряется в процентных пунктах и может принимать значения от -100 (абсолютная недостаточность) до +100 (абсолютная достаточность).

Таблица 6

Индекс достаточности единомышленников (в процентных пунктах)

Table 6

Index of sufficiency of like-minded people (in percentage points)

Специфика единомышленников	Значения индекса	
	Большие города	Остальные городские населенные пункты
В вопросах внутренней политики, ситуации в России	2	14
В вопросах внешней политики, ситуации в мире	-3	11
Во взглядах на мораль и нравственность	11	13
В вопросах национальных отношений	3	11
В вопросах религии	8	11
Во взглядах на музыку, литературу, искусство	15	13

Таблица 7

Особенности авторитетов по общественным, политическим проблемам
(удельный вес в % от ответивших в каждой целевой группе)

Table 7

Features of authorities on social and political issues (share in % of respondents in each target group)

Тип авторитетов мнения	Целевая группа	
	Большие города (N=143)	Остальные городские населенные пункты (N=1855)
Родители	35	42
Другие родственники	42	28
Друзья, коллеги	65	55
Лидеры общественных движений, объединений	1	9

В больших городах респонденты в общественных и политических вопросах больше ориентируются на мнение родственников, в остальных городских поселениях – родителей. В больших городах по сравнению с другой целевой группой авторитетом не пользуется мнение лидеров общественных движений и объединений. Абсолютным авторитетом в общественных и политических вопросах у городского населения вне зависимости от типа города проживания выступают друзья и коллеги, причем в больших городах значимо больше, чем в остальных городских населен-

ных пунктах. Однако дополнительный анализ показывает, что удовлетворенность возможностью общаться с друзьями в больших городах существенно ниже: 43% против 52% – в другой целевой группе.

В целом при высокой субъективной важности знакомств и связей респонденты из больших городов испытывают дефицит единомышленников, а также характеризуются низким уровнем удовлетворенности возможностью общаться с ведущим для них авторитетом в важных вопросах – друзьями. В совокупности полученные результаты указывают на недостаточную

развитость социальных связей у жителей больших городов, что, безусловно, может затруднять их адаптацию к условиям неопределенности среды.

Еще одним важным ресурсом адаптации выступает доверие (Козырева, 2011). Результаты исследований свидетельствуют о повышении его роли в процессе адаптации к условиям неопределенности, связанным с «качественными социальными изменениями» среды (Козырева, Смирнов, 2017: 54), в том числе вызванным рискованными факторами (Мозговая, Шлыкова, 2014). Для формирования высокого уровня доверия в обществе «необходим охват чрезвычайно широкого спектра социальных взаимодействий» (Козырева, Смир-

нов, 2017: 54) – от межличностного до институционального.

Для оценки уровня *институционального доверия* респондентам предлагалось ответить доверяют они или нет различным структурам и институтам из предложенного в анкете перечня, включающего 16 позиций. По ряду позиций процент затруднившихся ответить оказался чрезвычайно высоким (свыше 25%), что потребовало пересчета данных не от количества опрошенных, а от количества ответивших в каждой целевой группе по каждой позиции. В анализ включены те структуры и институты, в отношении которых наблюдаются значимые различия в уровне доверия в целевых группах. Результаты процедуры демонстрируются на рисунке 2.

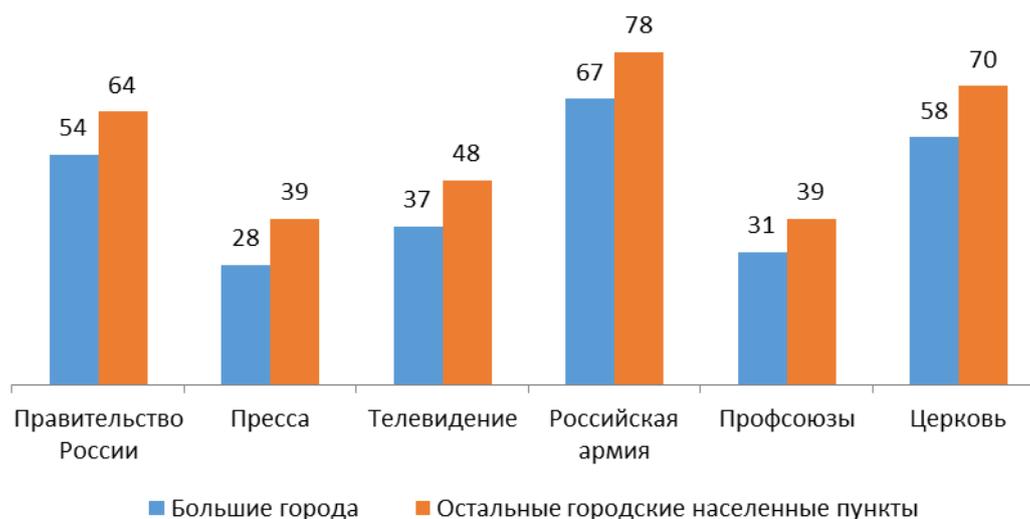

Рис. 2. Уровень институционального доверия (доля ответов «доверяю» от количества ответивших в каждой целевой группе)

Fig. 2. Level of institutional trust (share of "trust" responses from respondents who answered in each target group)

Результаты анализа показывают, что респонденты из больших городов в значительно меньшей степени доверяют государственным структурам, профессиональным объединениям, церкви и прессе, то есть характеризуются низким уровнем институционального доверия по широкому спектру по сравнению с другой целевой группой, что, безусловно, выступает фак-

тором, препятствующим адаптации к неопределенности среды.

Адаптационные практики, являясь тактической составляющей стиля жизни и жизненных стратегий, формируются на основе ценностных ориентаций и жизненных установок.

Особенности ценностных ориентаций и жизненных стратегий целевых

групп. Ценностные ориентации оценивались по пятибалльной шкале. В анализ включены высокие оценки – сумма баллов 4 и 5. На рисунке 3 представлены резуль-

таты анализа по тем позициям, по которым зафиксированы различия между целевыми группами (7 позиций из 18).

Рис. 3. Ценностные ориентации (доля высоких оценок по шкале важности в % от количества опрошенных в каждой целевой группе)

Fig. 3. Value orientations (share of high ratings on the importance scale in % of respondents in each target group)

Респонденты из больших городов больше ориентированы на «простые человеческие ценности» – получать образование, строить карьеру, создавать семью и воспитывать детей, поддерживать здоровье, обзаводиться важными связями и получать признание от окружающих. Для остальных городских поселений важным оказывается большее – жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе.

Для оценки жизненных установок респондентам предлагалось выразить со-

гласие с одним из пары альтернативных суждений. Выявлены различия целевых групп в отношении следующих установок: зависимость от поддержки государства; самореализация, проявление себя; готовность бороться за свои права и интересы; представления о справедливом распределении материальных благ в обществе; свобода в противовес материальному благополучию.

Результаты анализа представлены в таблице 8.

Таблица 8

Жизненные установки (в % от опрошенных в каждой целевой группе)

Table 8

Life attitudes (% of respondents in each target group)

Альтернативные суждения	Целевая группа	
	Большие города	Остальные городские населенные пункты
<i>Зависимость от поддержки государства</i>		
Я смогу сам(-а) обеспечить себя и свою семью, и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	55	44
Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	45	56
<i>Самореализация, проявление себя</i>		
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	64	57
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	36	43
<i>Готовность бороться за свои права и интересы</i>		
Чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	60	53
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	40	47
<i>Представления о справедливом распределении материальных благ в обществе</i>		
Материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно – это справедливо	52	44
Надо проявлять гуманность, те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не преуспел	48	56
<i>Свобода в противовес материальному благополучию</i>		
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	53	63
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	47	37

Заключение (Conclusions). Сравнительный анализ данных общероссийского мониторинга по признаку типа городских поселений выявил наличие существенного отличия городских общностей «больших городов» (с населением от 100 тыс. человек до 250 тыс. человек) по критерию оценки степени напряженности среды: развитие кризиса в стране оценивается ими как возрастание напряженности, рост и углубление негативных последствий,

удовлетворенность жизнью в таких городских общностях низкая.

Исследовательская гипотеза состояла в предположении о наличии ряда специфических черт стиля жизни таких городских общностей, обусловленных статусом численности проживающего населения. По положению, принятому нами за исходное, городская среда с той или иной численностью населения определенным образом организует не только природно-географическое пространство и соответ-

ствующую ему сферу производства, но и пространство повседневности, стиль жизни поселенческой общности. С этих позиций стиль жизни городской поселенческой общности можно рассматривать как комплексный показатель «ресурсности» адаптации к неопределенности среды, в том числе вызванной кризисом на более высоком структурном уровне – общества в целом как системы. Анализ ряда показателей стиля жизни, эмпирическая интерпретация которых оказалась возможной, исходя из инструментария мониторинга, позволил сделать ряд выводов.

При субъективных средних оценках удовлетворенности уровнем и стабильностью материального статуса, отсутствии существенных различий в перечне источников и уровне личного среднемесячного дохода среднемесячный доход семьи респондентами из больших городов оценивается ниже по сравнению с другими типами городов, причем при равной доле иждивенческой нагрузки в больших городах в семье на иждивении преимущественно находятся пенсионеры, в других городах дети. Уровень образования респондентов из больших городов ниже, квалификации равноценны, а вот удовлетворенность возможностями самореализации в профессии ниже, чем в других типах городов.

При одинаково невысоком уровне социальной и гражданской активности респонденты из больших городов отличаются низким уровнем институционального и гражданского доверия, заинтересованности политическими событиями, в их ценностных ориентациях декларируется самодостаточность, независимость от помощи государства. Авторитетным мнением для них выступают взгляды ближайшего окружения и при этом они испытывают недостаток в общении с друзьями и явный дефицит единомышленников. Досуг преимущественно проводят в домашней обстановке, предпочтения принадлежат сфере массовой культуры.

В структуре жизненных приоритетов преобладают «земные» ценности, идеалы

справедливости и свободы находятся на периферии. Декларируемые инициативность и готовность отстаивать свои интересы никак не коррелируют с социальной и гражданской активностью, с активностью в сфере культурного самообразования. Направить инициативность на реализацию интересов в продвижении в профессии, видимо, не представляется возможным, отсюда неудовлетворенность.

В целом данные позволяют охарактеризовать адаптационную «ресурсность» стиля жизни респондентов из больших городов как двойственную. С одной стороны, определенный консерватизм, «застойность» способствует психологической адаптации к кризисному периоду, с другой стороны, вхождение неопределенности в нашу повседневность требует, во-первых, рефлексии и признания этого факта изменившейся социальной реальности, во-вторых, активного наращивания адаптационного потенциала. Корректировка стиля жизни выступает механизмом этого сложного адаптационного процесса через повышение субъектности, рефлексивности, деятельностно-мотивационной составляющей стиля жизни.

Список литературы

Гриценко Г.Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // *Universum: Общественные науки.* 2014. № 6 (7). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (дата обращения: 28.01.2019).

Демографическая энциклопедия / Редкол.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., Денисенко М.Б. и др. М.: ООО Издательство «Энциклопедия», 2017.

Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Масштабы распространения и размеры оплаты медицинских услуг // *Социологическая наука и со-*

циальная практика. 2018. № 3. С. 26-42. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6001>.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Население и бизнес: дефицит доверия, его причины и последствия // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 53-69. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.06>.

Мозговая А.В. Социология и управление риском // Социологические координаты риска / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2008. С. 7-18.

Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 25-49.

Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления: монография / Ю.А. Зубок (отв. ред.), В.И. Чупров, И.С. Шаповалова и др. Белгород: ООО «Эпицентр», 2016.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Издательство Весь Мир, 2015.

Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998.

Шлыкова Е.В. Профиль адаптационного социального самочувствия населения в условиях навязываемого риска // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2017. С. 114-126.

References

Gritsenko, G. D. (2014), "Social wellbeing and social adaptation: the correlation of the notions", *Universum: Obshchestvennye nauki*, 6 (7), available at: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (Accessed 28 January 2019). (In Russian).

The demographic encyclopedia, (2017), in Tkachenko, A. A., Anoshkin, A. V. and Denisenko, M. B. (ed.), Entsiklopediya, Moscow, Russia. (In Russian).

Kozyreva, P. M. (2011), *Trust and its resources in modern Russia*, Institut sotsiologii RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Kozyreva, P. M. (2004), *The processes of adaptation and evolution of social well-being of Russians at the turn of XX-XXI centuries*, Centr obshchechelovecheskih tsennostey, Moscow, Russia. (In Russian).

Kozyreva, P. M. and Smirnov, A. I. (2018), "Scale of Distribution and Amount of Remuneration for Medical Services", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, (3), 26-42. (In Russian).

Kozyreva, P. M. and Smirnov, A. I. (2017), "Business and the Population: A Lack of Trust – Reasons and Consequences", *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 53-69. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. (2008), "Sociology and risk management", in Mozgovaya, A. V. (ed.) *Sociological coordinates of risk*, Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN, Moscow, Russia, 7-18. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. and Shlykova, E. V. (2014), "Social resources and adaptation to risk: the choice of strategy (by the example of the social community in the situation of particular risk)", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, (4), 25-49. (In Russian).

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Shapovalova, I. S. (2016), *Risks of transforming habitat: the problem of research and management: a monograph*, in Zubok, Yu. A. (ed.), Epicentr, Belgorod, Russia. (In Russian).

Russian Society and Challenges of The Time. Book Two (2015), in Gorshkov, M. K. and Petuhov, V. V. (ed.), Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Tatarova, G. G. (1998), *Methodology of data analysis in sociology*, Strategiya, Moscow, Russia. (In Russian).

Shlykova, E. V. (2017), "Profile of adaptive social well-being of the population in the conditions imposed on risk", *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, 1, 114-126. (In Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Мозговая Алла Викторовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального

научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Шлыкова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Alla V. Mozgovaya, PhD in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Elena V. Shlykova, PhD in Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

УДК 316.334

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-6

Vesna S. Trifunović

Some tendencies in teachers' preparation for work with children of atypical development in the Republic of Serbia

Faculty of Pedagogical Sciences, University of Kragujevac
14, M. Mijalković, Jagodina, 35000, Republic of Serbia
dimitrije95@ptt.rs

*Received on January 31, 2019; Accepted on March 12, 2019;
Published March 30, 2019*

Abstract. The subject of this study is the research of teachers' attitudes towards their own preparedness for work with children of atypical development (AD) in elementary schools in Serbia. The aim of the research is to determine the teachers' attitudes towards (a) their basic preparation for work with children of AD, (b) whether their participation in the programs of the Institute for the Advancement of Education and Pedagogical Work contributes to their competence for work with children of AD, (c) whether they have support of school professional team in work with children of AD, (d) improvement of work organization which would contribute to the quality of the performance of individual educational program. The descriptive analytical method and the technique of survey were implemented in the research. The survey questionnaire was used as the instrument which, among other attitudes, specifically investigated attitudes of teachers in lower and upper grades of elementary school on their own preparedness for work with children of AD. One hundred and fifteen teachers participated in the survey in elementary schools in Serbia, who perform teaching according to individual educational programs suitable to capabilities of children of AD. The starting point of the research was a conception that teachers in elementary schools in Serbia are not adequately prepared for a quality planning and realization of individual educational program for work with children of AD. The research findings have shown that the attitudes of teachers in lower and upper grades of elementary school 1) do not differ in the assessment of basic preparation and competence for work with children of AD; 2) secondly, they do not differ in the assessment on cooperation with school professional team in work with children of AD; 3) finally, elementary school teachers see the reduction of total number of children in a class as the key indicator in measuring the quality improvement of individual educational program realization.

Keywords: education atypical development; lower and upper elementary teachers; integration; elementary schools in Serbia.

Acknowledgements. Prepared as a part of the project 47015 supported by the Ministry of Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

Information for citation: Trifunović, V. S. (2019), "Some tendencies in teachers' preparation for work with children of atypical development in the republic of Serbia", *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 70-81, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-6

Трифуневич В.С.

Некоторые тенденции подготовленности учителей к работе с детьми атипичного развития в республике Сербия

Факультет педагогических наук, Университет г. Крагуевац
М. Мијалковича, д. 14, г. Ягодина, 35000, Республика Сербия
dimitrije95@ptt.rs

*Статья поступила 31 января 2018 г.; Принята 12 марта 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. Предметом данной работы является изучение отношения учителей к собственной подготовленности к работе с детьми атипичного развития (АР) в общеобразовательных школах Сербии. Целью исследования является следующее: (а) определение отношения учителей к их базовой подготовленности к работе с детьми АР, (b) узнать, способствует ли участие в программах Института развития образования и воспитания (ЗУОВ) компетентности учителей в работе с детьми АР, (с) имеют ли они поддержку школьной экспертной команды по работе с детьми АР, (d) составить представление об улучшении организации работы, которая способствовала бы качеству реализации индивидуальной образовательной программы. В исследовании использовался дескриптивно-аналитический метод и методика опроса. Был использован инструмент – вопросник (анкета), в котором, помимо других пунктов, особое внимание уделено изучению отношения учителей младших и старших классов общеобразовательных школ к их собственной подготовленности к работе с детьми АР. Всего было опрошено 115 учителей младших и старших классов общеобразовательных школ Сербии, которые ведут преподавание в соответствии с индивидуальными образовательными программами (ИОП), отвечающими возможностям детей с АР. Исследование началось с основного предположения о том, что преподаватели общеобразовательных школ Сербии недостаточно компетентны в качественной подготовке и реализации индивидуальной образовательной программы для работы с детьми АР. Результаты исследования показали, что отношение учителей младших и старших классов общеобразовательных школ 1) не отличается в оценке базовой подготовленности и компетентности для работы с детьми АР; 2) они не различаются в оценке сотрудничества со школьной экспертной командой по работе с детьми АР; 3) наконец, основную меру повышения качества реализации индивидуальной образовательной программы преподаватели общеобразовательных школ видят в сокращении общего количества учеников в классе.

Ключевые слова: образование; атипичное развитие; учителя и преподаватели; интеграция; общеобразовательные школы Сербии.

Информация для цитирования: Трифуневич В.С. Некоторые тенденции подготовленности учителей к работе с детьми атипичного развития в республике Сербия // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 1. С. 70-81, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-6

Introduction. Current social standards can provide favourable and unfavourable circumstances for development both of an individual and members of different social groups, i.e. they can offer the framework that will give them an opportunity to meet a certain number of needs or they can be obstacles for them. Normative context formed by numerous indicators (social, economical, political, cultural, religious etc.) affects the forming and character of social interactions and communication among different participants. The particularly sensitive “issue” is the relation of society towards individuals of the so called atypical development who are a part of the so called vulnerable groups.

The status of individuals with specific needs resulting from their atypical development is arranged by numerous legal and sub-legal acts. The Constitution of the Republic of Serbia (Official Gazette RS, 2006) prohibits discrimination on any basis (race, sex, nationality, social background, birth, religion, political or other belief, financial condition, culture, language, age, mental or physical invalidity). The legal acts in Serbia equal individuals and groups with specific development to all other individuals (and groups) and a relation of *positive discrimination* (Semprini, 1999) is often developed towards them.

According to international acts, the United Nations Convention on the Rights of the Child (1989) and the act “A World Fit for Children” a document adopted on the special session of General Assembly of the United Nations (2002) there has been agreed a legal regulative concerning education of children of atypical development in Serbia. Council for Children’s Rights of the Government of the Republic of Serbia created a strategic document “National Action Plan for Children” (2004). It contains basic problems in realizing protection and improving rights of the children with difficulties in development and accepting the educational model of “Schools Fit for Children”, which led the education into a new cycle of reform. The intention, according to proponents of the reform in progress, was to create accommodating environment in

which every child can be educated no matter of the nature of developmental disorder (Avramidis et al., 2000) and it represents a way of struggle against prejudices about children of atypical development (Polat, 2011). By adopting the Law on Basic Education System (2009) in Serbia, a new framework is being created for education of children of atypical development, children with disorders of cognitive, intellectual, perceptive and attentive functions, with disorders of physical nature (invalidity), with damage of sensor functions (eyesight damage, hearing damage and balance damage) and with disorders in behaviour. The new model of education has created a need for reforming study programs of educational and pedagogical faculties (Petrović, 2017).

The results of the research of implementing individual educational program so far show that there are positive, negative and neutral attitudes of teachers. Teachers with positive attitudes are: those who worked with one child of AD in class; who worked with a class with not more than 20 children and who had constant support and organized help of special pedagogues and teachers (Avramidis, Norwich, 2002; Booth, 2000). However, the conducted research shows that teachers more often have negative and neutral attitudes towards implementing inclusive education without previously introduced thorough preparations (Gaad, 2001). The crucial reason for such attitudes is nature of the disorder which a child has in his development: including children of atypical development into the system of regular schooling should be selective, children with greater intellectual limitations or disorders in behaviour should be educated in special classes, but they should participate in some common activities together with the children from regular classes (Đević, 2009a).

When describing unsatisfactory development, the most frequently used terms are delayed and atypical development. A child with delayed development is late comparing to children of his age – his development is slower than expected. “Atypical development is every noted delay in development, and a

deviation from developmental norms comparing to peers of typical development” (Tadić, 2006: 135). Children of atypical development need additional support or special care in the field of health care, rehabilitation, education, social welfare or other forms of support (Matijević, Sokal Jovanović, Rudić, 2010).

In Serbian educational area children of typical and atypical development share the same classroom, they are taught by the same pre – school, lower and upper teachers. Only the educational programs are different: there are unique educational – pedagogical programs for children of the so called typical development on different levels of education and there are individual educational programs (IEP) for children of atypical development. Such an institutional solution is the result of new educational policies based on the process of homogenization of education. According to proponents of this idea, including children of atypical development into regular pedagogical – educational groups in schools is aimed to support performing all available potentials and accepting these children as equal members of society (Stanković-Đorđević, Stanković, 2003). However, the new strategy of education was not successful in repressing the ambivalent attitudes of teachers towards including children of atypical development into the so called regular schools (primary, secondary) and forming the general attitude that in special conditions (schools) they can achieve better results (Jovanović-Popadić, 2016). There are also different data, according to S. Borić and R. Tomić (2012), the majority of the interviewed teachers consider that children of atypical development should be included into primary schools; future and present boarding teachers have a positive relation towards children of atypical development and their inclusion into primary schools (Milanović, 2018).

The conducted research suggests that negative attitudes towards persons of atypical development can be recognized in individuals who are insufficiently informed on the specific nature of their development, or they did not have experience in work with them, and were

not adequately trained for work with this part of the population. Well prepared educational programs, better equipped schools and an adequate teachers' training significantly contribute to moving their attitudes towards children of atypical development in a positive direction (Đević, 2009b).

Methodology and methods. The legal introducing of the model of education of children with developmental disorders in regular schools in Serbia (2009), were preceded by research projects. Among the first projects was the research of the Ministry of Education of the Republic of Serbia and the UNICEF on inclusive education which was realized in 2003 on the territory of Serbia. The results of the research have shown that the number of teachers who expressed their readiness to accept children with developmental difficulties was not sufficient for introducing the inclusive program. It was confirmed that there was a difference in attitudes of teachers who worked with children from 1st – 4th grades and teachers who perform teaching from 5th – 8th grades, i.e. the attitudes of the first mentioned were more positive. A year later (2004) followed the pilot project “Inclusion of students with developmental difficulties in regular primary schools – schools fit for children” implemented by Save the Children fund and the Institute for Psychology of the Faculty of Philosophy in Belgrade. The aim of the project was testing the individual educational programs created for each child included into the project and implemented in two primary schools in Serbia. The results of the implemented project showed that the easier acquiring of the teaching content was possible, and consequently the expected cognitive achievement. The Centre for Evaluation, Testing and Research conducted a research project on “Support and barriers for inclusive education in Serbia”. The results showed that teachers consider that they are insufficiently prepared to work with children of atypical development; they doubt the possibility of realization of teaching programs, having in mind their volume; they do not believe that they can take the same attention to all children and that they are

not sure about whether they would rely on a continual professional support.

Defining the problem. In implementation of the acquired international and national regulative on children's rights on indiscriminate in education, teachers have the key role. Therefore, implementing a social integration of children with developmental disorders includes very high expectations for them. Their already requiring role which in the pedagogical – educational plan assumes applying the best teaching methods and creating an ambient of creative expressing and development of students' potential, in circumstances of working with children of atypical development, makes the role even more complex. Teachers are expected to have: expert competence in creating personal program adjusted to needs and capabilities of a child of atypical development with the aim to obtain the expected cognitive development; strong motivation directed towards acquiring the corresponding system of social values significant for liberation from prejudices and development of social adjustment; a high level of closeness and support aiming to gain emotional security and positive interaction (Pianta, 1999; Patrick, Ryan, Kaplan, 2007).

Due to such a significant role which teachers have in education and total development of children, it is important to research their attitudes towards their own preparedness for work with children of atypical development. Summing up the results of the researches so far shows that the process of including children of AD has been followed by insufficient preparedness of schools, poor professional training of teachers, a great number of students in a class, a negative social – cultural context with a certain stigmatization of children with developmental disorders, lack of expert support, special education teachers,

special teachers, pedagogical assistants, and also by insufficiently adjusted spatial and technical – didactical conditions for performing individual teaching. The aim of the research is to determine the attitudes of teachers towards their own preparedness for work with children with AD, their assessment whether they get an expert support in work with them and an assessment what should be changed in school organizing in order to contribute to the quality of work with children of atypical development.

Research methodology. General Background. Practice of integrated education cannot be studied only as a function of cognitive – social capacities of individual, it is also, like any other educational practice, connected with social – cultural particularities of the environment in which it is realized. Of a great importance is social knowledge related to acquaintance with social norms and social behaviour of groups to which one belongs, whilst social understanding relates to the capability of recognizing relationships and connection among elements in a social situation, and assumes predicting other person's reaction and an exact perception of other person's emotional state, as well as a capability of reacting in a socially acceptable way, and at the same time keeping spontaneity and authenticity (Katz, McClellan, 1997). It is assumed that teachers have acquired the needed social knowledge during the basic preparation for their profession and that they possess the capability of social understanding, and thus they represent a valuable source for research of integrated educational practice. In this context, there was a research on attitudes of teachers in primary schools as direct participants in integrated education referring to their preparedness and limitations. The list of four research field (F1 – F4) is presented in Table 1.

Table 1

Fields in which the attitudes of lower and upper grade teachers were assessed

Item	Field
F1	Basic preparation for work with children of atypical development
F2	Competence for work with children of atypical development
F3	Expert support to lower and upper grade teachers' work
F4	Organizational solutions

The attitudes of the interviewed primary school teachers towards preparedness and work with children of atypical development obtained in this research are similar to the attitudes of the teachers presented in the pilot project "Inclusiveness of students with developmental difficulties in regular primary schools – schools fit for children" conducted by the fund Save the Children and the Institute for Psychology of the Faculty of Philosophy in Belgrade (2004), in the part which shows that teachers consider that their preparation for applying individual education programs in work with children of AD is important; they are also similar to the research "Support and barriers for inclusive education in Serbia" (2006) in part showing that teachers consider that they are insufficiently prepared for work with children of atypical development.

Instruments and Procedure. The questionnaire "Teachers' attitudes towards education of children of atypical development in primary schools in Serbia" was used as an instrument for collecting the data. The questionnaire is aimed for self evaluation of primary school teachers who work with children of atypical development according to individual educational program. The questionnaire consists of three parts: the first part embraces the items referring to social matrix of the participants themselves; the second part embraces the items referring to basic preparations of teachers with children of AD (research fields presented in Table 1); the third part embraces the items referring to the total achievements of children of AD (cognitive and social) and the facts which followed the relationship between children of typical and atypical development. The participants were given a task to assess the adequacy of the existing strategy of work with children of atypical development in primary schools inside each of the observed research fields (items F1 – F4).

Primary education in the Republic of Serbia, following the preparation program for entering children primary school conducted in pre – school institutions is organized in two levels:

1) From 1st to 4th grade (lower grades of primary school), children of this age are taught by teachers who acquired their basic knowledge in faculties of education (or in the course of study Teacher);

2) From 5th to 8th grade (upper grades of primary school), children of this age are taught by teachers who acquired their basic knowledge in faculties for subject teachers (study courses which prepare teachers for performing teaching in one scientific discipline).

Study programs in these faculties are different i.e. initial education of these two groups of teachers is different. Therefore, the Institute for Providing Quality of Education organizes activities (seminars, trainings) in order to develop teachers' competencies so that the teachers would successfully meet the new challenges of their profession. A great number of seminars performed by teams of experts specialized in specific educational area are devoted to work of teachers with children of AD according to the Individual Educational Program. It is assumed that due to the differences in their basic education, teachers who work with lower grades of primary school are more prepared for work with children of atypical development than the teachers who work with upper grades, and their assessments in framework of each research field are different. A representative research sample was formed in cooperation with local school authorities.

Research Sample. Based on the cooperation with the local school authorities of Pomoravlje district, the research sample was consisted of 115 primary school teachers who work with children of atypical development in their classes. The description of the research sample is presented in Table 2.

Table 2

Research sample description

Gender	- 22 males, 93 females
Teachers who work with children from 1 st to 4 th grade	- 40 participants
Teachers who work with children from 5 th to 8 th grade	- 75 participants
Number of schools	- 10 primary schools

The number of males and females presented in the research samples reflects the present feminization of teachers' profession in Serbia, as well as a greater number of the employed in upper grades of primary school.

Data Analysis. The obtained research data were processed by descriptive statistics. The difference between the groups of participants was specifically monitored according to the characteristics – work with students of primary school depending on their age (work with children of atypical development from

1st to 4th grade and work with children of atypical development from 5th to 8th grade). Occurrence of the statistically significant differences was observed on the statistical significance level $p < .05$ which is a standard level of significance.

Research Results and Discussion.

When asked whether they have acquired knowledge and skills needed for work with children of atypical development during their academic education, teachers gave the answers presented in Table 3.

Table 3

Knowledge and skills for work with children of AD

		In the process of academic education knowledge and skills for work with children of atypical development are acquired			Total
		I agree totally	I agree partially, only initial knowledge and skills that need addition are acquired	I do not agree, neither theoretical knowledge nor skills needed for work with children of AD are developed	
1-4 Grade	Frequency	2	21	16	39
	%	5.1	53.8	41.0	100.0
5-8 Grade	Frequency	4	32	38	74
	%	5.4	43.2	51.4	100.0
Total	Frequency	6	53	54	113
	%	5.3	46.9	47.8	100.0

The obtained data show that few participants consider that their academic education offered them enough knowledge and skills for work with children of atypical development. Only 5,3% participants completely agree with this statement. The rest of the participants, almost the same percent divided into two groups: one claims that they have acquired *only initial knowledge and skills which need additional work for children of AD* (46, 9%); the other claims that their academic education

have offered neither enough theoretical knowledge nor it has developed skills needed for work with children of AD (47,8%).

The calculated Chi – Square (Chi-Square Tests) contains values of the Chi – Square test (χ^2), degree of freedom (df) and a level of significance (p) which in this case test the statistical significance of the differences. In this case, the value of Chi – Square Test is $\chi^2=1.186$, with $df=2$, and $p= .553$. Specifically, *in the assessment whether they have ac-*

quired enough knowledge and skills for work with children with atypical development during their academic education, the level of significance show that there is no statistically significant difference among teachers referring to whether they perform teaching in lower or upper grades of primary school. In other words, the zero hypothesis was confirmed since it always implies, as the assumption, that the difference is always equal to zero (i.e. there is no difference). If the difference is to be statistically significant this value of signif-

icance level has to be lower than 0.05 ($p < 0.05$).

Teachers are obliged to continually develop their own competencies through the program of seminars organized by the Institute for the Improvement of Education. When asked whether they consider that this program gives them enough training and preparation for work with children of atypical development, i.e. whether they have acquired and developed the corresponding competencies, teachers answered in the way presented in Table 4.

Table 4

Competence for work with children of AD

		I consider myself competent for work with children of atypical development				Total
		I agree completely	I agree partially	I do not agree	I cannot assess	
From 1 st to 4 th grade	Count	4	22	6	8	40
	%	10.0	55.0	15.0	20.0	100.0
From 5 th to 8 th grade	Count	4	41	13	15	73
	%	5.5	56.2	17.8	20.5	100.0
Total	Count	8	63	19	23	113
	%	7.1	55.8	16.8	20.4	100.0

The obtained data show that only 7,1% of the participants consider themselves competent for work with children of AD; the greatest percent of teachers (55,8) partially agrees with this statement; a group of 16,8% of teachers do not agree with the statement that they are competent, while 20,4% of teachers cannot assess their own competence for work with children of AD.

The calculated Chi – Square (Chi-Square Tests) show that the value of Chi – Square Test $\chi^2 = .877$, with $df = 3$, and $p = .831$ and that in this case the zero hypothesis is confirmed. In assessment *whether they have acquired the needed competencies for work with children of AD through programs of the Institute for the Improvement of Education*, the level of significance shows that there is no statistically significant difference in partici-

pants' attitudes depending on whether they perform teaching in lower or upper grades of primary school.

The results presented in Tables 3 and 4 correlate with the research results (2016) which showed that the greatest number of participants considers that: 1) in the institutional education through which they have passed through they have not developed competencies for work with children of atypical development and that 2) the system of professional development under authority of *the Institute for the Improvement of Education* and which implies attending seminars, tribunes, professional meetings or participating in various projects, does not offer enough knowledge and it does not develop competencies for work with children of atypical development in a sufficient quantity (Jovanović-Popadić,

2016). The lack of needed competencies of teachers for work with children of atypical development was also noticed in the research of V. Radomirović (Radomirović, 2013).

Preparation and realization of individual educational program is a very complex task given to teachers, and it bears a great responsibility for the whole development of children of atypical development. Teacher's assessment on the level of developmental difficulties and children's abilities directs creating an individual program which can encourage cognitive, social and emotional development of a child. It can also limit it by low requirements, or it can compromise it by its high requirements. Therefore, the cooperation between teachers and the school expert team consisting of a speech therapist, a special education teacher, a pedagogue, a psychologist, a pedagogical assistant with their continual support to a teacher is of a great importance.

In realization of an individual approach to education of children of atypical development teachers have the most difficult role. They are expected to, on one hand, identify the best affinities of children; create social

ambient which will stimulate their cognitive and emotional development; cherish an interactive relationships in order to strengthen tolerance, empathy and care for others (Maldo-nado-Carreño, Votruba-Drzal, 2011). On the other hand, teachers are also expected to work with children of atypical development: recognizing and supporting development of the existing potentials; creating individual educational programs; cooperating with parents and expert associates; creating conditions for social interaction of children of AD in which they will be accepted. Due to complexity of the task they were given, teachers express worry and doubt about their quality fulfilling educational standards expected for work with children of typical development and implementation of individual programs specially prepared for every child of atypical development (Stainback, Stainback, 1989).

Table 5 shows the answers of the participants to the question whether they have support of their school expert team in preparation and realization of the individual educational program.

Table 5

Teachers and expert support

		In preparation and realization of individual educational program I have support of school expert team			Total
		Continual support of a special educational teacher, a speech therapist, a pedagogue, a psychologist, a teacher's assistants	Support of a special educational teacher, a speech therapist, a pedagogue, a psychologist, a teacher's assistants from time to time	I have no support	
From 1 st to 4 th grade	Count	9	23	8	40
	%	22.5	57.5	20.0	100.0
From 5 th to 8 th grade	Count	22	35	17	74
	%	29.7	47.3	23.0	100.0
Total	Count	31	58	25	114
	%	27.2	50.9	21.9	100.0

The obtained answers show that 27,2% of the participants underline that they have a continual support of expert team in preparation and realization of individual educational program (IEP); the largest number of the participants (50,9%) claims that they have their support from time to time, while 21,9% of the participants claims that they have no support by school expert team.

The calculated Chi – Square (Chi-Square Tests) indicates that the value of Chi – Square Test $\chi^2 = 1.135$, with $df=2$, and $p= .567$ and in this case the zero hypothesis has been confirmed. In the assessment on whether they have support by school expert team in preparation and realization of IEP the level of significance indicates that there is no statistically significant difference in the participants' atti-

tudes depending on whether they perform teaching in lower or upper grade of primary school. Other researches also emphasize: 1) sensitiveness of preparations of individual programs and 2) importance of expert support to teachers in work with children of AD. Fulfillment of new tasks of lower and upper teachers needs a professional responsibility and commitment, as well as an institutional and an expert support (Rubie-Davies, 2007; Vujačić, 2011).

By choosing the changes in work organizing in primary school which would contribute to the quality of realization of IEP, the participants created an attitude that a reduced number of children in classes up to 20 would contribute to that quality in a significant extent (Table 6).

Table 6

Smaller number of children and the quality of IEP

		Work with smaller number of children in class (up to 20) would contribute to the quality of realization of IEP			Total
		I agree completely	I agree partially	I do not agree	
From 1 st to 4 th grade	Count	28	11	1	40
	%	70.0	27.5	2.5	100.0
From 5 th to 8 th grade	Count	58	14	2	74
	%	78.4	18.9	2.7	100.0
Total	Count	86	25	3	114
	%	75.4	21.9	2.6	100.0

The largest number of teachers consider that the work with a smaller number of children, up to 20 in a class, would contribute to the quality of realization of IEP; 21, 9% of teachers *partially* agrees with the mentioned statement, while only 2, 6% of teachers *do not agree* with the statement that reduction of number of children in class contributes to the quality of realization of IEP.

The calculated Chi – Square (Chi-Square Tests) indicates that the value of Chi – Square Test $\chi^2 = 1.118$, with $df=2$, and $p= .572$ and in this case the zero hypothesis has been confirmed. In the assessment *whether the reduction of the number of children in classes*

contribute to the quality of realization of IEP, the level of significance indicates that there is no statistically difference among the attitudes of the participants, considering the fact whether they perform teaching in lower or upper grades of primary school.

The results shown in Table 6 are similar to the research findings conducted in 2011, in which, among other problems in educational work with children of AD in primary school, there was emphasized the problem of organizational nature – *a large number of children in a group* (Klemenović, Marić-Jurišin, 2011).

Conclusions. On the basis of the previous ten-year experience in the implementation of the model of integrated and inclusive education in Serbia, which is summarized through its preparation, beginning and current phase of implementation, the differences in the working conditions of teachers were determined, and thus also of their opinions. In the tests that were carried out in the period prior to the introduction of this mode of education (2003-2009), teachers expressed great doubts about the possibility of adequate and quality implementation of educational standards, primarily due to lack of experience and feeling of personal doubt. In the second period (2009), from the beginning of the legal implantation of individual educational programs in regular schools, the results of the research show the growth of positive attitudes of teachers that can be related to the intensification of their professional development, which has given good experiential effects, and thus enhanced the sense of personal and professional security. However, the barriers identified by teachers at the very beginning, i.e. teaching in classes of more than 25 children and lack of professional assistance to teachers are weaknesses that are not in the domain of their personal engagement, but rather are issues that are decided at the national level. Hence, most teachers prefer a model of education in special classes of regular schools rather than in common classes.

Teachers of both groups do not differ from each other in assessing their own readiness to work with children of atypical development: the vast majority of teachers think that they have "certain skills" but do not feel sufficiently prepared to work with AD children, which reveals the multidimensionality

References

Avramidis, E., Bayliss, P. and Burden, R. (2000), "A survey of mainstream teachers' attitudes toward the inclusion of children with special educational needs in the ordinary school in one local education authority", *Educational Psychology*, 20, 191-195.

Avramidis, E. and Norwich, B. (2002), "Teachers' attitudes toward integration-inclusion,

and complexity of working with school children of atypical development in Serbia. The result, in fact, raises a new question as to whether the existing legal solutions have been made with the intention of affirming this minority groups, i.e. integrate the children with atypical development into regular schools, and provide them with better quality education?

The conducted research has shown that the attitudes of teachers in lower grades of primary school (1st to 4th grade) and teachers in upper grades of primary school (5th to 8th grade) differ neither in assessment of their own preparedness for work with children of atypical development, nor in assessment of cooperation with expert teams in primary schools (a speech therapist, a special education teacher, a pedagogue, a psychologist); their attitudes do not differ in assessment of positive effect of reduction of number of children in classes up to 20 – a work organizing with smaller number of children offers a teacher an opportunity to realize the requirements of integrated teaching more completely. The final conclusion is that *the basic preparation* of teachers cannot explain their presented attitudes – they are shaped by some other determinants. The question what determinants they are can be answered by future researches. However, the presented basic findings, since they present the attitudes of the representative groups of participants, can help the creators of educational policies in the Republic of Serbia to review this issue more thoroughly and offer innovated solutions which would be most favourable for all children at the age for compulsory primary education.

a review of the literature", *European Journal of Special Needs Education*, 17 (2), 129-147.

Booth, T. (2000), "Progress in inclusive education", in *Meeting Special and Diverse Educational Needs: Making Inclusive Education a Reality*, Helsinki.

Borić, S. and Tomić, R. (2012), "Teacher attitudes of primary school toward the inclusion", *Metodichki obzori*, 7, 75-86.

Constitution of the Republic of Serbia (2006), Sluzhbeni glasnik RS, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Gaad, E. N. (2001), "Educating children with Down's syndrome in the United Arab Emirates", *British Journal of Special Education*, 28 (4), 196-203.

National Action Plan for Children (2004), Children's Rights Council of the Government of the Republic of Serbia, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Đević, R. (2009), "Preparedness of primary school teachers to accept students with developmental disabilities", *Proceedings of Institute for Educational Research*, 41, 370-380.

Katz, G. L. and McClellan, E. D. (1997), *Fostering Children's Social Competence: The Teacher's Role*, National Association for the Education of Young Children's, Washington, DC, USA.

Klemenović, J. and Jurišin, M.S. (2011), "Teacher's attitudes on inclusion of children with disabilities in the regular kindergarten", in Đukić, M. (ed.), *Inkluzivno obrazovanje: od pedagogshke koncepcije do prakse*, Filozofski fakultet, Odsek za pedagogiju, Novi Sad, Serbia, 49-64. (in Serbian).

Law on Basic Education System (2009), Sluzhbeni glasnik RS, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Maldonado-Carreño, C. and Votruba-Drzal, E. (2011), "Teacher-child relationships and the development of academic and behavioral skills during elementary school: A within-and-between-child analysis", *Child Development*, 82 (2), 601-616.

Matijević, D., Sokal Jovanović, Lj. and Rudić, N. (2010), *Children's place is in the family*, Gradski zavod za javno zdravlje, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Milanović, N. (2018), "The relationships of home educators towards people with disabilities in the process of inclusive education", *Metodichka teorija i praksa*, 1, 63-74. (in Serbian).

Patrick, H., Ryan, A. M. and Kaplan, A. (2007), "Early adolescents' perceptions of the classroom social environment, motivational beliefs, and engagement", *Journal of Educational Psychology*, 99 (1). (in Serbian).

Petrović, R. (2017), *Contributions to the philosophy of education*, Fakultet pedagogshkih nauka, Jagodina, Serbia. (in Serbian).

Pianta, R. C. (1999), *Enhancing relationships between children and teachers*, American Psychological Association, Washington, DC, USA.

Polat, F. (2011), "Inclusion in education: A step towards social justice", *International Journal of Educational Development*, 31 (1), 51-58.

Popadić-Jovanović, A. (2016), "Inclusive education: theory and practice", *Sinteze*, 10, 35-46.

Radomirović, V. (2013), "Psychological education of teachers for work with students with mildly disturbed development", *Zbornik radova Uchiteljskog fakulteta u Uznicu*, Uznicu, 15, 343-355.

Rubie-Davies, C. M. (2007), "Classroom interactions: Exploring the practices of high- and low-expectation teachers", *British Journal of Educational Psychology*, 77, 290-306.

Semprini, A. (1999), *Counterculture*, Clio, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Stainback, W. and Stainback, S. (1989), *Support Networks for Inclusive Schooling*, Brookes Publishing, Baltimore, USA.

Stanković-Đorđević, M. and Stanković, D. (2003), *All together*, Visha shkola za obrazovanje vaspitacha, Pirot.

Tadić, N. (2006), *Psychiatry of childhood and youth*, Nauchnaya kniga, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

United Nations Convention on the Rights of the Child (1989), UNICEF, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

A world fit for children (2002), Child Rights Center, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

Vujačić, M. (2011), "Teachers' roles in inclusive education", *Pedagogy*, 66 (3), 386-393.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Vesna S. Trifunovic, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Faculty of Pedagogical Sciences, University of Kragujevac.

Трифунувич Весна Светислава, доктор социологических наук, доцент факультета педагогических наук Университета г. Крагуевац.

УДК 316.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-7

Яницкий О.Н.

Методология анализа динамики социальных систем

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, 117218, Москва, Россия
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0409-5065>

*Статья поступила 2 февраля 2019 г.; Принята 1 марта 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. Современная глобализация – это системный и динамичный, но противоречивый процесс, отмеченный ростом геополитических конфликтов и глобальных рисков. Опираясь на исследования российских и зарубежных теоретиков и опыт собственного участия в ряде международных проектов, автор пришел к следующим выводам. *Первое*, глобализация – всеохватывающий и всепроникающий процесс, формирующий комплексную глобальную социобиотехническую систему (далее, СБТ-система). *Второе*, системная динамика исходит из существования сложных систем и цементируется информационными сетями и метаболическими процессами. *Третье*, информационные процессы порождают феномен инверсии пространства, формируя единое киберпространство. *Четвертое*, «рецидивизирующая модернизация» не есть динамический процесс. *Пятое*, мир переходит от Третьей научно-технической революции к Четвертой (далее НТР-4), но переходит неравномерно. *Шестое*, в этих условиях мир становится неопределенным, мало предсказуемым и более конфликтным. *Седьмое*, разнонаправленные потоки ресурсов, материалов, людей и информации усиливают эту неопределенность. *Восьмое*, существующие социальные институты не поспевают за происходящими переменами, хаотичность глобальной динамики нарастает. *Девятое*, поэтому социальные институты также становятся мобильными и потому существующие их формы вытесняются временными (соглашениями и др.). *Десятое*, индивиды и их сообщества также становятся мобильными, семейные и соседские связи ослабевают. *Одиннадцатое*, в условиях НТР-4 индивид живет в двух пространствах, материальном и виртуальном. *Двенадцатое*, России предстоит тройной метаболизм: восстановить свой индустриальный потенциал, перейти «на цифру», то есть реструктурировать производство и общественную жизнь на информационной основе, и привести в соответствие с ней свою институциональную систему.

Ключевые слова: агент; время; глобализация; динамика; индивид; институты; информация; киберпространство; метаболизм; модернизация рецидивизирующая; НТР-4; сети; системный подход; социальный порядок; социобиотехническая система; социология; темпо-ритмы.

Информация для цитирования: Яницкий О. Н. Методология анализа динамики социальных систем // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 1. С. 82-95, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-7

Oleg N. Yanitsky | Methodology of the Analysis of the Social Systems Dynamics

Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0409-5065>

*Received on February 2, 2019; Accepted on March 1, 2019;
Published March 30, 2019*

Abstract. Current globalization is both a system and dynamic but inherently contradictory process marked with a growth of geopolitical conflicts and risks. Drawing on the works of Russian and foreign theorists and on my personal experience of participation in a set of international research projects, the author has come to the following conclusions. *First*, the globalization is an all-embracing and all-penetrating process shaping a global sociobiotechnical system (hereafter, the SBT-system). *Second*, any kind of system dynamics is a complex system that is cemented by the informational networks and metabolic processes. *Third*, the informational processes generate the phenomenon of ‘space inversion’ shaping an integrated cyberspace. *Fourth*, the so-called recurrent modernization is not an actual process of development. *Fifth*, the world is shifting from the Third scientific-and-technological revolution (hereafter the STR-3) toward the Fourth one burdened with the twists and conflicts. *Sixth*, under these conditions, the world is becoming less predictable and more complex. *Seventh*, nonlinear flows of the resources, people and information make the transition process more unpredictable and even chaotic. *Eighth*, the existing social institutions fail to keep the pace with the life that makes a social world even more chaotic. *Ninth*, therefore the further the more the social institutions are becoming more mobile and the existing norms are forces out by a permanent dialogue and the temporary agreements (making roadmaps, etc.). *Tenth*, the individuals and their groups are becoming more superficial, mobile and their ties are weakening. *Eleventh*, under the STR-4, the individual and a society as a whole are living in two spaces, in a material and virtual ones. *Twelfth*, to be as strong as other superpowers, Russia has to make a triple ‘jump’: to restore its industrial potential, to ‘shift to the figure’ i.e. to rebuild its mode of production and public life on an informational basis, and to restructure its institutional system.

Keywords: agent; cyberspace; global dynamics; globalization; individual; information; metabolism; networks; recurrent modernization; SBT-system; STR-4; social order; system approach; tempo-rhythms.

Information for citation: Yanitsky, O. N. (2019), “Methodology of the Analysis of the Social Systems Dynamics”, *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 82-95, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-7

Введение (Introduction). До сих пор социология довольствовалась анализом социальной динамики, посредством разбиения ее на короткие временные отрезки и затем задавая респондентам те же вопро-

сы. Такой метод исследования социальных процессов давал некоторые результаты, но только при определенных условиях. Такие показатели, как качественные изменения самих респондентов, условий их жизни, а

также характер и направление динамики социальной системы в целом (местное сообщество, государство или мир в целом), не учитывались.

Однако постепенно становилось очевидным, что индивидуальные и коллективные агенты действия, и среда их обитания изменялись, причем чаще всего непредсказуемым образом. Во всяком случае, разрыв между нормативными актами (в форме указов, ведомственных инструкций, реорганизаций, перестановок в административно-управленческих структурах и т.д.) и реальностью увеличивался, что приводило к скрытому недовольству части населения и акциям протеста. Властные структуры всегда могут их купировать, но для того, чтобы они не возникали вновь и вновь надо вводить системные изменения в производственные процессы и социальные институты.

Наше общество сейчас входит в переходный период от Третьей промышленной революции к Четвертой, когда все будет изменяться, но с разной скоростью и с разными приобретениями и потерями. Например, с неизбежным усилением социальной и территориальной мобильности, но одновременно с сокращением рынка труда (Urqu, 2003, 2008; Schwab, 2016). Однако главным моментом этого переходного периода является формирование нового социального пространства, интегрирующего все сферы жизни общества посредством информационных сетей (Кастельс, 2000).

Другая принципиальная особенность уже начавшегося перехода к Четвертой промышленной революции заключена в следующих ее принципиальных моментах: они касаются всех сфер общественной жизни, будут осуществляться в зависимости от международной обстановки, и это будут комплексные перемены, где социальные, биологические, химические и технические процессы и перемены будут взаимозависимыми. Здесь необходимо одно терминологическое разъяснение: термин «промышленная революция» указывает,

прежде всего, на изменение способа производства, тогда как в действительности речь идет о комплексе перемен. Поэтому далее я буду пользоваться термином Научно-техническая революция (далее НТР-4), который более полно отражает направление перемен и к тому же уже устоялся в общественных науках СССР/России. Привычные для Англо-Саксонской социологии понятия модернизм и постмодернизм здесь ничего не объясняют, поскольку они интерпретируются разными западными авторами по-разному.

Наконец, в моем понимании термин «социальная система» сегодня обозначает сложный симбиоз природных, социальных и технических систем и процессов. Такие комплексные системы я именую СБТ-системами, в которых все ее качественно различные агенты взаимозависимы. Это не означает, что человек «освободился» от зависимости от природных процессов. Это лишь означает, что эти взаимозависимости стали более сложными и опосредованными.

Методология и методы (Methodology and methods). В своем исследовании я опирался, прежде всего, на теоретические работы в области динамики общественного производства в целом (К. Маркс), системной динамики (Дж. Форрестер, Н. Лапин, Н. Наумова, В. Садовский, Э. Юдин). Я опирался также на работы западных социологов, тяготеющих к системному анализу происходящих перемен, происходящих под воздействием (З. Бауман, У. Бек, М. Кастельс, Дж. Урри) информационно-коммуникационной революции. Представлялось также необходимым изучить работы тех социологов (но не только их), которые пытались дать прогноз будущего человечества (А. Азимов, О. Тоффлер, И. Бестужев-Лада, А. Алексеев и другие) или, как минимум, наметить характер неизбежных перемен. Я использовал также работы моих коллег и мои собственные, в том числе, в области грядущей НТР-4, которые были написаны еще вначале 1970-х гг., а

затем и в 2000-х гг., но не потеряли своей актуальности (см., например, Ахиезер, Коган, Яницкий, 1969). С моей точки зрения, это отставание практики от теории почти на 50 лет – свидетельство нашего отставания в двух основных сферах жизнедеятельности общества: способе общественного производства и связанной с ним институциональной системы. Поэтому я обращал особое внимание на работы, исследовавшие силы и факторы институциональных изменений (С. Тарроу, Х. Кризи, М. Калдор, Ч. Тилли, П. Штомпка и др.) и сам много лет посвятил изучению гражданских инициатив и социальных движений.

Глобализация – двусторонний процесс. Она создала доступ к новым источникам информации и одновременно дала возможность массе людей сравнивать свои условия жизни с теми, которые существуют в наиболее развитых странах, и «стимулировала ощущение обездоленности и угнетенности. Одновременно в массовом сознании стал более четко, чем прежде, формироваться образ виновника этого состояния – богатых стран, жирующих за счет обобранного большинства населения планеты» (Галкин, 2003: 15).

Наконец, представлялось необходимым изучить работы, посвященные «пределах роста» глобальной СБТ-системы, хотя, как я покажу ниже, несмотря на полувековую активность десятка интернациональных коллективов, подготовивших в совокупности более 40 докладов Римскому Клубу, здесь достичь принципиальных результатов не удалось (Von Weizsäcker and Wijkman, 2018 и др.). Как уже отмечалось выше, различие между «модернизмом» и «постмодернизмом» настолько условно, имеет массу взаимных переходов и т.д., что я предпочитаю этой дихотомией не пользоваться.

На мой взгляд, в течение последних 10-15 лет лидером в изучении динамики социальных систем остается международный коллектив под руководством проф. М. Фишер-Ковальски (Haberl et al., 2016).

Не менее важным было длительное исследование глобальных рисков, проведенное международным коллективом экспертов под эгидой Международного экономического форума (The Global Risk Report, 2018).

Общие положения. Системность не является фактором a priori, то есть имплицитно присущим социальному организму любого масштаба. Системность одновременно воссоздается и нарушается. Тем не менее, системность или организмичность присуща подавляющему большинству природных и социальных экосистем, поскольку она есть фактор, увеличивающий их шанс на сохранение и развитие. Да, разделение труда есть предпосылка развития этих экосистем, но оно невозможно без их внутренней устойчивости и сопротивляемости внешним воздействиям. То есть, говоря современным языком, системность есть необходимое условие для поддержания относительной безопасности этих экосистем.

Однако системность – не константа, а некоторое относительно равновесное состояние целого и его частей. Глобализация как процесс есть одновременное ослабление таких игроков как государства и усиление транснациональных корпораций, ослабление влияния местных сообществ и усиление малых «продвинутых» групп, чьи инновации позволяют им всего за несколько лет превратиться в гигантские информационные «империи» с годовыми доходами в миллиарды долларов.

Системный подход к проблемам современной эпохи отрицает принципиальную разницу между субъектом (агентом) действия и его средой обитания. По сути, всякая «среда» есть лишь некоторая относительно стабильная система взаимодействия этих агентов, косных и биологически или социально-активных. Поэтому методологически, работать с дихотомической парой «агент – среда обитания» можно лишь применительно к конкретному случаю. Кроме того, всякая относительно стабильная среда обитания имеет предел сво-

ей несущей способности (carrying capacity). Если он превышен, то такая «среда» превращается в совокупность агентов, каждый из которых преследует собственные интересы.

Отличие переходного периода, в котором находятся Россия и многие другие страны мира в том, что существующие социальные институты (правила, нормы) уже не работают или работают неэффективно в связи с запозданием по отношению к быстро меняющейся реальности, а новые институты еще не сложились. И будут ли они вообще, или же мир перейдет на систему постоянных переговоров, временных соглашений и дорожных карт, которые периодически пересматриваются или просто игнорируются в зависимости от расстановки сил на международной арене.

При этом, именно как в «переходные периоды», так и в случаях резкого ухудшения среды обитания этих экосистем, их *modus vivendi* резко меняется, и они начинают вести себя не как социальные общности, но как *биологические виды, которые стремятся выжить любой ценой*. Например, при длительном снижении доходов экономических агентов и уровня жизни рядовых граждан включается механизм их самосохранения по принципу «здесь и сейчас», в том числе за счет ограбления и подавления своих соседей любой ценой. И, напротив, такие принципы общежития, как доверие, взаимопомощь и добрососедство постепенно вытесняются грабежом и насилием.

Другая сторона «переходного периода» – это изменение институциональной структуры общества в сторону ее укрупнения и централизации. Этот процесс имеет как положительную, так и отрицательную стороны. Положительная сторона заключается в том, что ограниченные ресурсы концентрируются в руках федеральных властных структур, а отрицательная в том, что в современном обществе импульсы инновации исходят, как правило, от индивидов и малых групп продвинутых ученых, бизнесменов и политиков из среды

гражданского общества. То есть именно от тех людей и групп, которые живут созданием и реализацией инноваций, поскольку они приносят им прибыль или общественное признание и, как результат, продвижение по социальной лестнице.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Элементы теории «переходного общества».* Сегодня российскому обществу предстоит сделать тройной «прыжок»: восстановить свой индустриальный потенциал, перейти «на цифру», то есть реструктурировать производство и общественную жизнь на информационной основе, и привести в соответствие с ней свою институциональную систему. В процесс перехода от НТР-2 и НТР-3 к НТР-4 в той или иной степени вовлечены все группы и общества, равно как и мир в целом. Поэтому необходимо обозначить ключевые моменты его теории. В западной литературе исследованию этого периода уделялось большое внимание (см., например, Bauman, 2001, 2001a, 2001b, 2017; Beck et al., 1994).

Первое, импульс к изменениям может прийти из разных сфер, экономической, политической или социальной, но цели у этого «перехода» различны. Например, если транснациональные корпорации (далее ТНК) стремятся продолжать и усиливать процесс глобализации, то национально-ориентированные силы хотят сохранить свою автономию и культурную специфику. *Второе*, в этот период все начинает изменяться, но в разных направлениях и с разной скоростью. Это тезис касается различий и киберпространства, и степени системности организации разных обществ. *Третье*, естественно, что возможности, ресурсы и скорость осуществления перемен у ТНК и отдельных государств различны. *Четвертое*, в первом случае речь идет о формировании глобального киберпространства, тогда как во втором возможны варианты. Или это будет сочетание глобального и национального киберпространства, или же национальные геополитические силы будут стремиться

ограничить его рамками своей страны или группы дружественных государств. *Пятое*, соответственно, кому будет отдаваться предпочтение: международным или национальным институтам, включая необходимость ревизии всей совокупности действующих кодов, протоколов, стандартов, правил и норм.

У России – особая ситуация, поскольку решение трех названных выше задач не требует отлагательства, и *решать их придется одновременно, что потребует мобилизации всех ресурсов, материальных, социальных и информационных*. И вот здесь возникает главный вопрос: какая мобилизация, «сверху» или «снизу»? С моей точки зрения, будут необходимы обе, но это должна быть мобилизация ресурсных, социальных и креативных возможностей людей и организаций, но никак не принудительное вовлечение в этот переходный процесс. Кроме того, у России есть огромный резерв мощностей в виде возврата капиталов, скрытых или похищенных теневыми и криминальными элементами.

Киберпространство: какое оно сегодня? Одновременное существование множества информационных сетей, связей, их узлов, конкурентной борьбы и противоречий ведет, в конечном счете, к формированию глобального киберпространства. Иными словами, формируется и развивается пространство, создаваемое информационным способом производства.

Как и всякой другой способ производства, оно сначала развивалось локально, ареалами и как социально-политический инструмент довольно свободно, но постепенно начало производить свои нормы и правила, нормативы, коды, ограничения, специфические языки коммуникации и другие средств регулирования и саморегулирования.

С социальной точки зрения, история данного способа производства немногим отличается от предшествующих способов. Поначалу одни увидели в нем средство для резкого увеличения доходов своей отрасли и развития рынка, другие – инструмент

политического давления на конкурентов. Третьи стали использовать виртуальное пространство как среду, куда можно, хотя бы на время, убежать от текущих проблем. Ученые стали развивать информационные методы анализа, военные эффективно используют их как средство для давления на потенциального противника и т.д.

Ключевой вопрос здесь в том, кто именно и какими средствами регулирует функционирование и развитие киберпространства. С моей точки зрения, главную роль здесь играет все тот же глобальный рынок, но не только он. *Во-первых*, потому, что развитие глобального киберпространства идет неравномерно, в зависимости от социально-экономического развития конкретных агентов. *Во-вторых*, существующие разногласия и противоречия «переносятся» в киберпространство, в том числе потому, что на их публичности и последующем анализе можно неплохо заработать. *В-третьих*, сегодня это пространство становится средством формирования таких институциональных норм и правил, которые в данный момент выгодны США, ЕС, НАТО или другому глобальному игроку. Остановимся на этом свойстве киберпространства чуть подробнее.

Всякое усложнение глобальной социобиотехнической системы имеет предел, за которым она теряет способность к саморегулированию. Здесь возможны две траектории: или такая система движется по направлению к ее хаотизации, о чем в свое время предупреждал И. Пригожин (Prigogin, 1997), или ее регулирование переходит в руки глобальных экономических или политических сил или их лидеров, в том числе из криминальной или радикальной среды.

Далее, сегодня киберпространство находится под воздействием борьбы государственных и корпоративных структур, групп интересов, что осложняется ожиданием в некоторых странах, включая Россию, «транзита власти» и пока неизвестными изменениями в структуре мировых регуляторов, таких как глобальный рынок,

банковские структуры, протестные движения и другие силы. Все это в совокупности повышает неустойчивость киберпространства.

Другая сторона этой же проблемы состоит в том, это неустойчивое и трудно предсказуемое киберпространство не дает какой-то «отправной точки» для прогнозирования хотя бы ближайшего будущего глобальной СБТ-системы. Возникает вопрос: а чем же тогда в своем поведении руководствуется основная масса населения? Ведь идеология и практика «потребительского общества» все чаще дают сбой именно потому, что они основаны на ложной формуле успеха: «больше товаров дешевле и разных – выше уровень их потребления – сохранение устойчивости общества». А тут еще в этот процесс вмешивается социально-сконструированная информация, которая дает ложную, но выгодную для конкретного глобального игрока версию развития событий. Получается, что из этой ситуации нет выхода, потому что индивиды и их группы не могут самостоятельно освоить и, тем более, верно оценить огромный объем постоянно меняющейся информации. Получается, что между ними и киберпространством обязательно нужен посредник, интерпретатор, то есть опять же – заинтересованное лицо или корпорация, действующая, прежде всего, в своих собственных интересах. Каким образом? Как показали А. Арсеналт и М. Кастельс (2008), это делается довольно просто посредством двух операций: переключения или перепрограммирования каналов, которыми пользуется конечный потребитель. Получается, что реальный мир все более подчиняется миру, который социально конструируется посредством подобных переключений и перепрограммирования.

В заключение данного параграфа назовем еще несколько методологических важных моментов взаимодействия индивидуальных или коллективных агентов со структурами киберпространства. *Первое*, необходимо учитывать силу инерции этих

агентов. В одних случаях она могут долго сопротивляться, в других сразу ломаются и исчезают. *Второе*, эти агенты могут или поддаваться такому воздействию, или же активно сопротивляться ему. *Третье*, поведение самого агента в киберпространстве зависит от его конфигурации, он может быть «точечным», сетевым или рассеянным. *Четвертое*, важна также и форма воздействия на агента, например, единовременная или длительная, односторонняя или многосторонняя и т.д. *Пятое*, в условиях современной гибридной войны, когда на некоторого агента сразу действует несколько сил, какова будет его реакция?

Метаболизм как связующий процесс. Метаболизм – центральный пункт для понимания феномена системности современного мира. Западная социология долгое время базировалась на интеракционистском понимании социальной реальности, что было порождено желанием социологов институционально обособить свою дисциплину. Все попытки расширить трактовку понятия взаимодействия (an interaction) находились не периферии исследовательского интереса социологов. Даже теперь, когда предпринимаются попытки институционально объединить усилия естественников и социологов для изучения сложных процессов современного мира, эти усилия признаются «своевременными», но – не более того.

Суть метаболических процессов заключается в их мульти-субстанциональности, то есть во взаимодействии структур и процессов, различных по своему происхождению, химическому составу, физиологической и социоэкономической динамике. Соответственно, метаболические процессы исследуются междисциплинарными методами. Не просто транс- или мультидисциплинарными, когда взаимодействие природных, социальных или технологических агентов изучается по отдельности представителями отдельных дисциплин, а потом они собираются все вместе и решают, каков же механизм функционирования данного сложного агента? *Метаболизм и*

междисциплинарный подход суть ключевые моменты системного анализа.

Изменение параметров времени и пространства. Оба этих измерения присутствуют в современной научной литературе с начала XX века. Однако даже за этот, короткий по историческим меркам период роль пространства-времени как среды обитания человека и человечества существенно изменились. Общий тренд – это все большее «преодоление» пространства посредством времени, то есть время, создаваемое технологическими средствами, становилось все более значимым социальным ресурсом. С появлением современных информационно-коммуникационных технологий и средств перемещения информации социальное время, необходимое для преодоления некоторого пространства, все более сжималось и, в конечном счете, было им побеждено. Я имею в виду феномен, получивший название, «инверсии пространства».

Но этого мало. Параллельно сформировалось то новое пространство нашей жизни, которое сегодня именуется киберпространством. У науки нет его точного определения, но, с точки зрения социолога, я именую его социальным киберпространством, то есть тем информационным пространством, от которого зависит наша повседневная жизнь, а также всего того, что было создано в последнее столетие мыслью и руками человека. Чем киберпространство отличается?

Первое, благодаря социально-конструктивной деятельности человека, развитие этого пространства непрерывно ускоряется. *Второе,* происходящее в результате «сжатия» социального пространства оно постепенно теряет свое культурно-формирующее значение. Для массы современных мобильных граждан важны только две точки его пространственного перемещения, начальная и конечная. А все остальное не имеет значения. А вот необходимость наличия стандартного набора благ в этих точках, напротив, возрастает. *Третье,* все необходимое для жизни чело-

века информацию, включая образование, карьеру, отдых, развлечения, деловые контакты и необходимые знакомства современный человек получает из киберпространства. Посещение достопримечательностей, отдых и туризм также регулируются киберпространством. *Четвертое,* изменение темпа ускорения неодинаково в разных социокультурных средах, что влечет за собой социальные конфликты и технологические аварии и катастрофы, темпоритмы тех, кто выпадает из этой гонки, напротив, замедляются и т.д. То есть мы имеем налицо целый «букет» изменений темпо-ритмов самой глобальной динамики, поэтому сказать, как раньше, «время – деньги», уже недостаточно.

Пятое, время метаболических процессов в разных средах течет неодинаково, а главное результат может быть самый разный: от отсутствия какого-либо эффекта, через взаимное стимулирование и качественную трансформацию нескольких агентов и до их тотального взаимоуничтожения. Замечу, что *взаимодействие в СБТ-системах – непрерывный процесс,* включенный в биосферу и космическую сферу.

Шестое, поэтому существующие методы дискретного анализа путем искусственного разбиения некоторого СБТ-организма на условные типологические ряды для последующего анализа уже слишком грубы и не соответствуют непрерывности процесса происходящих перемен. Кроме того, используемые социологами такие разбиения как малый, средний или большой город не соответствуют действительности, так как инновации и прорывные технологии создаются сегодня не в среде больших городов, а в малых поселениях, своего рода «заповедниках» научно-технической мысли.

Каким может быть выход? Я вижу его в изменении институциональной структуры общества так, чтобы она поспевала за темпом происходящих перемен, и в их тесном взаимодействии, отвечающем современным комплексным реалиям (Keen, 2008). Уже сейчас очевидна конку-

ренция между нормами и правилами международного права, созданными более 70 лет назад, и «подвижными» взаимодействиями конкурирующих сторон. Эта конкуренция заключается в непрерывном процессе переговоров, которые сопровождаются временными соглашениями и разработкой дорожных карт.

Модернизация – это не развитие. Теоретический аппарат исследования НТР-4 и ее последствий до сих пор не разработан, поэтому происходит путаница. Так, тот процесс, который Н. Наумова (1999) когда-то назвала «рецидивирующей модернизацией», сегодня в России превратился в процесс частичной модернизации, прежде всего, армии и военно-промышленного комплекса (ВПК). Необходимость опережающего развития ВПК очевидна, но необходимо также столь же быстрое движение вперед всего общества. Однако инфраструктура страны и ее жилищно-коммунальный фонд оставляет желать лучшего. Если этот растущий разрыв не преодолеть, то в стране с ее огромными расстояниями, может возникнуть «очаговая» критическая ситуация, в частности в связи плохой логистикой. Но в любом случае модернизация существующей системы любого масштаба и переход ее развития на качественно новый уровень не равны друг другу.

Есть и другая причина нашего отставания – приверженность идее и концепции «устойчивого развития», разработанной западными идеологами и политиками (Brundtland and Khalid, 1987). Но устойчивость любых живых систем возможна лишь в условиях их постоянного изменения, где «модернизация» есть лишь его момент. Но этот термин, растиражированный масс-медиа, продолжает оказывать тормозящее влияние на теорию социальной динамики.

Что в условиях НТР-4 меняется качественно?

Первое, формируется всеохватывающая и всепроникающая информационно-коммуникационная система как основа

промышленного производства и воспроизводства человеческого и социального капитала общества. *Второе*, эта система поэтому и называется социобиотехнической, потому что представляет собой новый, гораздо более высокий, чем раньше, уровень взаимодействия природных, социальных и технических структур. Модернизация есть совершенствование существующей системы общественного производства, тогда как НТР-4 создает качественно иную систему, которая живет по собственным законам.

Третье, формирование такой всеохватывающей системы отнюдь не означает, что все страны и сообщества становятся равными друг другу. Напротив, те, в которых НТР-4 создавалась, не только уходят далеко вперед, но и начинают навязывать свои правила игры другим странам и сообществам, претендуя на мировое господство. Чтобы догнать передовые страны приходится платить частью своего суверенитета. *Четвертое*, борьба гигантов на мировой арене есть, по существу, их *борьба за новую форму колонизации всех остальных стран и сообществ*. По форме она мягкая, а по существу – та же, что и в предыдущие исторические периоды.

Пятое, но и внутри самых технологически продвинутых стран возникают проблемы, что и случилось в США, в которых ее транснациональные стейкхолдеры, перенеся большую часть промышленного производства в третьи страны, столкнулись с растущим сопротивлением ее «ржавого пояса», то есть с лидерами и работниками деградирующих отраслей национальной промышленности.

Шестое, «открытость» процессов информатизации и экспансии транснационального капитала имеет свою оборотную сторону. Что и произошло в Китае, который сначала научился копировать технологические новинки, ввозимые из США и ЕС, а потом научился производить их самостоятельно. *Седьмое*, современные формы колонизации тоже имеют свои пределы. Например, страны Северной и Центральной Африки, Ближнего Востока и

Латинской Америки, разрушенные в ходе борьбы за ресурсы, нанесли «ответный удар» по лидерам технологического прогресса в форме массовых миграционных процессов, удар, от которого они вряд ли смогут оправиться. *Восьмое*, экономика технологически ведущих стран растет медленно, а социальная напряженность в них нарастает, достаточно вспомнить периодически возникающие протесты «желтых жилетов» во Франции и других странах ЕС. *Девятое*, той Англо-Саксонской культуре, которая была *alma mater* новой технологической революции, сегодня угрожают правые и левые политические радикалы. *Десятое* и, с моей точки зрения, наиболее важное. Современный технологический «прорыв» – весьма существенное, но недостаточное условие безопасности, спокойствия и благополучия граждан. Напротив, этот «прорыв» лишь углубил политические и социальные противоречия, как внутри названных стран и их союзов, так и в мире в целом.

В итоге, сегодня такие понятия как «сеть» и «киберпространство» являются основными теоретическими инструментами анализа современных глобальных систем. С моей точки зрения, *сеть* – это самостоятельный агент действия, а не только канал движения ресурсов, людей, энергии или информации. Поэтому сеть – это не только потоки вещества, энергии и информации, но и «узлы» столкновения интересов глобальных и национальных игроков.

Соответственно, сегодня среда обитания – это не пассивный источник разнообразных ресурсов, а результат взаимодействия конкурирующих субъектов, активных и инертных сред и других участников глобальной динамики. Поэтому всякая среда обитания также подвижна, неустойчива и внутренне противоречива. Отсюда, логистика есть чрезвычайно важная, но лишь относительно устойчивая функциональная структура. Как показывают исследования, нарушение логистика доставки товаров в течение недели может приве-

сти к коллапсу целой государственной машины.

Новое понимание опасности и безопасности. Если современные информационно-коммуникационные системы суть всеохватывающие и всепроникающие, то этот факт совершенно по-новому ставит проблему обеспечения безопасности всего живого и косного мира. Сегодня нет абсолютной безопасности – есть только относительная безопасность в контексте конкретного времени и места. Она относительная именно потому, что в информационном обществе источником опасности может быть, как государство, так и отдельный индивид, хакер или сумасшедший. В современной науке о типах опасности есть такое понятие, как «сила слабости», когда индивид или малая группа может послужить спусковым крючком глобальной катастрофы.

Однако необходимы некоторые уточнения. *Вызов, риск и реальная опасность – не одно и то же.* Вызов – это потенциальная угроза конкретному социальному организму или существующему порядку вещей в целом. То есть вызов следует трактовать как прогноз возможных перемен, содержащий угрозу им. Риск, согласно У. Беку (Beck, 1992), есть двойственная категория, указывающая одновременно на эту угрозу и предполагающая калькуляцию ее возможных последствий. Реальная опасность – это опасность, о которой известно, что она неминуемо приближается или уже наступила. Реальная опасность – это всегда человеческие и иные потери плюс долгий и затратный период адаптации к новым условиям. Реальная опасность может надолго консервироваться в форме «замороженных конфликтов», и рост их числа по всему миру есть новая опасность. Реальная опасность всегда означает усиление миграционных потоков беженцев и вынужденных переселенцев, что уже начинает угрожать существующему социальному порядку в других странах и регионах.

Вызовы суть также угрозы (риски) самим процессам транзита к Четвертой промышленной революции на всех уровнях, глобальном, локальном и личностном. Эти риски исходят как от самого процесса транзита к НТР-4, так и от изменяемой этим переходом среды обитания. Она всегда является некоторым демпфером или «подушкой безопасности» для потерь, вызываемых этим переходом, но, как отмечалось выше, только до определенного предела. Если несущая способность этой «подушки» превышены, то тогда главными источниками глобальных и региональных рисков являются некоторые «интегративные среды», то есть рыночная, информационная водная и атмосферные среды, а также политическая, социальная или конструктивная деятельность человека. А они, в свою очередь, могут спровоцировать критические ситуации в такой интегративной среде как социобиотехнические системы.

Киберпространство и культура. В глобальном, быстро меняющемся и мобильном киберпространстве происходит переформатирование самого понятия культуры. *Первое*, ее разделение на высокую и массовую культуру углубляется. Уже сегодня в мире принято разделять культурные мероприятия (выставки, демонстрации и т.д.) на два «потока»; для профессионалов и для публики. *Второе*, культура сегодня становится все более социально-сконструированной на потребу широкой публики, для чего используются прежние ее достижения. Однако они чаще всего не переосмысливаются, а просто «перелицовываются» композиторами, режиссерами и другими деятелями искусства в соответствии с принципом «я так вижу», потому что публика ждет какой-то новизны. *Третье*, принцип мультимедийности уже проник в высокую культуру: классические музыкальные произведения перелицовываются под джаз, балет становится похожим на спортивное соревнование или цирковое представление и т.д. *Четвертое*, культурные «корни» индивидов и групп становят-

ся знаком престижа. Однако чаще всего вернуться в свое «прошлое» уже нельзя: деревня, городок и даже твой микрорайон уже давно снесены или реконструированы. А, главное, они населены другими людьми с другой культурой. У индивида остаются только письма, фотографии и видеосвидетельства. *Пятое*, масс-медиа, приучившие посетителя или зрителя к сенсациям, культивируют этот же принцип и в искусстве: сегодня интерес (и посещаемость!) резко возрастают, когда выясняется, что какая-то картина или другой артефакт были украдены или повреждены на глазах самих посетителей. *Шестое*, игра как необходимый элемент культуры трансформируется в игорный бизнес для богатых, размещаемый в специальных «оазисах», в то время как краеведение как неотъемлемый элемент национальной культуры быстро хиреет. А ведь краеведение, как указывал акад. Д.С. Лихачев (1992), есть «экология культуры». Тогда получается, что калейдоскоп быстро сменяющихся событий и вызовов, и есть экология культуры информационного общества. *Седьмое*, идет формирование виртуальной культуры, культуры образов, знаков, символов, событий и т.д., в том числе катастрофических. Тем самым создается образ апокалиптического будущего, от которого невозможно уйти. Иными словами, рождающаяся сегодня культура демонизирует будущее, подавляя волю индивида, особенно в соединении с личной незащищенностью. Получается, что уединиться в этом «бравом будущем мире» никак нельзя.

И, наконец, последнее. Мы до сих пор «Иваны, не помнящие своего родства». Но это – не наша вина, потому что архивы, эти хранилища национальной памяти, периодически скрывались или уничтожались в ходе войн, революций и массовых репрессий. В результате западные исследователи обладают документами о нашей истории, которые нам или недоступны, или доступны лишь ограниченно. Этот исторический факт я испытал на себе, когда в общении с американскими и дру-

гими зарубежными специалистами оказывалось, что они знают российскую историю лучше, чем я сам.

Заключение (Conclusions). Сегодня изменение киберпространства приобретает субстанциональный характер. Поэтому такие понятия как «сеть», «киберпространство» и потоки вещества, энергии, информации и людей являются основными теоретическими инструментами анализа современных глобальных систем. Отличие НТР-4 от предшествующих промышленных революций в том, что доступная информация сегодня – это главный ресурс, который теоретически можно конвертировать в любые другие ресурсы.

В условиях НТР-4 социальный порядок становится динамичным, соответствующим общему процессу ускорения перемен в глобальном киберпространстве. В то же время *сеть представляет собой самостоятельный агент действия*, а не только канал движения ресурсов или информации. Кроме того, сеть – это множество «узлов», где сталкиваются интересы глобальных и национальных игроков. Чем дальше, тем больше реальный мир все более подчиняется миру информационному, который социально конструируется посредством переклечения и перепрограммирования каналов информации тем самым изменяя правила игры.

Сегодня российскому обществу предстоит сделать тройной «прыжок»: восстановить свой индустриальный потенциал, перейти «на цифру», то есть реструктурировать производство и общественную жизнь на информационной основе, и привести в соответствие с ней свою институциональную систему. То есть сделать ее способной быстро отвечать на новые внешние и внутренние вызовы. Говоря иначе, управленческие и организационные навыки привести в соответствие с возможностями все ускоряющейся трансформации глобальных информационных систем. Такой «прыжок» и есть всеобщий метаболизм переходного периода.

Является ли решение этих социально-технологических проблем достаточным, чтобы снова стать вровень с ведущими державами мира? Нет, потому что их решение и перспектива должны быть четко увязаны с картиной желаемого будущего нашего общества. Это – наиболее сложная задача, так как уже несколько лет продолжается падение жизненного уровня населения, разрыв между бедными и богатыми только возрастает, а модели желаемого будущего не разработано – строятся только возможные сценарии развития на ближайшие годы.

Сегодня культура – это уже не часть личного культурного багажа, ни часть уникального культурного прошлого. Современная культура есть интегральная часть глобального киберпространства, и она культивирует, прежде всего, массовые запросы, в частности, на моду, татуировки, прически, раскраску и т.д. Это означает, что культура все более разделяется на элитарную и массовую культуру. Первая становится нечто вроде «лавки древностей» для любителей и специалистов, тогда как вторая превращается в отрасль индустрии развлечений сродни блокбастерам, скачкам, футболу и т.п. Сегодня массовому посетителю, слушателю или зрителю нужны сенсации и зрелищность! Эти тенденции – реальная угроза нашим «культурным скрепам».

Формирует ли киберпространство какую-то специфическую культуру? Это вопрос требует специального исследования. Пока можно утверждать лишь одно: сегодня технократизм как специфическая форма культуры берет верх. Конечно, история техники и технологических новинок – тоже часть культуры. Но весь вопрос в том, каков ее социальный «вес» и как эта отрасль культуры воздействует на другие культурные сферы: облегчает доступ к ним, их трансформирует или подавляет? Или же вообще глобализация и киберпространство есть новая форма бытия человеческой культуры?

Список литературы

Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 43-53.

Галкин А. Новые времена – новые проблемы // Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева; отв. ред. А.А. Галкин. М.: ООО «Оверлей», 2003. С. 8-46.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура / под. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Лاپин Н.И. Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 39-53.

Лихачев Д.С. Экология культуры // Знание-сила. 1980. № 6. С. 22-24.

Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. 2008. № 23(4). Pp. 488-513.

Bauman Z. The Bauman reader. Malden: Blackwell Publishers Inc., 2001.

Bauman Z. On Glocalization: Or Globalization for some, localization for some others // The Bauman reader. Malden: Blackwell Publishers Inc., 2001. Pp. 298-311.

Bauman Z. The Individualized Society. London: Polity Press, 2001.

Bauman Z. A Chronicle of Crisis: 2011-2016. London: Social Europe Edition, 2017.

Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE, 1992.

Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford: Stanford University Press, 1994.

Brundtland G., Khalid M. Our Common Future. The World Commission on Environment and Development. Oxford: Oxford University Press, 1987.

The Global Risk Report. Geneva: World Economic Forum, 2018. URL: www.weforum.risks (дата обращения: 20.01.2019).

Haberl H., Fisher-Kowalski M., Krausmann F., Winiwater V. Society-Nature Relations across Time and Space. 2016. URL: <http://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-33326-7> (дата обращения: 20.01.2019).

Keen D. Complex Emergences. Cambridge: Polity Press, 2008.

Prigogine I. The end of Certainty. New York: Free Press, 1997.

Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.

Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.

Von Weizsäcker E.U., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet. New York: Springer, 2018.

References

Ahiezer, A. S., Kogan, L. B. and Yanitsky, O. N. (1969), "Urbanization, society and scientific and technical revolution", *Voprosy filosofii*, (2), 43-53. (In Russian).

Galkin, A. A. (2003), "New times – new problems", in Galkin, A. A. (ed.), *State and society in the context of globalization: the left view*, ООО "Overlay", Moscow, Russia, 8-46. (In Russian).

Castells, M. (2000), "The Information age. Economy, society, culture", in Shkaratan, O. I. (ed.), GU VSHEH, Moscow, Russia. (In Russian).

Lapin, N. I. (2007), "Alarming stabilization", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (6), 39-53. (In Russian).

Likhachev, D. S. (1980), "Ecology of culture", *Znanie – sila*, (6), 22-24. (In Russian).

Naumova, N. F. (1999), *Recurrent modernization in Russia: trouble, guilt or human resource*, Editorial URSS, Moscow, Russia. (In Russian).

Arsenault, A. and Castells, M. (2008), "Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics", *International Sociology*, (23), 488-513.

Bauman, Z. (2001), *The Bauman reader*, Blackwell Publishers Inc., Malden, MA, USA.

Bauman, Z. (2001a), "On Glocalization: Or Globalization for some, localization for some others", in Bauman, Z. (ed.) *The Bauman reader*, Blackwell Publishers Inc., Malden, MA, USA, 298-311.

Bauman, Z. (2001b), *The Individualized Society*, Polity Press, London, UK.

Bauman, Z. (2017), *A Chronicle of Crisis: 2011-2016*, Social Europe Edition, London, UK.

Beck, U. (1992), *Risk Society. Toward a New Modernity*, SAGE, London, UK.

Beck, U., Giddens, A. and Lash, S. (1994), *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and*

Aesthetics in the Modern Social Order, Stanford University Press, Stanford, CA, USA.

Brundtland, G. and Khalid, M. (1987), *Our Common Future. The World Commission on Environment and Development*, Oxford University Press, Oxford, New York, USA.

The Global Risk Report (2018), World Economic Forum, Geneva [Online], available at: www.weforum.risks (Accessed 20 January 2019).

Haberl, H., Fisher-Kowalski, M., Krausmann, F. and Winiwater, V. (2016), *Society-Nature Relations across Time and Space* [Online], available at: <http://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-33326-7> (Accessed 20 January 2019).

Keen, D. (2008), *Complex Emergences*, Polity Press, Cambridge, UK.

Prigogine, I. (1997), *The end of Certainty*, Free Press, New York, USA.

Urry, J. (2003), *Global Complexity*, Polity Press, Cambridge, UK.

Urry, J. (2008), *Mobilities*, Polity Press, Cambridge, UK.

Von Weizsäcker, E. U. and Wijkman, A. (2018), *Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet*, Springer, New York, USA.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Яницкий О.Н., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Oleg N. Yanitsky, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES**

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-8

Ермолаева Ю.В.

**Zero-waste мегаполисы в России: реализация эффективной
схемы управления отходами в России по данным
экспертного опроса на примере Москвы и Казани**

Казанский Федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
сектор исследования профессий и профессиональных групп
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
mistelfrayard@mail.ru

*Статья поступила 16 октября 2019 г.; Принята 2 марта 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. В статье обсуждаются актуальные принципы, которым следует глобальное научное сообщество в устойчивом и безотходном развитии городов. Целью данной статьи было выяснить актуальные проблемы в существующих и планируемых территориальных схемах управления отходами, для чего проанализированы официальные источники об устройстве данных систем управления городов, а также проведен экспертный опрос 60 респондентов (по 30 в Казани и в Москве), из разных групп, представляющих свои интересы (экологи, технологи, представители государственного сектора, бизнеса, НКО, активисты). Уровень управления отходами экспертами оценен как средний, подразумевается, что не использованы все возможные организационные и экономические ресурсы государства. Общим и обязательным пунктом необходимо рассмотреть подготовку инфраструктуры РСО для формирования сети переработчиков. Наиболее актуальный вопрос о мусоросжигании в регионах мегаполисов позволил выделить две позиции среди экспертов: «допустимо, но при выполнении определенных условий» и «против при любых обстоятельствах». Данные позиции выделены относительно вопросов безопасности, ресурсоэффективности, экономичности и социального благосостояния, где сторонники против высказывали больше опасений, нежели возможные сторонники мусоросжигательных заводов. Исследование показало, что специалисты по управлению отходами в российских городах придерживаются в своих рекомендациях классических принципов устойчивого развития в планировании безотходных городов, с поправками на необходимость создания и решения локальных проблем в городах и создания четких принципов ресурсоэффективности в общей федеральной стратегии.

Ключевые слова: отходы; территориальные схемы управления отходами; чистая страна; мусоросжигание; экспертное мнение; модернизация политики управления отходами; раздельный сбор; контент-анализ.

Благодарность. Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант № 17-78-20106.

Информация для цитирования: Ермолаева Ю. В. Zero-waste мегаполисы в России: реализация эффективной схемы управления отходами в России по данным экспертного опроса на примере Москвы и Казани // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 1. С. 96-108, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-8

Yulia V. Ermolaeva

Zero-waste megacities in Russia: implementing an effective waste management scheme in Russia according to the expert survey on the example of Moscow and Kazan

Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya St., Kazan, 420008, Russia
Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Department of Studying Professions and Professional Groups
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
mistelfrayard@mail.ru

*Received on October 16, 2019; Accepted on March 2, 2019;
Published March 30, 2019*

Abstract. The first part of the article highlights the main problems of social waste management in the megalopolises of the world; the principles that follow the global scientific community in sustainable urban development. Moscow and Kazan represent a strategic state interest within the framework of the Clean Country implementation project and are designated as megacities at a crucial stage in the development of waste management. The purpose of this article was to find out current problems in existing and planned territorial waste management schemes, for which official sources were analyzed on the structure of these city management systems, and an expert survey of 60 respondents (30 each in Kazan and in Moscow) was conducted, from different groups representing their interests (environmentalists, technologists, representatives of the public sector, business, NGOs, activists). The main conclusions of the article have allowed to form the opinions of the expert community, which is directly involved in the creation of waste management policies, to identify their adjustments in the existing territorial waste management schemes.

Keywords: waste; territorial waste management schemes; clean country; incineration; expert opinion; modernization of waste management policy; separate collection; content-analysis.

Information for citation: Ermolaeva, Yu. V. (2019), “Zero-waste megacities in Russia: implementing an effective waste management scheme in Russia according to the expert survey on the example of Moscow and Kazan”, *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 96-108, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-8

Введение (Introduction). *Обзор концепций проблемы «безотходного» города.* В настоящее время многие города разрабатываются и планируются на основе концепций безотходного эко-города. Завершенные проекты в области экологии, такие как Vauban Freiberg (Германия), Hammarby Sjöstad (Швеция) и незавершенные проекты, например, Masdar City (ОАЭ), Tianjin Eco-City (Китай), призваны обеспечить хорошее качество жизни (Gentil et al, 2010; Annissa et al, 2011; Yanitsky, 2018). Для российских городов не было проведено исследований применительно к реализации политики zero waste – «ноль отходов и ноль потерь», учитывая отечественную специфику совмещения разных схем управления – федеративной, централизованной (универсалии единого права). В разных городах был проведен ряд исследований для разработки эффективных систем управления отходами, направленных на нулевые отходы, Тайване, Индии (Allesch et al, 2014), Австралии, Греции (Mitsikas et al, 2017) и Англии и европейских городов (Mavropoulos, 2010; Яницкий, Усачева, 2017).

Общие принципы формирования политики утилизации отходов можно сформулировать следующим образом: использование меньших ресурсов на единицу продукции, изменение поведения граждан и практики устойчивого потребления, применение экономических инструментов, например, расширенная ответственность производителей и потребителей обеспечит ресурсосбережение всего жизненного цикла продуктов.

Методология и методы (Methodology and methods). Можно выделить несколько направлений, существующих в социологии, имеющих эвристический потенциал практического применения в стратегии создания zero waste в мегаполисах.

Концепция *социально-экологического метаболизма* использует системный подход (в определении элементов и сообществ), их взаимодействиями с материальными (потребление с точки зрения

химии, отходы) и нематериальными потоками (экономические, коммуникационные потоки), чем эффективнее сообщество может использовать различные виды сырья и энергии в превращении и распределении конечного продукта, тем выше уровень его культурной, технологической и экономической емкости (Яницкий, 2015). Таким образом, все большее влияние в цепочках преобразования производства и потребления занимают отходы, тем больше растет благосостояние общества и стабильнее используются экологические ресурсы. системный анализ взаимодействия материальных и нематериальных потоков и их преобразование (Фишер-Ковальски; Ермолаева, 2015).

Для того, чтобы разяснить функциональный смысл каждого из элементов, мы можем прибегнуть к *институциональному анализу* с использованием инструментов ресурсоэффективной экономики. Проблемы местных органов власти и муниципалитетов в области управления ресурсами и отходами должны быть решены с помощью новых инновационных партнерств с участием всех заинтересованных сторон (Medina, 2000), где каждым актору, институту, и социальному образованию может быть присвоен уникальный инструмент воздействия.

Социологический подход существенно расширяет понимание принципов социального развития, дифференциации, обращая внимание на принципы *энвайронментального равенства* в урбанизационных процессах и различия в качестве жизни граждан. Энвайронментальная несправедливость появляется ввиду нарушения технических правил использования объектов утилизации отходов, вследствие чего возникают экологические риски, ухудшения качества жизни, а значит, затрудняет вертикальную мобильность граждан (Pellow, 2002).

Так, Zero waste переходит к системе управления, основанных на целях ли устойчивого развития схема управления каждого города должна соответствовать

решению конкретных городских проблем (Mavrououlos, 2010).

Целью данной статьи было выяснить актуальные проблемы в существующих и планируемых территориальных схемах управления отходами, для чего проанализированы официальные источники об устройстве данных систем управления городов, а также проведен экспертный опрос 60 респондентов (по 30 в Казани и в Москве), из разных групп, представляющих свои интересы (экологи, технологи, представители государственного сектора, бизнеса, НКО, активисты).

Для реализации цели исследования мы использовали двухэтапным качественный контент-анализ по методике П. Мейринга, – фокус на главных задачах исследования и описания паттернов или «целого» ядра в анализируемом тексте. Сама методика предполагает три процедуры, которые можно, по замыслу автора, выполнять либо по отдельности, либо комбинируя:

1. Сокращение материала до краткого содержания путем перефразирования и сохранения ведущих категорий смыслов.

2. Экспликация текста, объяснение выделенных категорий по необходимости решения определенных задач.

3. Структурирование – отфильтровка.

I этап. Качественный контент-анализ 70 документов. Для исследования актуальных проблем мегаполисов в политике реализации управления отходами мы провели контент-анализ 70 государственных подведомственных документов-источников за 2010-2018 год.

Структура анализа сводится к следующим категориям: характеристики процессов институционализации политики обращения с отходами в представленных мегаполисах, морфологический количественный состав отходов, краткое описание сложившейся системы участников, планы

II этап. Качественный контент-анализ экспертных интервью, проведен-

ное в марте 2018 года в г. Москва и г. Казань (всего опрошено 60 экспертов).

Качественный контент-анализ проведен с использованием категорий, где обсуждались темы, которые обосновывают главный теоретический конструкт по устойчивое управление отходами в городах: проблемы, сценарии, развитие и инструменты реализации эффективной политики обращения с отходами.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Краткая справка о институтах регулирования проблемы отходов в Москве и Казани.

Приведем институционально-функциональный анализ субъектов обращения с отходами в России.

Минприроды производит общий контроль и надзор в области обращения с отходами, *Министерство образования* – исследование и разработку био-технологических приоритетов в развитии сферы обращения с отходами, *Министерство промышленности* – разработку технологий в области обращения с отходами. С 2015 года в системе присутствует региональный оператор, который должен взять ответственность за сбор, вывоз и утилизацию ТКО, чтобы снять данные полномочия с муниципальных властей.

Федеральная служба по экологическому технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) осуществляет контроль и надзор за соблюдением требований законодательства в области требований законодательства в области обращения с радиоактивными отходами, *Роспотребнадзор* осуществляет контроль за соблюдением санитарного законодательства при обращении с отходами с целью обеспечения безопасности для здоровья населения, Деятельность социальных субъектов регулируется формальными правилами в разных полях взаимодействия: экономическом, правовом, социально-культурном. Рычаги влияния: законодательное регулирование в отношении граждан обеспечивает муниципальные услуги.

Есть три инструмента воздействия государства на бизнес – сектор: штрафы, сбор за негативное влияние, лицензирование, налоги и сборы в качестве коммунальных услуг, но не в рамках законодательной политики.

Количество использованных и обезвреженных отходов производства и потребления в целом по стране возросло с 1396 млн т в 2006 г. до 2685 млн т в 2015 г., т.е. увеличение произошло почти в два раза. Подавляющая часть отходов относится к V классу опасности, т.е. неопасным отходам¹.

Основными препятствиями к формированию структуры отдельного сбора и отрасли переработки являются правовые несостыковки, и как следствие, недостаточно проработанный институциональный аппарат, в РФ решение задач организации сбора и переработки отходов не входит в перечень полномочий ни одного из ведомств министерств и департаментов, за которыми закреплены функции надзора и контроля, вывоз осуществляется муниципалитетом, а переработка частными предприятиями.

Казань и Казанская область. Анализ официальных документов показал, что городе образуется 636 199 т из 2 млн. т по Татарстану за 2015 г. планируется увеличить переработку до 50% к 2035 году, 50% термически обезвреживать с выработкой энергии. Основная инфраструктурная единица схемы межмуниципальный отраслевой коммунальный комплекс по обращению с ТКО, включает в себя: сеть пунктов первичного сбора ТКО, мусороперегрузочных станций, мусоросортировочный комплекс и межмуниципальный полигон, размер платы за вывоз твердых коммунальных отходов (ТКО) не нормируется,

эти полномочия передаются региональному оператору².

Москва и Московская область. Столица создает 1/5 всех бытовых отходов в России (11 млн. тонн). Соответственно, это город с самым быстрым и объемным метаболизмом, который потребует первоочередное вмешательств. Из всех отходов сжигаются 10% на 4 действующих МСЗ, 4 заводах по сжиганию осадочного ила, остальные 7 миллионов тонн в год вывозятся в область, т.к. на территории города нет предназначенных для сортировки пунктов. Сама практика вывоза отходов создает точки социально-экологического неравенства. Практика отдельного сбора отходов с помощью мобильных пунктов (ЮЗАО и ЗАО – ООО «МКМ-Логистика», СВАО и ВАО – ООО «Хартия», САО – ООО «ЭкоЛайн», ЮВАО – ООО «МСК-НТ») неэффективна и не обеспечивает полноценный доступ населения к отдельному сбору. Основной урон будет нести не столица, а МО, которая поделится на 7 кластеров в территориальной схеме утилизации. 5 полигонов изымут и модернизируют. Сбор, транспортирование, обработка, утилизация, обезвреживание, размещение отходов I-IV классов опасности осуществляется юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на соответствующие виды деятельности³.

¹ Министерство природных ресурсов. 2015. URL: <http://www.mnr.gov.ru/gosdoklad-eco-2015/waste.html#tbo10> (дата обращения: 15.10.2018).

² Территориальная схема управления отходами Республики Татарстан. 2016. URL: http://pravo.tatarstan.ru/rus/file/npa/2016-10/81845/npa_81846.pdf (дата обращения: 15.10.2018).

³ Территориальная схема управления ТКО в Москве. 2016. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441802077> (дата обращения: 15.10.2018); Территориальная схема обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, Московской области. 2017. URL: http://rsbor-msk.ru/wp-content/uploads/2017/07/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA_%D0%9F%D0%9F_%D0%9C%D0%9E_%E2%84%96984_47_%D0%BE%D1%82_22.pdf (дата обращения 15.10.2018).

Качественный контент анализ показал, что:

- понятие «устойчивости» применительно к снижению загрязнения и отходов города в документах начинает быть актуальным только 10 лет назад;
- развитие безотходных технологий городов – один из главнейших факторов в изменении социальной структуры и образа жизни современного мегаполиса;
- в российской концепции, под ресурсоэффективностью понимается эффективное избавление от количества отходов, не ресурсосбережения в качестве предотвращения появления большого количества отходов, где меняется структура производства и потребления, а также создание отрасли переработки;
- эволюция законодательной политики строится по принципу движения к наиболее дешевым и доступным экономическим решениям
- возрастает количество прикладных исследований по темам ресурсосбережения, НДТ, безотходных технологий, но в них часто нет экономически-рентабельных обоснований и масштабируемости на регионы и мегаполисы
- исследование проблемы отходов представлено в гуманитарных науках с точки зрения теоретических исследований по реализации социально-экологической политики, эколого-ориентированного дизайна.

Проблема отходов в городах России: эколого-технологический компонент устойчивых городов.

Общие тенденции. Экспертное сообщество поддерживает идею системности и циклического метаболизма города. Для поиска новых эффективных схем необходимо создать двунаправленное по отношению друг к другу движение локальное-федеральное (схемы, реализуемые на местах должны локально обеспечить принципы zero waste, а сами принципы должны быть четко зафиксированы в национальных принципах Автор разделяет мнения экспертов, потому что для российской си-

туации важны точечные решения проблемы управления отходами, учитывающие ареал городов, т. к. федеральная система на данный момент слишком обобщает формулирует требования к обязательствам по утилизации отходов. Территориальные схемы, учитывая климатические и географические данные городов и регионов влияют на морфологический состав отходов, на варьирующиеся сезонные химические и физические показатели, также необходимо учитывать уровни опасности отходов в зависимости от того, какие промышленные зоны участвуют в создании экономики городов.

Эксперты выделили следующие проблемные точки для Казани:

- для Казани как промышленно – ориентированного мегаполиса необходимо создание большего количества экологически перерабатывающих парков, которые создадут коалиции предприятий, работающих на каждой цепочки образований отходов.
- обозначилась конкуренция между теневыми группами и формальным сектором в контексте обеспечения социальной справедливости.
- обозначен низкий уровень общественных инициатив и активности раздельного сбора отходов.
- характерная обеспокоенность застройкой МСЗ.

В Казани в территориальной схеме учитывается предупреждение влияния отходов и реализация ресурсоэффективной политики по направлению диверсификации экономики, повышения конкурентоспособности отраслей промышленности и сельского хозяйства где отмечается необходимость в эко модернизации сырьевых производств, увеличения глубины переработки сырья, до 2020 года планируется использовать до 23% процентов образуемых отходов, но на территории федерального региона.

Экспертами были выделены следующие проблемы, характерные для Москвы:

• Москва – мегаполис с быстрыми темпами роста, в образовании отходов должны учитываться высокие уровни выбросов от транспорта и энергетического комплекса, отходов программы реновации, массового строительства. Экологические негативные эффекты, масштабные для мегаполиса, должны учитываться с поправкой на здоровье всех граждан.

• Специалисты химической безопасности учитывают расширенную трактовку проблемы отходов, имея в виду не только ТКО, но и всю метаболитическую цепочку химических веществ, вовлекающихся в процесс создания и функционирования города.

• Отбор вторичных материальных ресурсов в Москве составляет 6,73%, Захоро-

нение составляет 56,55%, обезвреживание составляет 9,72%, из них использовано: для выработки тепловой энергии – 4,54%; для выработки электрической энергии – 5,18%. При этом в Москве планируется поднять до 30 % уровень отходов, внедряемых в переработку, когда на территории Московской области нет нужной специфики перерабатывающих предприятий в должном количестве. В Москве на данный момент возникают устойчивые связи экологически – ответственных субъектов реализации политики zero waste, которые по принципу «естественного отбора» будут блокировать и сводить деятельность на нет менее ответственных компаний.

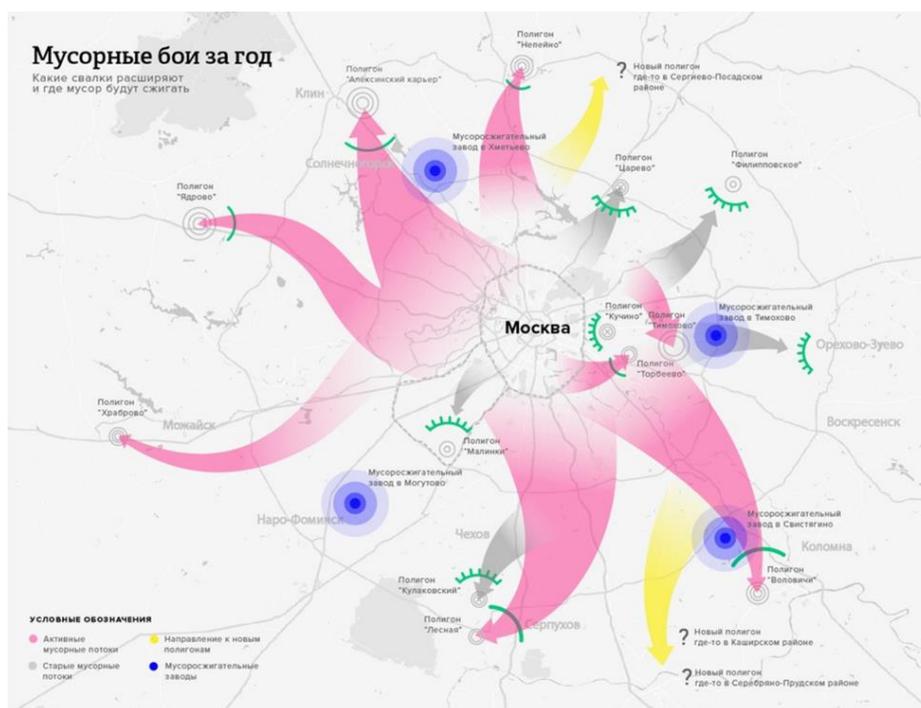

Рис. 1. Схема распространения конфликтов и общественных волнений на почве несогласия с реализацией программы «Чистая страна»⁴

Fig. 1. Scheme of the spread of conflicts and public unrest on the basis of disagreement with the implementation of the program “Clean Country”

⁴ Рисунок взят: URL: <https://www.thinglink.com/card/1020306841554386947?fullscreen=true>

Ситуация с расширением полигонов получила широкую общественную огласку и привлекла граждан к созданию новых движений «СтопВыброс» и «Душегубка.рф», и активировала давно участвующие в проблемах организации раздельного сбора организации. Подмосковные города, где расширились полигоны или по программе строились новые МСЗ повлекли за собой митинги, где участвовали тысячи жителей в 20 подмосковных городах. Министр экологии Подмосковья Александр Коган в ноябре 2017 заявил, что из-за протестов на местах власти меняют «территориальную схему». На карте представлено описание основных точек конфликта, наиболее полно отражающих фактические данные, имеются документальные подтверждения⁵.

Анализ актуальных проблем в существующих инфраструктурах управления отходами исследуемых мегаполисов выявил, что эксперты согласны с современными принципами реализации подхода Zero waste в России, что представляется как создание системы «предупреждения» образования отходов, в рамках которой должна быть создана отрасль переработки отходов и метаболитические сети обмена, однако на муниципальном уровне требуется корректировать подход, учитывая местную систему правил, возможностей и ограничений, роли города в региональном контексте. Сам метаболизм и схема управления отходами должны строиться от местного уровня (существующие тренды вполне ясно иллюстрируют принцип думай глобально – действуй локально), но учитывая общефедеральные принципы, которой должна быть ориентация на ре-

сурсоэффективный метаболизм. Москва и Казань не могут быть равноценны, в том, что столица имеет огромные обороты объемов бытовых образующихся отходов, для Москвы справедливо использовать категоризированные по районам схемы управления отходами, поскольку каждый район специфичен в плане развития инфраструктуры, Казанская область и Казань, которая является промышленно – ориентированным центром республики с разными профилями и высоким потоком образования бытовых отходов, для которых существуют готовые схемы реализации определенного вида сырья и создания экологотехнологических парков.

Сценарии развития проблемного поля управления отходами в городах.

В данной части предполагается дать характеристику динамике продвижения схемам управления отходами в городах и оценке ситуации на перспективу.

Казань и Казанская область. В Казани эксперты поделились на три группы в зависимости от точки зрения восприятия процессов, происходящих в изменении политики управления отходами:

1. *Пессимистический сценарий* – ситуация в управлении с отходами становится хуже, чем 10 лет назад, т.к. отсутствует типовой сценарий развития раздельного сбора отходов с последующей переработкой.

2. *Сценарий стагнации*, при котором поток отходов и переработки не изменится.

3. *Позитивный (конструктивный сценарий)*. Позитивный сценарий описывается:

А) *Траектория локальных изменений* в рамках того, что есть конкретные решения точечных вопросов. Например, изменение законодательства, улучшение территории, повышение активности населения, повышение доли РСО и установка контейнеров для раздельного сбора, которые по отдельности еще не гарантируют решение проблемы, но дает необходимую инфраструктурную поддержку. Б) *Траектория*

⁵ Мусорный бунт: за что Москве должно быть стыдно. 2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/infrastructure/301663-musor-che-s-nim-proihodit#%D0%9A%D1%83%D1%87%D0%B8%D0%BD%D0%BE> (дата обращения: 15.10.2018); Мусорные бои за год. 2017. URL: <https://www.thinglink.com/card/1020306841554386947?fullscreen=true> (дата обращения: 15.10.2018).

изменений, которую можно охарактеризовать как сдвиг в технологиях утилизации отходов, но не в русле ресурсосберегающей политики. Есть изменения в правовой, экономической и технологической инфраструктуре, но они движутся «по законам неких легких денег» (академический сектор)».

Москва и Московская область. Москва получила положительную оценку в целом в контексте изменений политики обращения с отходами в городе.

Растет процент вовлекающихся в раздельный сбор. Выделилось две проблемы, мешающих внедрению РСО, и затормаживающих положительную динамику:

- недостаточно информационной поддержки по правильной утилизации отходов, люди не всегда правильно сортировали отходы, что затрудняет их переработку или делает невозможной.

- не налажена система сбора опасных отходов (ртутные градусники, лампы, батарейки, аккумуляторы, бытовая химия).

- недоверие к компаниям вывоза отходов.

Общественный контроль и контроль НКО, взявшие информационную поддержку о пунктах сбора на себя, смогли отчасти скорректировать эту проблему, отмечая недостатки на карте и позволив это сделать населению⁶.

В качестве обобщения можно сказать, что есть, как и положительные изменения (создание территориальных схем на макроуровне, изменение законодательства, рост вовлекающегося населения в РСО), так и негативные (реализация технологических вопросов) для исследуемых мегаполисов России. Эксперты приняли во внимание необходимость рассматривать

точечные решения, которые предлагается рассмотреть в следующем пункте.

Наиболее эффективные концепции, инструменты, действующие силы и акторы.

Благодаря комментариям экспертов, можно выделить для каждого стейкхолдера роли, функции и специфику управления отходами, которые, по задумке экспертов, корректируют региональные территориальные схемы, представленные в описании.

Казань и Казанская область.

Государство. Каждая региональная, местная структура адаптирует общие федеральные документы под свои задачи, работы идут на каждом из уровней промышленного профиля предприятий, создавая эколого-промышленного ориентированные парки.

Тем самым каждое предприятие становится самостоятельным производителем и потребителем, реализуя локальные схемы замкнутого цикла.

Бизнес. К бизнесу предполагается применить экономические инструменты, увеличение тарифа за захоронение, в таком случае, бизнесу будет не выгодно захоронивать эти отходы, а будет выгоднее сортировать и отдавать в переработку.

Социальные инструменты и экономические инструменты. Обеспечить бесплатные пакеты для сортировки для населения, контроль за сортировкой отходов у жителя и уменьшение платы за ЖКХ для сортирующих отходы. Важна краткосрочная и долгосрочная прибыль (как материальная и нематериальная) для населения

Технологии:

- внедрение обязательного РСО с точками сбора, доступными для населения. Сначала предпочтительная упрощенная форма для формирования привычки, затем можно ее усложнить с ростом инфраструктуры переработки отходов в регионе (пара фракций, затем увеличение фракций).

- сортировочные заводы в городе, а также станции, собирающие отходы малых городов в республике, вторичная сорти-

⁶ Приложения, где можно подать жалобу или скорректировать работу операторов, можно найти в приложении статьи: Ермолаева Ю.В. Мобильные приложения в управлении отходами: всемирные и российские тренды // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 2. URL: <http://rrsociology.ru/media/sociology/2018/2/58-69.pdf>

ровка или трехступенчатая сортировка. Возможностью сортировки должны обладать любые станции, имеющие дело с утилизацией отходов.

- отдельные технические схемы для бытовых и промышленных отходов.

Москва и Московская область.

«Отходы – это не мусор. Отходы – это все, что оказывается в окружающей среде и в её основных элементах: в атмосфере, на почвах, в воде в результате деятельности человека (академический сектор)»

Для Москвы так же можно выделить для каждого стейкхолдера роли, функции и специфику управления отходами.

Государство – осуществить технологическую схему-план и ключевые показатели по переработке, разработка дорожной карты инфраструктуры развития отрасли

Бизнес – расширить функции экологической ответственности на производство, предприятие, продукцию

Граждане – необходимо информировать граждан об уровне экологической опасности

Социальные инструменты – социальная реклама раздельного сбора для граждан.

Экономические инструменты – ввести в практику инструменты циклической экономики, где главный приоритет – решение экологических проблем; налоговые льготы для тех, кто использует вторичные материалы, для тех, кто не использует – повышать залоговую стоимость упаковки

Технологии – необходимо сделать инфраструктуры раздельного сбора согласно следующим вариантам: 1) перерабатываемые и неперерабатываемые отходы 2) система greenpoint (баки РСО у жилых домов), greenzone (множество баков для разделения разных фракций РСО), greenpark (инфраструктуры, ориентированные на сбор с квартала\района\административной единицы, которая учитывает специфику образующегося морфологического состава отходов).

После внедрения РСО необходимо обеспечить специализированные мусоровозы для сбора, сортировочные станции, отправленные досортированных фракций на рынок. То, что переработать нельзя – на завод сжигания (полигон) для получения энергии.

Управление – контроль за загрузкой мощностей по переработке.

Потребление – сфера экобыта потребителя – личная ответственность гражданина в выборе экопродукции и упаковки, которую необходимо поощрять, эти инструменты должны быть связаны с ответственностью производителя.

Предлагаемые решения предполагают, что будут решены одни из недостатков, обозначенных в проблемах развития отрасли в первой части.

Мусоросжигание как одна из главных проблем современных планов по реализации: возможные сторонники и противники технологии.

Мусоросжигание – одна из ключевых тем, которые являются камнем преткновения на пути реализации безотходной стратегии. Главное сомнение состоит в целесообразности распространения данной практики как основной для ресурсоэффективной стратегии управления ресурсами. Позиция «допустимо, при условиях», экспертами была выделена всего по двум критериями: их безопасности, которую приводили как аргумент химика, технологи, и допустимого уровня ресурсосбережения, т. е. при условии, что МСЗ используется как последний технологический элемент в цепочке обращения с вторичными ресурсами в иерархии приоритетов, причем только с выработкой энергии.

«Мусоросжигательный завод нужен. Мусоросортировочные линии подходят только для «свежатины», то есть то, что только собрали и сразу везут. Потому, что, если полгода отходы полежали на полигоне ТБО, пережили смену сезонов, они уже для сортировки абсолютно не подходят. Поэтому мусоросжигательный завод нам нужен для того, чтобы изба-

виться просто от полигона ТБО. Но это не решение проблемы вновь образующихся отходов (академический сектор)».

Критериев, которые основаны на позиции «против МСЗ» больше (см. таблицу). Это причины отсутствия научного доверия к технологии, отсутствия ресурсоэффективности, нет данных о достаточной загрузженности заводов и обоснования мощности.

Один из сторонников допустимой позиции: *«Они [МСЗ] абсолютно безопасные. Что является критерием безопасности мусоросжигательных заводов? Только одна вещь – в камере сгорания мусора должно быть постоянно 1200 градусов. Тогда выгорает все абсолютно до диоксида углерода, воды и в худшем случае хлористого водорода (если это хлорорганика) (академический сектор).»* Сторонники против приводят аргументы, основываясь на сомнениях, которые лично пришлось сопоставлять с техническими данными: *«Методов сжигания существует несколько: сжигание на колосниковой решетке – один из самых первых, старых методов. Есть еще методы пиролиза и плазменной газификации. Рассматривать именно мусоросжигательные заводы с колосниковой решеткой на перспективу нельзя. Это 10 шагов назад» – эколог-технолог».*

Продвижение тех или иных технологических решений говорит об уровне развития социально-экологической культуры сообщества. Согласно долгосрочной перспективе это затрудняет в дальнейшем созданию отрасли переработки, так, как и МСЗ и инфраструктура переработки требуют определенного количества потоков отходов, чтобы сделать производство рентабельным на основе замкнутого цикла.

Заключение (Conclusion). Основываясь на выводе статьи, который был сделан в рамках данного исследования, это требование двунаправленного движения составления схемы управления отходами в городах, где одно направление составляет национальные принципы ресурсосбережения, и которые необходимо корректиро-

вать с учетом создания инфраструктур переработки, чтобы она отражала данный принцип. Встречное движение – поиск болевых точек и составление карты ресурсов районов, городов, областей, объединения уже действующих организационных и социальных активов. Эксперты считают необходимым выработать единую политику в области обращения с отходами, единые нормативы и нормы рационального поведения в соответствии с принципами зеленой экономики, которая основывается на принципах устойчивого развития и политики zero waste⁷. Должна быть создана сеть экологически ответственных лиц по сбору, транспортировке отходов и переработке, которая будет на виду у населения, она должна контролироваться государством. При этом, по мнению экспертов, необходима и идеологическая переориентация государственной политики на более ресурсоэффективную – необходимо сократить количество МСЗ, полигонов, и создать программу по переработке отходов. Структура НКО отмечена высоким просветительским и организационным функционалом в содействии государству. Специалисты поделились на три категории по отношению к строительству МСЗ: 1) сторонники с оговоркой, что не все отходы будут сжигаться и при гарантии высоко очистных фильтров; 2) сомневающиеся в их экологической и экономической целесообразности при необходимости развивать отрасль переработки и сортировки; 3) ярые противники МСЗ по причине их экологической небезопасности (температура МСЗ не будет достаточной для сжигания опасных веществ, страх неправильной эксплуатации МСЗ, мусоросжигание при неотлаженной цепи «сбор-сортировка-утилизация»).

Мало решенным остался вопрос с точки зрения повышения экологической культуры населения, где главным остается

⁷ Zero waste. URL:

<https://www.zerowastenetwork.org.au/> (дата обращения: 15.10.2018).

не столько мотивация, сколько обеспечение жителей наиболее удобными условиями для сортировки отходов и поиск выгодных для жителя решений. Дальнейшей перспективой для исследований является поиск концептуальных основ для коммуникации между различными стейкхолдерами процесса.

Список литературы

Ермолаева П.О. Социально-экологический метаболизм городов: концептуализация, научные школы, современные зарубежные исследования // Социологическая наука и социальная практика. 2015.

Усачева О.А. Российские концепции экологизации городов // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 726-732.

Яницкий О.Н., Усачева О.А. History of the «Green City» in Russia // Journal of History Culture and Art Research. 2017. Т. 6, № 6. Pp. 125-131.

Яницкий О.Н. Социально-экологический метаболизм современного города // Материалы секции Моделирование управления сложными системами: зелёная урбанизация, проект «Экополис» 13-ой международной конференции «Государственное управление: Российская Федерация в современном мире», 28-30 мая 2015 г. М., 2015. 1 CD-ROM.

Allesch A., Brunner P. Assessment methods for solid waste management: A literature review // Waste Management & Research. 2014. Vol. 30, Issue 6. P. 461-473.

Atiq Z., Lehmann S. Challenges and Opportunities in Transforming a City into a “Zero Waste City” // Challenge. 2011. Vol. 2, Issue 4. P. 73-93.

Alusi R.G., Eccles C., Edmondson T. Sustainable Cities: Oxymoron or the Shape of the Future? Boston: Harvard Business School, 2011.

Где в России удобно собирать отходы раздельно? / Greenpeace, 2016.

Gentil E., Damgaard A., Hauschild M., et al. Models for waste life cycle assessment: Review of technical assumptions // Waste Management. 2010. Vol. 30, Issue 12. Pp. 2636-2648.

Mayring Ph. Qualitative inhaltsanalyse. Handbuch Qualitative Sozialforschung. Muenhen: Psychologie-Verlag-Union, 1991.

Mavropoulos A. Megacities Sustainable Development and Waste Management in the 21st Century. 2011. URL: https://www.iswa.org/uploads/tx_iswaknowledgebase/Mavropoulos.pdf (дата обращения: 15.10.2018).

Mavropoulos A. Megacities Sustainable development and Waste Management in the 21th Century. World Congress. Hamburg: ISWA, 2010.

Medina M. Globalization, Development and Municipal Solid Waste Management in Third World Countries. Mexico, 2000.

Mitsikas A., Aravossis K. A municipal solid waste management assessment guide for waste management plans and reporting // Proceedings of the 6th International Conference on Environmental Management, Engineering, Planning & Economics (Thessaloniki, Greece, 25-30.06.2017). Greece, 2017. Pp. 466-475.

Pellow D. Garbage wars: the struggle for environmental justice in Chicago. London: The MIT Press, 2002. 246 p.

Yanitsky O. On Transition to Postmodernity and the Role of an 'Ideal City' Modeling // International Journal of Political Science. 2018. Vol. 4, Issue 3. Pp. 49-56.

References

Ermolaeva, P. O. (2015), “Social and ecological metabolism of cities: conceptualization, scientific schools, modern foreign research”, *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. (In Russian)*.

Usacheva, O. A. (2017), “Russian concepts of urban greening”, *Proceedings of the International scientific and practical conference "Russia and the world: global challenges and strategies of socio-cultural modernization"*, Moscow, Russia, 726-732. (In Russian).

Yanitskiy, O. N. and Usacheva, O. A. (2017), “History of the "Green City" in Russia”, *Journal of History Culture and Art Research*, 6 (6), 125-131. (In Russian).

Yanitskiy, O. N. (2015), “Social and ecological metabolism of the modern city”, *Proceedings of the 13th international conference "Public administration: the Russian Federation in the modern world"*, Moscow, Russia, 1 CD-ROM. (In Russian).

Allesch, A. and Brunner, P. (2014), "Assessment methods for solid waste management: A literature review", *Waste Management & Research*, 30 (6), 461-473.

Atiq, Z. and Lehmann, S. (2011), "Challenges and Opportunities in Transforming a City into a "Zero Waste City"", *Challenge*, 2 (4), 73-93.

Alusi, R. G., Eccles, C. and Edmondson, T. (2011), *Sustainable Cities: Oxymoron or the Shape of the Future?* Harvard Business School, Boston, USA.

Where in Russia is it convenient to collect waste separately? (2016), Greenpeace. (*In Russian*)

Gentil, E., Damgaard, A. and Hauschild, M., et al. (2010), "Models for waste life cycle assessment: Review of technical assumptions", *Waste Management*, 30 (12), 2636-2648.

Mavropoulos, A. (2011), *Megacities Sustainable Development and Waste Management in the 21st Century*, [Online], available at: https://www.iswa.org/uploads/tx_iswaknowledgebase/Mavropoulos.pdf (Accessed 15 October 2018)

Mayring, Ph. (1991), *Qualitative Inhaltsanalyse. Handbuch Qualitative Sozialforschung*, Psychologie-Verglas-Union, Muenhen.

Mavropoulos, A. (2010), *Megacities Sustainable development and Waste Management in the 21th Century*, World Congress, ISWA, Hamburg, Germany.

Medina, M. (2000), *Globalization, Development and Municipal Solid Waste Management in Third World Countries*, Mexico.

Mitsikas, A. and Aravossis, K. (2017), "A municipal solid waste management assessment guide for waste management plans and reporting", *Proceedings of the 6th International Conference on Environmental Management, Engineering, Planning & Economics*, Greece, 466-475.

Pellow, D. (2002), *Garbage wars: the struggle for environmental justice in Chicago*, The MIT Press, London, UK.

Yanitsky, O. (2018), "On Transition to Postmodernity and the Role of an 'Ideal City' Modeling", *International Journal of Political Science*, 4 (3), 49-56.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Ермолаева Юлия Вячеславовна, младший научный сотрудник Казанского Федерального университета, научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, сектор исследования профессий и профессиональных групп.

Yulia Vyacheslavovna Ermolaeva, Junior Researcher, Kazan Federal University, Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Department of Studying Professions and Professional Groups.

УДК 316.354

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-9

Московкин В. М.
Явэй Л.

**Иноязычные сайты и социальные сети университетов:
факторы повышения их конкурентоспособности**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

*Статья поступила 17 января 2019 г.; Принята 5 марта 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. В работе построены бинарные матрицы наличия иноязычных сайтов и аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и приложениях для 72-х университетов ЦФО РФ, входивших в 2017 г. в рейтинги Эксперт РА и Интерфакс. Анализ первой матрицы позволил получить распределение университетов, ориентированных на разные страны или группы стран. Например, в кооперации с научно-образовательными организациями стран Латинской Америки и наборе испаноязычных студентов из этих стран наиболее сильно заинтересованы классические университеты Белгорода, Воронежа, Курска (Юго-Западный государственный университет), РУДН, МЭИ и Московский государственный лингвистический университет. Идентифицированы университеты ЦФО РФ, имеющие наибольшее количество аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и приложениях. На основе этих матриц получены агрегированные показатели наличия иноязычных сайтов и социальных сетей по субъектам ЦФО РФ, которые предлагается включать в нематериальные активы регионов, влияющих на региональную университетскую конкурентоспособность. Показана актуальность разработки стратегических программ управления репутацией университетов с помощью инструментов сети Интернет, приведены основные разделы таких программ.

Ключевые слова: иноязычные сайты университетов; социальные сети университетов; Интернет; университетская конкурентоспособность; нематериальные активы регионов; Webometrics; автопостинг; бинарная матрица.

Информация для цитирования: Московкин В.М., Явей Л. Иноязычные сайты и социальные сети университетов: факторы повышения их конкурентоспособности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 1. С. 109-138, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-9

Vladimir M. Moskovkin
Liu Yavei

Foreign-language websites and social media networks
of universities: factors for increasing their competitiveness

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Received on January 17, 2019; Accepted on March 5, 2019;

Published March 30, 2019

Abstract. The article presents a binary matrix for the availability of foreign-language websites and accounts on social media networks, messengers and apps for 72 universities of the Central Federal District of the Russian Federation, which were included in the Expert RA and Interfax rankings 2017. The analysis of the first matrix has made it possible to obtain a distribution of universities targeting different countries or groups of countries. For example, the classical universities of Belgorod, Voronezh, Kursk (South-West State University), Peoples' Friendship University, Moscow Power Engineering Institute and Moscow State Linguistics University are most interested in cooperation with scientific and educational organizations in Latin America and enrollment of Spanish-speaking students from those countries. There have been identified Central Federal District universities of the Russian Federation, which have the largest number of accounts in social networks, messengers and applications. On the basis of these matrices there has been obtained aggregated indicators on the presence of foreign-language websites and social networks for the subjects of the Central Federal District of the Russian Federation, which has been proposed to be included in the intangible assets of the regions that affect regional university competitiveness. The article shows the urgency of developing strategic programs for managing university reputation with the help of Internet tools and presents the main sections of such programs.

Keywords: university foreign language websites; university social networks; Internet; university competitiveness; regional intangible assets; Webometrics; autoposting; binary matrix

Information for citation: Moskovkin, V. M. and Yavei, L. (2019), "Foreign-language websites and social media networks of universities: factors for increasing their competitiveness", *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 109-138. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-9

Введение (Introduction). В эпоху информационного взрыва, связанного с появлением и быстрым развитием Интернета, движения открытого доступа, Web 2.0-технологий, облачных технологий, социальных сетей, мобильных устройств и приложений, кардинальным образом изменилась жизнь человека и общества, включая глобальное университетское сообщество. Сегодня Web-сайт университета при-

обретает решающее значение в процессе реализации информационной политики вуза, стремящегося к открытости и доступности (Окушова, Бычкова, Гужова, 2014). Авторы этой работу пишут: «Если университета нет на лентах новостей интернет-СМИ, в обзоре актуальных событий на электронных ресурсах экспертных сообществ, в горячем обсуждении студентов, аспирантов на форумах, в блогах, социаль-

ных сетях, – есть ли он вообще». Практически все самостоятельные университеты мира имеют собственные Web-сайты, представляя на них всю свою деятельность, включая, в первую очередь, образовательную и научную. С целью презентации этой деятельности в Интернете, испанцы в 2014 г. запустили рейтинг Webometrics, который в дальнейшем вошёл в систему глобальных университетских рейтингов, наряду с ARWU, THE, QS, TNU, Leiden, URAP, SIR, и стал играть роль имиджевого и репутационного инструментов для привлечения иностранных студентов и установления научных связей. В этой связи в работе (Latysheva, Karlova, Koryakina, 2015) отмечается, что около 90% абитуриентов ищут информацию о вузах через Интернет, а в работе (Окушова, Бычкова, Гужова, 2014) высказана мысль: «Как бы не относились корифеи высшего образования к национальным и мировым рейтингам, они предоставили студентам возможность сравнивать и выбирать, а значит быть потребителями и своим выбором влиять на качество услуг».

Поэтому перед университетами всего мира встала задача создания и сопровождения как можно большего числа иноязычных сайтов. Например, при создании сети российских федеральных университетов (2006-2012 гг.), одна из главных задач состояла в создании многоязычных сайтов (Черноухов, 2014).

Методология и методы (Methodology and methods). Помимо веб-сайтов университетов, которые служат важным инструментом маркетинговых коммуникаций (Черноухов, 2014; Ткаченко, 2017), в последнее время, резко возросла роль социальных сетей в образовательной и научной деятельности (Бабин, Редько, 2011; Бакланова, 2011; Бусыгина, 2016; Замятина, 2012; Карпова, Шульга, Рудникова, 2015; Королева, 2017; Лупанов, 2010; Медведева, Водатурская, 2013; Мельникова, 2013; Овчинникова, 2013; Ульянова, 2010; Фещенко, 2011; Latysheva, Karlova, Koryakina, 2015). Общение в социальных се-

тях в последнее десятилетие превратилось из периферического способа в основной жанр Интернет-коммуникации. Социальные сети не только поддерживают социальные связи, но и служат средством распространения актуальной информации и новостей. Их феномен меняет характер компьютерно-опосредованного общения, сложившийся за предшествующие двадцать лет (Овчинникова, 2013).

Многие зарубежные эксперты считают, что время автономных систем управления обучением (Learning Management System, LMS), сформировавшихся в индустриальную эпоху, давно прошло, и они делают ставку на популярные социальные сети (Фещенко, 2011). Студенты, преподаватели и учёные тесно взаимодействуют друг с другом в социальных и научных сетях генерируют различные сообщения, дискуссии, ресурсы и новое знание.

Если раньше школы и вузы вынуждены были покупать дорогое программное обеспечение, содержать сервера для хранения цифровых данных и организации коммуникации в сети, то социальные сети все это предоставляют бесплатно (Фещенко, 2011). Поэтому в настоящее время обучающий процесс уходит в Facebook, Twitter и «В Контакте». Если сюда ещё добавить бесплатные онлайн-лекции и курсы лучших профессоров из лучших университетов мира, то мы увидим в каком плачевном состоянии очутилось традиционное образование.

В работе (Ульянова, 2010) высказана важная мысль о том, что для современных университетов управленческие модели на базе социальных сетей могут стать эффективным инструментом оперативного и стратегического управления. Близкие соображения сделаны и в работе (Лупанов, 2010).

Как известно, традиционный Интернет маркетинг вызывает раздражение пользователей Интернет, которые не хотят быть пассивной мишенью для рекламы. Поэтому они обзаводятся фильтрами и блокираторами всплывающих окон и баннеров

(Бакланова, 2011). Это привело к тому, что стало уделяться большее внимание продвижению услуг, в том числе образовательных, в социальных сетях (Social Media Marketing, SMM). Но проблема, по нашему опыту, состоит в том, что в наших, даже самых крупных, университетах отсутствуют специалисты по SMM.

В этой связи, помимо создания многоязычных сайтов, перед российскими федеральными университетами была поставлена задача создания аккаунтов в наиболее значимых социальных сетях (Черноухов,

2014). Представленность этих университетов в социальных сетях по данным вышеуказанной работы показана в таблице 1. Для сравнения в этой таблице приведены наши данные на уровень конца октября 2018 г., из которых следует, что федеральные университета за 5 лет улучшили своё позиционирование в социальных сетях, и особенно в YouTube. Такого рода бинарные матрицы по наличию социальных сетей и иноязычных сайтов мы будем строить в нашем исследовании для ведущих университетов ЦФО РФ.

Таблица 1
Представленность российских федеральных университетов в социальных сетях

Table 1

Representation of Russian Federal universities on social networks

Аббревиатура университета	Twitter		Facebook		“ВКонтакте”		You Tube		Google+	
	вес-на	ок-тябрь	вес-на	Ок-тябрь	вес-на	ок-тябрь	вес-на	ок-тябрь	вес-на	ок-тябрь
	2013	2018	2013	2018	2013	2018	2013	2018	2013	2018
СФУ	1	1	0	0	1	1	1	1	0	0
ЮФУ	0	1	0	1	0	1	0	1	0	0
СВФУ	1	1	1	1	1	1	0	1	0	1
КФУ	1	1	1	1	1	1	0	1	0	0
УРФУ	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
ДВФУ	1	0	1	1	1	1	0	1	1	1
САФУ	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0
БФУ	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0
СКФУ	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0
КрФУ	-		-	1	-	1	-	1	-	0

Отметим важные исследования по количественной оценке эффективности продвижения вуза в социальных сетях (Медведева, Водатурская, 2013) и механизмам оценки активности вузов в этих сетях (Карпова, Шульга, Рудникова, 2015). В первой работе проделан сравнительный количественный анализ групп экономического профиля ПГНИУ, МГУ, МВШЭ и РЭУ им. Г.В. Плеханова в социальной сети «В Контакте» и контент-анализ их сообщений. Во второй работе была предложена методика количественной оценки активности вузов в социальных сетях с шестью показателями и их весами, которая была реализована в виде Web-приложения оцен-

ки активности вузов в социальной сети «В Контакте». К сожалению, это Web-приложение сейчас не функционирует.

Известный зарубежный инструмент Klout Score оценивает влияние аккаунтов мировых социальных сетей Twitter, Facebook, Google+, Instagram, LinkedIn и другие. Он был использован при усовершенствовании методики расчета Национального рейтинга университетов ИА «Интерфакс» 2013 г. (Карпова, Шульга, Рудникова, 2015).

Социальные сети очень удобны при изучении карьерных траекторий выпускников вузов, определения зон влияния (сбора студентов) и преимущественного

распределения выпускников определенного вуза (Замятина, 2012).

В качестве количественного сравнительного инструмента по оценке охвата населения социальными сетями в разрезе России и её регионов может служить Brand Analytics. Он анализирует 5 социальных сетей «В Контакте» Twitter, Facebook, Live Journal, Instagram. Максимальный охват этими сетями был получен при анализе представленности 324 вузов России в социальных сетях: аккаунты социальной сети «В Контакте» имеются в 96% рассматриваемых сайтов вузов, сети Facebook – в 85%, Twitter – в 81%, YouTube – 62%, Instagram – в 48% из 324 сайтов российских вузов (Карпова, Шульга, Рудникова, 2015).

В заключении нашего обзора отметим, что социальные сети играют сейчас важную роль в научно-публикационной сфере при разработке альтернатив, которые стали внедряться с 2010 г. в качестве альтернативы к традиционным наукометрическим и библиометрическим индикаторам (Бусыгина, 2016).

Из выше приведенного обзора следует, что иноязычные сайты и социальные сети университетов являются их нематериальными активами, способствующими росту имиджа и конкурентоспособности университетов. Создание иноязычных сайтов университетов ведет к повышению значения индикатора Presence их вебметрического рейтинга за счёт создания новых Web-страниц, а самое главное – способствует лучшей узнаваемости университета в глобальном Интернет-пространстве, росту внешних ссылок на его сайт, что ведет к росту наиболее значимого индикатора Impact в вышеуказанном рейтинге.

Создание же социальных сетей университетов, особенно международных (Facebook, Twitter, Google+ и другие), также способствует улучшению их узнаваемости и росту индикатора Impact в глобальном

вебометрическом рейтинге университетов.

В нашем исследовании была поставлена цель изучить количественные распределения иноязычных сайтов и социальных сетей, на примере университетов ЦФО РФ, входящих, по крайней мере, в один из рейтингов Эксперт РА и Интерфакс. Такие университеты были нами идентифицированы в работе (Московкин, Явэй, 2018) на уровень 2017 г. Эти количественные распределения изучаются с помощью построения бинарных матриц (B_{ij}) размерности $m \times n$, где m – количество университетов, n – количество иноязычных сайтов (социальных сетей), $1 \leq i \leq m$, $1 \leq j \leq n$, $B_{ij} = 1$ если для i -го университета существует j -ый иноязычный сайт (если на сайте i -го университета присутствует аккаунт j -ой социальной сети), $B_{ij} = 0$ – в противном случае. Сбор данных с сайтов вузов производился с 5 по 13 марта 2018 г. включительно.

Научные результаты и дискуссии (Research Results and Discussion). Наличие иноязычных сайтов у рассматриваемых университетов приведено в Приложении 1, которая построена в виде бинарной матрицы ($m=72$, $n=15$). Как видим, наиболее продвинутые университеты ЦФО РФ создали, в общей сложности, 15 иноязычных сайтов. 62 университета из 72 имеют англоязычные сайты, 15 университетов – китайскоязычные, 11 – франкоязычные, 10 – немецкоязычные сайты.

Сайты на корейском, турецком и персидском языках созданы в Московском государственном лингвистическом университете. Этот университет имеет больше всего иноязычных сайтов (9), далее идут Воронежский государственный университет и Российский новый университет (по 6 сайтов).

Распределение университетов, ориентированных на разные страны, приведено в таблице 2.

Таблица 2
Распределение университетов, ориентированных на разные страны

Table 2

Distribution of universities oriented on different countries

Ориентация на страны	Количество университетов
Китай	15
Франкоязычные страны	11
Немецкоязычные страны	10
Испаноязычные страны	7
Вьетнам	5
Арабские страны	4
Польша	1
Италияязычные страны	1
Узбекистан	1
Казахстан	1
Монголия	1
Корея	1
Турция	1
Иран	1

Из Приложения 1 следует, что в кооперации с китайскими вузами и наборе китайских студентов наиболее сильно заинтересованы классические университеты Белгорода, Владимира, Воронежа, Москвы, Ивановский государственный химико-технологический университет, НИУ «ВШЭ», РУДН и ещё восемь вузов Москвы. В сотрудничестве с испаноязычными странами, в основном Латинской Америки, наиболее сильно заинтересованы классические университеты Белгорода, Воронежа, Курска (Юго-Западный государственный университет) и четыре московских университета. Следует сказать, что и многие другие вузы набирают для обучения студентов из Китая и стран Латинской Америки, но ещё не создали китайскоязычные и испаноязычные сайты. То же самое следует сказать и об арабских странах, так как арабоязычные сайты создали только Воронежский государственный университет, Тамбовский государственный технический университет, РУДН и Московский государственный лингвистический университет, хотя арабские студенты учат-

ся и во многих других вузах. Многие российские вузы пользуются услугами посреднических компаний или частных рекрутеров для набора иностранных студентов и не связываются с созданием иноязычных сайтов, за исключением англоязычных.

Из Приложения 1 видим, что построенная бинарная матрица, как отмечено выше, имеет размерность 72x15. Если бы она была полностью плотной, то есть состояла бы из всех единиц, то количество её единичных элементов составило бы $72 \times 15 = 1080$. Фактическое их количество равно 122, что составляет $(122/1080) \times 100\% \approx 11,3\%$. Следовательно, наша матрица является очень разреженной. Она имеет также достаточно разреженную субматрицу размерности 72x6 на пространстве первых шести наиболее употребительных языков.

В таблице 3 приведены университеты, имеющие больше всего иноязычных сайтов.

Распределение университетов и их сайтов по субъектам ЦФО РФ приведено в таблице 4.

Таблица 3

Университеты с наибольшим количеством иноязычных сайтов

Table 3

Universities with the largest number of foreign language websites

№ п/п	Название университета	Количество сайтов
1	Московский государственный лингвистический университет	9
2	Воронежский государственный университет	6
3	Российский университет дружбы народов	5
4	Российский новый университет	5
5	Московский государственный областной университет	5
6	Владимирский государственный университет А. Григорьевича и Н. Г. Столетовых	4
7	Национальный исследовательский университет МЭИ	4
8	Московский технологический институт	4

Таблица 4

Распределение университетов и их иноязычных сайтов по субъектам ЦФО РФ

Table 4

Distribution of universities and their foreign-language websites across the regions of the Central Federal District of the Russian Federation

Субъект ЦФО РФ	Количество университетов	Количество иноязычных сайтов	Субъект ЦФО РФ	Количество университетов	Количество иноязычных сайтов
Город Москва	38	70	Липецкая область	1	3
Воронежская область	5	12	Ярославская область	3	2
Ивановская область	3	5	Тульская область	2	2
Тамбовская область	3	5	Орловская область	2	2
Курская область	3	4	Брянская область	1	1
Рязанская область	3	4	Смоленская область	1	0
Белгородская область	2	4	Калужская область	1	0
Владимирская область	1	4	Костромская область	1	0
Тверская область	2	4	Московская область	0	0
			Всего	72	122

В Приложении 2 построена бинарная матрица размерности 72×18 наличия у университетов аккаунтов в социальных сетях, мессенджеров и приложений. Плотность её единичных элементов примерно в два раза больше по сравнению с предыдущей матрицей (303×1296) $100\% \approx 23,4\%$.

На основе этой матрицы (Прил. 2)

построена таблица распределения университетов и их аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и приложениях по субъектам ЦФО РФ (табл. 5).

В таблице 6 приведены университеты с наибольшим количеством аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и приложениях.

Таблица 5

Распределение университетов и их аккаунтов в социальных сетях,
мессенджерах и приложениях по субъектам ЦФО РФ

Table 5

Distribution of universities and their accounts on social networks, messengers and applications
across the regions of the Central Federal District of the Russian Federation

Субъект ЦФО РФ	Количество университетов	Количество аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и приложениях	Субъект ЦФО РФ	Количество университетов	Количество аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и приложениях
Город Москва	38	185	Рязанская область	3	7
Воронежская область	5	19	Тульская область	2	5
Ярославская область	3	17	Костромская область	1	3
Тамбовская область	3	14	Липецкая область	1	3
Курская область	3	11	Смоленская область	1	3
Белгородская область	2	10	Владимирская область	1	2
Орловская область	2	8	Брянская область	1	1
Тверская область	2	8	Калужская область	1	0
Ивановская область	3	7	Московская область	0	0
			Всего	72	303

Таблица 6

Университеты с наибольшим количеством аккаунтов в социальных сетях,
мессенджерах и приложениях

Table 6

Universities with the largest number of accounts on social networks, messengers and applications

№ п/п	Название университета	Количество аккаунтов
1	Российский государственный университет нефти и газа И.М. Губкина	10
2	Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики	9
3	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	9
4	Воронежский государственный университет	7
5	Мичуринский государственный аграрный университет	7
6	Ярославский государственный технический университет	7

7	Российский университет дружбы народов	7
8	Российская экономическая школа	7
9	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	6
10	Воронежский государственный технический университет	6
11	Ярославский государственный педагогический университет К. Д. Ушинского	6
12	Московский физико-технический институт государственный университет	6
13	Национальный исследовательский университет МЭИ	6
14	Российский химико-технологический университет Д. И. Менделеева	6
15	Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)	6
16	Московский государственный строительный университет	6
17	Первый Московский государственный медицинский университет И. М. Сеченова	6
18	Национальный исследовательский университет МИЭТ	6
19	Российский государственный гуманитарный университет	6
20	Московский технологический институт	6

Так как наличие иноязычных сайтов и социальных сетей университетов относятся к их нематериальным активам, то

таблицы 4 и 5 показывают агрегированные нематериальные активы субъектов ЦФО РФ. Сведем их в одну таблицу (табл. 7).

Таблица 7

Значения показателя агрегированных нематериальных активов университетов по субъектам ЦФО РФ

Table 7

Values of the aggregated indicator of intangible assets of universities across the regions of the Central Federal District of the Russian Federation

Субъект ЦФО РФ	Количество иноязычных сайтов	Количество аккаунтов в социальных сетях мессенджерах и приложениях	Всего	В расчете на один университет
Город Москва	70	185	255	6,7
Воронежская область	12	19	31	6,2
Ярославская область	2	17	19	6,3
Тамбовская область	5	14	19	6,3
Курская область	4	11	15	5,0
Белгородская область	4	10	14	7,0
Тверская область	4	8	12	6,0
Ивановская область	5	7	12	4,0

Рязанская область	4	7	11	3,7
Орловская область	2	8	10	5,0
Тульская область	2	5	7	3,5
Липецкая область	3	3	6	6,0
Владимирская область	4	2	6	6,0
Смоленская область	0	3	3	3,0
Костромская область	0	3	3	3,0
Брянская область	1	1	2	2,0
Калужская область	0	0	0	-
Московская область	0	0	0	-
Всего	122	303	425	79,7

Рассчитанные значения показателя агрегированных нематериальных активов университетов по субъектам ЦФО РФ является частью региональной университетской конкурентоспособности, обусловленной наличием иноязычных сайтов, социальных сетей, мессенджеров и приложений у университетов. Из таблицы 7 видим более чем восьмикратный отрыв Москвы от ближайших конкурентов по рассчитанному показателю, при этом удельный показатель варьировал по регионам не значительно.

Изложим теперь наше видение того, как следует развивать многоязычные сайты университетов и их социальные сети в российских регионах, и тем самым повышать их региональную университетскую конкурентоспособность. Здесь отметим положительный опыт Томска, в котором согласовано ведется работа по улучшению позиционирования и продвижения томских вузов в коммуникативном пространстве Интернета (Окушова, Бычкова, Гужова, 2014).

Полагаем, что университеты должны разрабатывать стратегические программы

по управлению своей репутации в Интернете. Эти программы, на наш взгляд, должны иметь следующее разделение.

1. Развитие иноязычных сайтов университета.

Каждый университет, основываясь на своих образовательных и научных контактах с научными и образовательными организациями других стран, а также на планах по расширению этих контактов, должен быть заинтересован в создании и сопровождении как можно большего числа иноязычных сайтов. К их созданию и сопровождению следует привлекать иноязычные филологические кафедры, а также иностранных волонтеров, обучающихся в университете. Эта работа должна проводиться в рамках учебного процесса на вышеуказанных кафедрах, где студенты и аспиранты могут упражняться в иноязычном дискурсе и анализе иноязычного контента. Для этого целесообразно сравнивать контент иноязычных сайтов университетов других стран с собственным. Качество университетских сайтов оценивается два раза в год с помощью рейтинга Webomet-

rics. Администраторы сайтов в любое удобное для себя время могут оценивать эффективность функционирования своих сайтов с помощью Google (оценка показателя Presence в рейтинге Webometrics), Majestic и Ahrefs (оценка показателя Impact в рейтинге Webometrics), Google Scholar (оценка показателя Openness в рейтинге Webometrics), а также с помощью Google Analytics, Yandex метрика, Liveinternet, и др.

2. Развитие университетских социальных сетей.

Каждый университет должен создавать как можно большее число аккаунтов в различных социальных сетях, при этом для всех зарубежных социальных сетей (Facebook, Twitter, Instagram, Google+ и др.) должно создаваться столько аккаунтов, сколько университет имеет иноязычных сайтов. Например, среди российских федеральных университетов (Прил. 1) англоязычные аккаунты в Facebook и Twitter имеют только КФУ, УРФУ и СВФУ, кроме того УРФУ имеет англоязычный аккаунт в Instagram. Аккаунты на других языках отсутствуют.

Оценка эффективности работы университетских социальных сетей может осуществляться с помощью сервисов

Brand Analytics, Крибрум, Livedune и др.

Также, как и в случае университетских сайтов, студенты и аспиранты могут упражняться в иноязычном дискурсе и анализе иноязычного контента. Такого рода бакалаврские исследования проводились в ПГНИУ (Пермь) (Колесова, 2012) и НИТГУ (Томск) (Власкина, 2016).

3. Организация взаимодействия между многоязычным сайтом университета и его социальными сетями.

Эта проблема решается с помощью инструмента Seolit, осуществляющего с помощью RSS ленты автопостинг информации с сайта в социальные сети. Кроме сервиса Seolit могут использоваться сервисы SMM PLANNER, MEGAPOST и др. В первую очередь, такой автопостинг следует организовать для текущих новостей и научных публикаций, то есть для той информации, которая регулярно и в больших количествах генерируется персоналом университета. Кроме того, на всех интересных и содержательных Web-страницах сайта университета должны быть кнопки запуска их в социальные сети.

Схема взаимодействия между многоязычным сайтом университета и его аккаунтами в социальных сетях показана на рисунке.

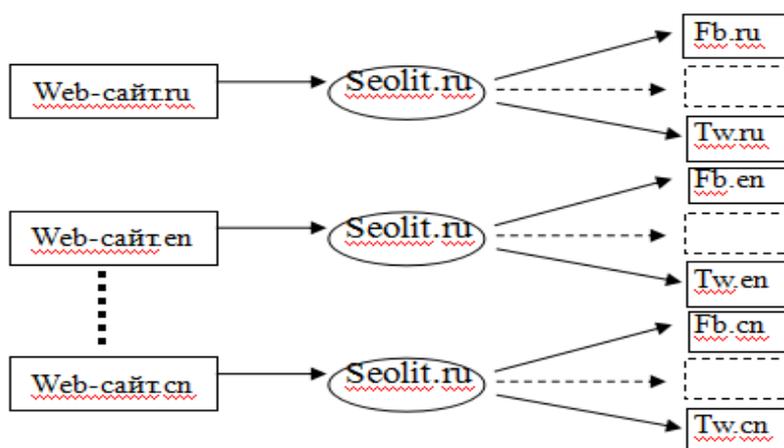

Рис. Схема взаимодействия между многоязычным сайтом университета и его аккаунтами в социальных сетях
Figure. The scheme of interaction between the multilingual university website and its accounts on social networks

На рисунке показаны русскоязычный (ru), англоязычный (en) и китайскоязычный (cn) сайты университета, связанные через сервис Seolit.ru с соответствующими аккаунтами университета в социальных сетях (Fb - Facebook, Tw – Twitter). Точки на схеме показывают, что иноязычных сайтов может быть произвольное количество, а пунктирные линии говорят о том же по отношению к аккаунтам социальных сетей.

Кроме того, такие стратегические программы должны иметь разделы по открытому доступу к образовательным курсам и результатам научных исследований.

Ставя ранее в пример опыт Томска по улучшению позиционирования и продвижению томских вузов в коммуникативном пространстве Интернета, следует отметить, что Томский государственный университет поставил на поток подготовку магистерских диссертаций по данной тематике, привязывая её к различным университетам своего региона (Ткаченко, 2007, Шагдарова, 2016, Колесникова, 2018).

Заключение (Conclusions). В работе для 72-х университетов ЦФО РФ, входивших в 2017 г. в рейтинги Эксперт РА и Интерфакс, построены бинарные матрицы наличия иноязычных сайтов и аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и приложениях. В первом случае построена бинарная матрица размерности 72×15, во втором – размерности 72×18. Показана сильная разрежённость построенных матриц.

В результате анализа первой матрицы были сделаны выводы о том, что в научной кооперации с китайскими вузами и наборе китайских студентов наиболее сильно заинтересованы классические университеты Белгорода, Владимира, Воронежа, Москвы, Ивановский химико-технологический университет, НИУ «ВШЭ», РУДН и ещё восемь московских вузов, в сотрудничестве с испаноязычными странами, в основном Латинской Америки, наиболее сильно заинтересованы классические университеты Белгорода, Воронежа, Курска (Юго-Западный государственный универ-

ситет), РУДН, МЭИ и Московский государственный лингвистический университет. Сделан также вывод о том, что многие российские вузы пользуются услугами посреднических компаний или частных рекрутеров для набора иностранных студентов и не связываются с созданием иноязычных сайтов, за исключением англоязычных.

Анализ второй бинарной матрицы показал, что наибольшее количество аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и приложениях создали РГУНиГ имени И.М. Губкина (10), НИУ «ВШЭ» (9), РАНХ и ГС при Президенте РФ (9), Воронежский государственный университет (7), Мичуринский государственный аграрный университет (7), Ярославский государственный технический университет (7), РУДН (7) и Российская экономическая школа (7).

Суммированные по регионам количества иноязычных сайтов, социальных сетей, мессенджеров и приложений представляют собой агрегированные нематериальные активы субъектов ЦФО РФ и определяют региональную университетскую конкурентоспособность, обусловленную этими активами. Получен более чем восьмикратный отрыв Москвы от ближайших конкурентов по рассчитанному показателю, при этом удельный показатель в расчете на один университет варьировал по регионам не значительно.

Для управления репутацией университетов в Интернете предложено разрабатывать стратегические программы со следующими разделами: 1. развитие иноязычных сайтов университета; 2. развитие университетских социальных сетей; 3. организация взаимодействия между многоязычным сайтом университета и его социальными сетями; 4. разработка и продвижения on-line курсов и лекций; 5. интеграция в движение “Открытый доступ”. Единая концепция первых трех разделов состоит в том, что каждый университет должен создавать как можно большее количество иноязычных сайтов и аккаунтов в социальных сетях, при этом для всех зарубежных

социальных сетей должно создаваться столько аккаунтов, сколько университет имеет иноязычных сайтов, а взаимодействие между многоязычным сайтом и его социальными сетями должно организовываться на базе инструмента Seolit, осуществляющего с помощью настройки RSS ленты автопостинг информации с сайта в социальные сети, а также с помощью постинга наиболее интересных материалов с сайта в социальные сети.

Список литературы

- Бабин Е.Н., Редько Н.В. Социальные сети как веб-сервис в организации образовательного процесса в вузе // *Материалы Международной научно-практической конференции «Информационная среда вуза XXI века»* (Петрозаводск, 26-30 сент. 2011 г.). Петрозаводск, 2011. С. 20-24.
- Бакланова Е.М. Эффективный маркетинг образовательных услуг в социальных сетях // *Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского*. 2011. № 3 (34). С. 111-115.
- Бусыгина Т.В. Альтметрия как комплекс новых инструментов для оценки продуктов научной деятельности // *Идеи и Идеалы*. 2016. Т. 2, № 2 (28). С. 79-87.
- Власкина В.Ю. Твиттер и Инстаграм как сферы реализации университетского дискурса. Выпускная квалификационная работа бакалавра (45.03.01 Филология). Томск: НИТГУ, 2016.
- Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте») // *Региональные исследования*. 2012. № 2. С. 15-28.
- Карпова Г.Г., Шульга Т.Э., Рудникова И.Н. Механизмы оценки активности вузов в интернет-сетях // *Экономические и гуманитарные науки*. 2015. № 11 (286). С. 3-13.
- Колесникова Ю.Ю. Управление репутацией университета в Интернете (на примере Сибирского государственного медицинского университета). Магистерская диссертация (42.04.01 Реклама и связи). Томск: НИТГУ, 2018.
- Колесова Т.В. Твиттер как особый вариант Интернет-коммуникации: культурная и гендерная специфика. Выпускная квалификационная работа бакалавра. Пермь: ПГНИУ, 2012.
- Королева Д.О. Перспективы использования мобильных и сетевых технологий в обучении школьников // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология*. 2017. № 1. С. 65-77.
- Лупанов В.Н. Социальные сети и технологии в управлении системой образования региона // *Образовательные технологии и общество*. 2010. Т. 13, № 2. С. 240-248.
- Медведева Э.А., Водатурская Я.Р. Оценка эффективности продвижения ВУЗа в социальных сетях // *Общество: политика, экономика, право*. 2013. № 4. С. 96-101.
- Мельникова Н.И. Научные социальные сетевые сервисы как средство дифференциации и интеграции научного сообщества // *Вестник Саратовского государственного технического университета*. 2013. Т. 1, № 1 (69). С. 255-260.
- Московкин В.М., Явэй Л. К оценке региональной университетской конкурентоспособности // *Научный результат. Экономические исследования*. 2018. Т. 4, № 1. С. 35-53.
- Неретина Е.А., Макарец А.Б. Web-сайт вуза как важный инструмент маркетинговых коммуникаций // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2009. № 41 (174). С. 85-94.
- Овчинникова И.Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типы, национально-культурная специфика (на материале социальной сети Твиттер) // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2013. № 2. С. 143-156.
- Окушова Г.А., Бычкова, М.Н., Гужова, И.В. Позиционирование и продвижение томских университетов в коммуникативном пространстве Интернета. Томск: Издательский дом ТГУ, 2014.
- Ткаченко П.С. Информационная политика Томского государственного университета. Магистерская диссертация (41.04.02 Регионоведение России). Томск: НИТГУ, 2017.
- Ульянова А.И. Социальные сети как инструмент управления // *Вестник Казанского технологического университета*. 2010. № 8. С. 125-128.

Фещенко А.В. Социальные сети в образовании: анализ опыта и перспективы развития // Открытое и дистанционное образование. 2011. № 3 (43). С. 44-50.

Черноухов Д.Э. Направления развития официальных веб-сайтов федеральных университетов России в условиях глобального рынка // Документ. Архив. История. Современность. 2014. Вып. 14. С. 18-25.

Шагдарова Б.Б. Репутация университета в коммуникативном пространстве Интернета (на примере Бурятского государственного университета). Магистерская диссертация (42.04.01 Реклама и связи с общественностью). Томск: НИТГУ, 2016.

Latysheva E.V., Karlova L.V., Koryakina A.S. Internet communication and transformation of university information space // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 166. Pp. 566-571.

References

Babin, E. N. and Redko, N. V. (2011), "Social networks as a web service in the organization of the educational process at the university", in *Proceedings of the International scientific-practical conference "Information environment of the university of the XXI century"*, Petrozavodsk, Russia. (In Russian).

Baklanova, E. M. (2011), Effective marketing of educational services on social networks, *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo*, 3 (34), 111-115. (In Russian).

Busygina, T. V. (2016), "Altmetrics as a set of new tools for evaluating the products of scientific activity", *Idey i Idealy*, 2 (2), 79-87. (In Russian).

Vlaskina, V. Yu. (2016), "Twitter and Instagram as a scope of the implementation of university discourse", Final qualification work of the bachelor, 45.03.01 Philology, NITGU, Tomsk, Russia. (In Russian).

Zamyatina, N. Yu. (2012), "The method for studying youth migration based on data from social Internet networks: Tomsk State University as a "center of production and distribution" of human capital (according to data from the social Internet network VKontakte)", *Regional'nye issledovaniya*, (2), 15-28. (In Russian).

Karpova, G. G., Shulga, T. E. and Rudnikova, I. N. (2015), "Mechanisms for assessing the activity of universities on the Internet networks",

Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki, (11), 3-13. (In Russian).

Kolesnikova, Yu. Yu. (2018), "University reputation management on the Internet (on the example of the Siberian State Medical University)", Master thesis, 42.04.01 Advertising and communication, NITGU, Tomsk, Russia. (In Russian).

Kolesova, T. V. (2012), "Twitter as a special variant of Internet communication: cultural and gender specificity", Graduation qualification work of bachelor, PGNIU, Perm, Russia. (In Russian).

Koroleva, D. O. (2017), "Prospects for the use of mobile and network technologies in teaching students", *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya*, (1), 65-77. (In Russian).

Lupanov, V. N. (2010), "Social networks and technologies in the management of the regional education system", *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*, 13 (2), 240-248. (In Russian).

Medvedeva, E. A. and Vodaturskaya, Ya. R. (2013), "Evaluation of the effectiveness of the promotion of the university on social networks", *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, (4), 96-101. (In Russian).

Melnikova, N. I. (2013), "Scientific social network services as a means of differentiation and integration of the scientific community", *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 1 (1), 255-260. (In Russian).

Moskovkin, V. M. and Yavei, L. (2018), "Towards the evaluation of regional university competitiveness", *Research Result. Economic Research*, 4 (1), 35-53. (In Russian).

Neretina, E. A. and Makarets, A. B. (2009), "University website as an important tool for marketing communications", *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment*, (41), 85-94. (In Russian).

Ovchinnikova, I. G. (2013), "Communication and identification on social networks: factors, types, national-cultural specificity (on the material of the social network Twitter)", *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, (2), 143-156. (In Russian).

Okushova, G. A., Bychkova, M. N. and Guzhova, I. V. (2014), *Positioning and promotion of Tomsk universities in the communicative space of the Internet*, Izdatel'skiy dom TGU, Tomsk, Russia. (In Russian).

Tkachenko, P. S. (2017), "Information policy of Tomsk State University", Master's thesis, 04.04.02 Regional Studies of Russia, NITGU, Tomsk, Russia. (*In Russian*).

Ulyanova, A. I. (2010), "Social networks as a management tool", *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, (8), 125-128. (*In Russian*).

Feschenko, A. V. (2011), "Social networks in education: analysis of experience and development prospects", *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie*, (3), 44-50. (*In Russian*).

Chernoukhov, D. E. (2014), "Directions of development of official websites of Federal universities of Russia in the global market", *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'*, 14, 18-25. (*In Russian*).

Shagdarova, B. B. (2016), "The reputation of the university in the communicative space of the Internet (on the example of the Buryat State University)", Master's thesis, 42.04.01 Advertising and Public Relations, NITGU, Tomsk, Russia. (*In Russian*).

Latysheva, E. V., Karlova, L. V. and Koryakina, A. S. (2015), "Internet communication and transformation of university information space", *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 166, 566-571.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Московкин Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Явэй Лю, аспирант 3 года обучения Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Vladimir M. Moskovkin, Doctor of Geographic Sciences, Professor, Belgorod State National Research University.

Liu Yavei, 3d-year Postgraduate Student, Belgorod State National Research University.

Приложение 1

**Наличие иноязычных сайтов у университетов ЦФО РФ, входящих, по крайней мере, в один из рейтингов
Эксперт РА-2017 и Интерфакс-2017, 5-13 марта 2018 г.**

Appendix 1

**Availability of foreign-language websites at universities of the Central Federal District of the Russian Federation, included in
at least one of the ratings of Expert RA-2017 and Interfax-2017, March 5-13, 2018**

№ п/п	Субъект РФ / Университет	Язык														Всего единиц	
		Английский	Испанский	Китайский	Немецкий	Французский	Арабский	Польский	Вьетнамский	Итальянский	Узбекский	Казахский	Монгольский	Корейский	Турецкий		Персидский
1	Белгородская область																
	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
	Белгородский государственный технологический университет В Г Шухова	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
2	Брянская область																
	Брянский государственный университет академика И. Г. Петровского	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
3	Владимирская область																
	Владимирский государственный университет А. Григорьевича и Н. Г. Столетовых	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4

4	Воронежская область																
	Воронежский государственный университет	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6
	Воронежский государственный технический университет	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
	Воронежский государственный аграрный университет К. Д. Глинки	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
	Воронежская государственная медицинская академия Н. Н. Бурденко	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
	Воронежский государственный лесотехнический университет Г. Ф. Морозова	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	2
5	Ивановская область																
	Ивановский государственный химико-технологический университет	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
	Ивановский государственный университет	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2
	Ивановский государственный энергетический университет В. И. Ленина	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
6	Калужская область																
	Калужский государственный университет К. Э. Циолковского	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7	Костромская область																
	Костромской государственный университет Н. А. Некрасова	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

8	Курская область																
	Курский государственный университет	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
	Юго-Западный государственный университет Курск	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
	Курский государственный медицинский университет	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
9	Липецкая область																
	Липецкий государственный технический университет	1	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	3
10	Орловская область																
	Орловский государственный университет И. С. Тургенева	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
	Орловский государственный аграрный университет	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
11	Рязанская область																
	Рязанский государственный университет С. А. Есенина	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
	Рязанский государственный радиотехнический университет	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
	Рязанский Государственный Медицинский университет академика И. П. Павлова	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
12	Смоленская область																
	Смоленский государственный университет	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

13	Тамбовская область																
	Тамбовский государственный технический университет	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
	Тамбовский государственный универси- тет Г. Р. Державина	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
	Мичуринский государственный аграрный университет	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
14	Тверская область																
	Тверской государственный университет	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
	Тверской государственный технический университет	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
15	Тульская область																
	Тульский государственный университет	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	Тульский государственный педагогиче- ский университет Л. Н. Толстого	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
16	Ярославская область																
	Ярославский государственный универ- ситет П. Г. Демидова	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
	Ярославский государственный педагоги- ческий университет К. Д. Ушинского	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
	Ярославский государственный технический университет	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
17	Город Москва																
	Московский государственный универси- тет М. В. Ломоносова	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
	Национальный исследовательский уни- верситет Высшая школа экономики	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский физико-технический институт государственный университет	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский государственный технический университет Н. Э. Баумана	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Национальный исследовательский технологический университет МИСиС	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Российский университет дружбы народов	1	1	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Национальный исследовательский университет МЭИ	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	4
Российский государственный университет нефти и газа И.М. Губкина	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский технологический университет МИРЭА	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Российская экономическая школа	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Российский химико-технологический университет Д. И. Менделеева	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский государственный институт международных отношений (университет)	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

Московский государственный строительный университет	1	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	3
Московский государственный технологический университет Станкин	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Финансовый Университет при Правительстве РФ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Российский национальный исследовательский медицинский университет Н. И. Пирогова	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Российский экономический университет Г. В. Плеханова	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Первый Московский государственный медицинский университет И. М. Сеченова	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Национальный исследовательский университет МИЭТ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Российский государственный аграрный университет К. А. Тимирязева	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский педагогический государственный университет	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Российский новый университет	1	0	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	5
Московский государственный областной университет	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Московский государственный университет путей сообщения	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Российский государственный гуманитарный университет	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

Московский государственный университет технологий и управления К. Г. Разумовского	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Московский государственный машино- строительный университет (МАМИ)	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский технологический институт	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	4
Московская государственная юридиче- ская академия О. Е. Кутафина	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский технический университет связи и информатики	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский государственный лингви- стический университет	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	9
Московский архитектурный институт (Государственная академия)	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Всероссийская академия внешней торговли	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский государственный универси- тет дизайна и технологии	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего единиц	62	7	15	10	11	4	1	5	1	1	1	1	1	1	1	1	122

Приложение 2

Наличие аккаунтов университетов ЦФО РФ, входящих, по крайней мере, в один из рейтингов
Эксперт РА-2017 и Интерфакс-2017, в социальных сетях, мессенджерах и приложениях, 5-13 марта 2018 г.

Appendix 2

Availability of university accounts of the Russian Federation Central Federal District, included in at least one of the ratings
of Expert RA-2017 and Interfax-2017, March 5-13, 2018

№ п/п	Субъект РФ / Университет	Социальные сети												Мессенджеры и приложения			Всего единиц		
		YouTube	Facebook	Twitter	ВКонтакте	Телеграмм	Instagram	OK.ru	Google+	Live Journal	Flickr	Мой мир	vimeo	linkedin	RSS	Google play		iTunes	Viber
																			
1	Белгородская область																		
	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	6
	Белгородский государственный технологический университет В. Г. Шухова	1	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
2	Брянская область																		
	Брянский государственный университет академика И. Г. Петровского	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

3	Владимирская область																			
	Владимирский государственный университет А. Григорьевича и Н. Г. Столетовых	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	2
4	Воронежская область																			
	Воронежский государственный университет	1	1	1	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	7	
	Воронежский государственный технический университет	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	6	
	Воронежский государственный аграрный университет К. Д. Глинки	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
	Воронежская государственная медицинская академия Н. Н. Бурденко	1	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	
	Воронежский государственный лесотехнический университет Г. Ф. Морозова	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	
5	Ивановская область																			
	Ивановский государственный химико-технологический университет	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	2	
	Ивановский государственный университет	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
	Ивановский государственный энергетический университет В. И. Ленина	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	4	
6	Калужская область																			
	Калужский государственный университет К. Э. Циолковского	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	

7	Костромская область																		
	Костромской государственный университет Н. А. Некрасова	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
8	Курская область																		
	Курский государственный университет	0	0	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
	Юго-Западный государственный университет Курск	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
	Курский государственный медицинский университет	0	1	1	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
9	Липецкая область																		
	Липецкий государственный технический университет	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
10	Орловская область																		
	Орловский государственный университет И. С. Тургенева	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
	Орловский государственный аграрный университет	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
11	Рязанская область																		
	Рязанский государственный университет С. А. Есенина	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
	Рязанский государственный радиотехнический университет	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	3
	Рязанский Государственный Медицинский университет академика И. П. Павлова	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2

12	Смоленская область																			
	Смоленский государственный университет	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
13	Тамбовская область																			
	Тамбовский государственный технический университет	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
	Тамбовский государственный университет Г. Р. Державина	0	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
	Мичуринский государственный аграрный университет	1	1	1	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	7
14	Тверская область																			
	Тверской государственный университет	0	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
	Тверской государственный технический университет	1	0	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
15	Тульская область																			
	Тульский государственный университет	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	4
	Тульский государственный педагогический университет Л. Н. Толстого	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
16	Ярославская область																			
	Ярославский государственный университет П. Г. Демидова	0	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
	Ярославский государственный педагогический университет К. Д. Ушинского	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6

	Ярославский государственный технический университет	0	1	1	1	0	0	1	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0	7
17	Город Москва																		
	Московский государственный уни- верситет М. В. Ломоносова	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
	Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики	1	1	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	9
	Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ	1	1	1	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
	Московский физико-технический ин- ститут государственный университет	1	1	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	6
	Московский государственный техни- ческий университет Н. Э. Баумана	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
	Национальный исследовательский технологический университет МИСиС	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
	Российский университет дружбы народов	0	1	1	1	0	0	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	7
	Национальный исследовательский университет МЭИ	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	6
	Российский государственный универ- ситет нефти и газа И.М. Губкина	1	1	1	1	1	0	0	1	0	1	0	1	1	1	0	0	0	10
	Московский технологический университет МИРЭА	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
	Российская экономическая школа	1	1	1	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	7
	Российский химико-технологический университет Д. И. Менделеева	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	0	9
Московский государственный институт международных отношений (университет)	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6
Московский государственный строительный университет	1	1	1	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6
Московский государственный технологический университет Станкин	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Финансовый Университет при Правительстве РФ	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Российский национальный исследовательский медицинский университет Н. И. Пирогова	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Российский экономический университет Г. В. Плеханова	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Первый Московский государственный медицинский университет И. М. Сеченова	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6
Национальный исследовательский университет МИЭТ	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	6
Российский государственный аграрный университет К. А. Тимирязева	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3

Московский педагогический государственный университет	1	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	5
Российский новый университет	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Московский государственный областной университет	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Московский государственный университет путей сообщения	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	2
Российский государственный гуманитарный университет	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	6
Московский государственный университет технологий и управления К. Г. Разумовского	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	4
Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Московский технологический институт	1	1	1	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	6
Московская государственная юридическая академия О. Е. Кутафина	0	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
Московский технический университет связи и информатики	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Московский государственный лингвистический университет	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Московский архитектурный институт (Государственная академия)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Всероссийская академия внешней торговли	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	5
Московский государственный университет дизайна и технологии	0	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
Всего единиц	39	54	42	65	10	38	7	6	4	2	2	2	2	5	20	3	3	1	303